

Вагун Лашенко
От Елбаза до
Шулявки

Вадим Ляшенко

**ОТ ЕВБАЗА ДО ШУЛЯВКИ.
ОККУПАЦИЯ И
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

(Сборник воспоминаний)

Киев
ПАО «ВИПОЛ»
2013

УДК 821.161.1(477)-94
ББК 84(4Укр=Рос)6-4
Л99

Ляшенко В.А.

Л99 От Евбаза до Шулявки. Оккупация и послевоенные годы: Сборник воспоминаний / В.А. Ляшенко. – К.: ПАО «Випол», 2013. – 168 с.

ISBN 978-966-646-133-2

Эта книга написана по воспоминаниям «детей войны», переживших оккупацию Киева и, не менее тревожный, послевоенный период. Отдельные главы посвящены киевской преступности («Черная кошка», беспризорники и воры), инвалидам и юродивым. Довольно подробно описаны Евбаз и Шулявка, игры и шалости детворы. Автор стремился придать своему сборнику документальный характер. Неопубликованные ранее воспоминания чередуются с архивными документами, публикациями в прессе и авторским анализом.

Ця книга написана зі спогадів «дітей війни», які пережили окупацію Києва і, не менш тривожний, післявоєнний період. Окремі глави присвячені київській злочинності («Чорна кішка», безпритульніки і злодії), інвалідам і юродивим. Досить детально описані Євбаз та Шулявка, ігри та витівки дітвори. Автор прагнув додати своїй збірці документальний характер. Неопубліковані раніше спогади чергуються з архівними документами, публікаціями в пресі та авторським аналізом.

ББК 84(4Укр=Рос)6-4

ISBN 978-966-646-133-2

© В.А. Ляшенко, 2013

ОТ АВТОРА

Данный сборник написан по воспоминаниям моих родителей, а также моих друзей – «детей войны». Это рассказы о Киеве моей мамы Галины Семеновны Ляшенко (р. 1934, в девичестве Исаенко) и отца Антона Сергеевича Ляшенко (1938-2012). Среди воспоминаний друзей следует выделить рассказы двух Юриев – Платонова и Бубнова. Юрий Федорович Платонов родился в 1938 году в Киеве, в 1960-х годах закончил КИСИ, а в 1970-х – КПИ. В книге «Растрепанные воспоминания о странном детстве» Валентин Терно перечисляет своих друзей, среди которых упоминает Витю Гринева, по прозвищу «Кум». Его младший брат – Саша Гринев учился в одном классе с Юрием Платоновым. После школы Юрий Федорович долгое время работал вместе с Виктором Гриневым на КРЭМЗе (Киевском ремонтном электромеханическом заводе). Вспоминает Ю. Платонов: *«С 1941 по 1944 я с родителями был в эвакуации в городе Кизел Молотовской области (сейчас Пермская область). Мой отец имел бронь и работал в тылу модельщиком по дереву. Профессия была важной и ответственной – он вырезал из дерева точные копии новых деталей, которые затем отливали в металле.*

По возвращению в Киев мы обосновались на Шулявке, в частном доме на Борщаговском переулке. Напротив находились переулок Пестеля (Кривой), улица Полевая и Брест-Литовское шоссе. К сожалению, Борщаговского переулка с частным сектором уже не существует, на его месте проложены новые улицы с многоэтажными домами. Учился я в школе №71, расположенной рядом с Политехническим институтом по адресу Полевой пер., 10. Сейчас это специализированное учебное заведение с углубленным изучением английского языка.

Несколько лет назад Вадим Ляшенко подарил мне книгу воспоминаний Валентина Терно. Я словно вернулся в послевоенное детство, вспомнил о наших играх и шалостях. Валентин в то время жил недалеко от меня – на другом конце Полевой улицы – на Третьей Дачной. И школа у нас с 1944 года была одна и та же – №71». Неподалеку, в детдоме на ул. Керосинной, 4, с 1942 года по лето 1943, находился Д. Малаков. После войны Дмитрий Васи-

льевич учился в школе №24 по ул. Воровского, 18/2. На этой же улице проживали Галина Ляшенко и семья Бубновых.

Юрий Григорьевич Бубнов родился в 1942 году в Киеве и проживал в доме №51 по ул. Воровского (со стороны двора – ул. Дмитриевская, 16). В этом же доме проживала техник связи Мара – подруга Г. Ляшенко. Юрий Григорьевич закончил школу №91 в Чеховском переулке, а в 1970 году защитил диплом КИСИ. Его маме – Нине Константиновне Бубновой (Голубояр), в 1992 году было официально присвоено звание «Праведник Бабьего Яра».

Вспоминает Ю. Бубнов: *«После уроков мы любили погонять мяч в «чкаловском садике» (он расположен у пересечения улиц Чкалова (Гончара) и Коцюбинского). Хорошо помню старый вариант памятника Чкалову – гипсовый и загаженный птицами. Памятник довольно успешно пережил оккупацию, потеряв лишь кисть одной руки. Сейчас на его месте возвышается новая скульптура (установлена в 1981 году). В нашей школе занимался О. Базилевич – будущий известный футболист и тренер. Хотя Олег Петрович был старше меня на четыре года, мне однажды повезло «погонять» с ним мяч. Часто, бегая в «чкаловском садике», мы встречали Бориса Гуревича – знаменитый борец жил где-то неподалеку. Помню, как на встречу выпускников, уже в середине 1960-х годов, в нашу школу пришли Б. Гуревич, О. Базилевич и его друг – В. Лобановский».*

Воспоминания «детей войны» отличаются яркостью образов и многочисленными деталями. Колоритные личности сходят со страниц и продолжают существовать своей жизнью. Реалии той эпохи, одновременно – трагичной и прекрасной, тяжелой и удивительной, оживают в сознании читателей. Автор стремился придать своему сборнику документальный характер. Воспоминания (отмечены курсивом) чередуются с архивными документами, публикациями в прессе и авторским анализом. Эксклюзивные материалы тематически дополняются небольшими отрывками из опубликованных ранее мемуаров В. Терно, Д. Малакова, А. Кузнецова и др.

Автор выражает благодарность за помощь в работе заслуженному врачу Украины, кандидату медицинских наук Ростиславу Юрьевичу Яроцкому, а также своему другу – Виталию Григорьевичу Чернеге (Торонто, Канада).

1. КИЕВ, ГОЛОД, ВОЙНА (воспоминания Галины Ляшенко)

Мои родители были родом из Черкасской области – из сел Будище и Лозивок. Они выросли в довольно зажиточных крестьянских семьях – земли до революции было столько, что не обойдешь и за день. Моя мать с детства пасла волов – очень сильных и умных животных. Бывало, что на стадо нападали волки, тогда волы становились в плотную круговую оборону, выставив наружу рога. В центре пряталась мама с молодняком.

Потом пришли большевики и отобрали землю, скот и ценное имущество. Оставили лишь небольшой надел у самой хаты. Семья у нас была большая: у моей матери было десять сестер и братьев. Со всего стада им не оставили даже одной коровы, чтобы поить детей молоком. Моя бабушка рассказывала, как скот с села погнали к днепровской пристани. Там животных загоняли на пароходы и отправляли вверх по реке, видимо в Киев. Скотина была очень напугана – на все село раздавалось громкое мычание и бляние. Много животных погибло еще по пути к пристани. Дело в том, что дорога от села шла через лес и была довольно узкой. Вместо того, чтобы разделить стадо и вести их небольшими группами, полуграмотные экспроприаторы погнали всю живность скопом. Волы, коровы, лошади и козы – все смешалось, много молодняка было подавлено. У моего дедушки Иосифа, наблюдавшего весь этот кошмар, не выдержало сердце.

В голодомор 1932-1933 годов наша семья выжила благодаря бабушкиным ювелирным украшениям, которые она спрятала перед приходом большевиков. Мои родители собрали все оставшиеся ценности и отправились в Киев. Ехали на подводе окольными путями, так как все вокзалы были перекрыты военными и НКВД – крестьянам запрещалось покидать свои умирающие села. Почти все золото родители обменяли на муку и крупу. К счастью, моей матери удалось устроиться уборщицей в какой-то ведомственной столовой. Мать работала в Киеве, а отец возил к нам в Черкасскую область продукты – в основном крупу и сухари. [Но не всем так повезло: многие приезжие крестьяне нашли в городе свою смерть. Вспоминает журналист и писатель Давид Шиманов-

ский: *«Мне было около четырех лет, когда в Киев сквозь заградительные кордоны прорывались жертвы голодомора с опухшими синюшными лицами. Они протягивали худые грязные руки, умоляя о помощи. А под окнами соседней пекарни молча лежали умиравшие крестьянские дети, жадно вдыхая аромат свежего хлеба»*. Об этой пекарне на ул. Воровского, 51, речь пойдет позднее. Родители Д. Малакова были свидетелями, как крестьяне умирали под заборами, магазинами и у решеток подвальных пекарен. К утру на киевских улицах скапливались трупы погибших за ночь. Вспоминает бывший переводчик Сталина В. Бережков: *«Никогда не забуду, как мне приходилось переступить через замерзшие и припорошенные снегом трупы этих несчастных»*. Спецкоманды объезжали улицы и собирали изможденные и опухшие тела. Поэт Наум Коржавин, еще будучи ребенком, видел грузовик, в кузове которого в три слоя лежали трупы – почти скелеты. В. Павлюченко (КАИ) писал, что каждое утро с Вокзала выезжали телеги с трупами людей, нагруженных навалом и кое-как прикрытых рогожами. Вспоминает Г. Кочубей: *«Голодающие селяне почему-то старались попасть в центр, их было много на таких улицах, как Красноармейская, Ленинская»*. – **Прим. автора**

На населенные пункты, не выполнившие план по сдаче продовольствия, налагались санкции в виде прекращения поставок товаров. Завышенный план и карательные санкции приводили к уничтожению населения сел и деревень. Специальные команды не только реквизировали все запасы продуктов – они даже заглядывали в печи, доставали казаны и выливали содержимое в уборные.

Голодной весной 1934 года младший брат моей мамы решил нарвать цветов акации. Он забрался высоко на ветку, но из-за слабости не удержался и упал. Упал неудачно – прямо на забор и распорол себе живот. Его организм был ослаблен постоянным недоеданием, да и в селе врача не было. Поэтому дядя не выжил.

В те страшные годы не все родители спасали своих детей. Взрослые еще как-то держались на ногах, а дети уже не вставали от голода. Чтобы спастись, находились и такие, кто заколачивал окна и двери домов, оставлял своих детей умирать и покидал село. Мать рассказывала, что умерших собирали по всей округе и просто сбрасывали в ямы. Был один сердобольный селянин,

который говорил, что покойники лежат не правильно – не похристиански. Он спускался в братскую могилу, распрямлял скорченные трупы и складывал им руки на груди.

В середине 1930-х годов мой отец перебрался в Киев. Он устроился работать на «Чемоданку» – фанерный завод на левом берегу, неподалеку от Старых Позняков. Вскоре завод предоставил нам дом в селе Позняки, около Днепра. Дом был кирпичный, с крытой железом крышей и стоял на сваях. В сильные весенние паводки вода затапливала улицы, и жители передвигались на лодках. Из-за регулярных потопов родители несколько лет не могли ничего вырастить на огороде. Рядом с селом находился густой лес и большие озера. Зимой отец сверлил во льду лунки и ловил очень вкусных вьюнов. В 1939 году отца забрали на службу в армию, к счастью где-то недалеко – в Киевский военный округ.

В том же году, будучи еще пятилетним ребенком, я чуть было не погибла. Помню, что родители ждали гостей – родственников из Черкасс. Мать прямо во дворе у дома готовила обед. Здоровенный чугунок стоял на небольшой плите, которую топили дровами. Будучи очень любопытной, я с успехом перевернула кипящий борщ прямо на себя. Боль была такой сильной, что я потеряла сознание. Приехавший врач сообщил, что дело безнадежное – большая площадь ожогов. Не имело даже смысла везти меня в больницу. И тут приехали наши родственники. Когда дед Василь узнал о моей беде, он сел на телегу и помчался обратно в Черкасы. Там у своего знакомого, работающего на бойне, он взял свежую желчь от нескольких коров. Когда дед Василь вернулся, моя кожа уже стала гнить. Ее мазали желчью несколько недель: от такой мази все тело стало черным. К счастью, я выжила: на память осталось лишь несколько шрамов на ногах.

Рядом с нашим домом жил священник со своей многолетней семьей. Он часто помогал нам – и делом и советом. Мама рассказывала, что это был хороший, в высшей степени воспитанный и добрый человек. Однажды летом 1940 года к нашему дому подъехала машина. Моей маме показали какие-то документы и пригласили вместе с детьми в машину. Нас привезли в НКВД на улицу Короленко (сейчас Владимирская) и оставили в каком-то помещении. Внутри стояли деревянные топчаны, свет проникал

сквозь зарешеченные окна. В этом КПЗ нас продержали больше суток без еды и воды. Мать периодически вызывали к следователю и требовали подписать бумагу со свидетельскими показаниями. В бумаге утверждалось, что наш сосед-священник настраивает односельчан против советской власти. Маме удалось избежать греха лжесвидетельства, ссылаясь на свою безграмотность, на малых детей и на то, что ее муж – офицер и служит в Советской Армии. На следующий день нас с мамой, изнывающих от голода и жажды, отпустили. Предстоял еще долгий путь домой – пешком и по жаре.

Вернулись мы домой к вечеру, мать быстренько приготовила ужин и побежала к соседям. Она сообщила обо всем священнику и его жене – они тут же начали собирать свои вещи и продукты. Детей, которые были повзрослее, оставили у своих друзей, а совсем малых – забрали с собой. Ночью, чтобы избежать лишних глаз, соседи закрыли свой дом и уехали. Утром к их дому подъехала машина с чекистами, но арестовывать было уже некого.

Уже с годами, с сединой в висках, я поняла, какая опасность нам грозила. Мне кажется, с моей матерью просто поленились возиться из-за малых детей и мужа-офицера. Видимо, в НКВД решили, что они найдут более покладистых «свидетелей».

Лет через двадцать моя мать сильно заболела и отправилась к одному известному целителю. Жил он в селе, если я не ошибаюсь, где-то в районе Яготина. Какого было ее удивление, когда целителем – дедом Бурей, как звали его односельчане, оказался наш бывший сосед-священник. Он очень обрадовался моей матери и объявил всем, что она спасла всю его семью. Принял ее очень хорошо, вылечил и с гостинцами отпустил домой.

Начало войны я запомнила по грохоту бомбежек. Немцы бомбили фабрики и вокзал Старой Дарницы. Ночью они сбрасывали с самолетов осветительные бомбы на парашютах и становилось светло как днем. В небе с громким треском разрывались зенитные снаряды. Над днепровскими мостами висели целые облака заградительного огня. [Огонь вели не только береговые батареи, но и мониторы Пинской флотилии. – Прим. автора]

Во многих городах и селах народ не верил в то, что началась война. Когда немецкие самолеты проводили бомбардировку, на

земле думали, что это сбрасывают для них подарки. Многие бежали прямо под бомбы и гибли. Позднее, когда огнем была охвачена вся Украина, обыватели пугали друг друга рассказами о немецком «чудо-оружии», уничтожавшем в воздухе кислород, а также о «сонном газе», усыпляющем целые армии.

Несмотря на то, что Позняки находятся вдалеке от городских кварталов и мостов, от разрывов у нас дрожали оконные стекла. От страха я пряталась с братом под стол. Мучительное ожидание тянулось бесконечно долго: «Попадут или нет?». Дома, в которые угодили бомбы, падали с особым, долгим и глухим звуком: это была какофония бьющихся стекол, трескающихся стен и ломающегося кирпича. Причем, после падения дом еще какое-то время жутко скрипел – это оседали разрушенные перегородки.

На следующий день я увидела своего отца – его отпустили из военной части повидаться с родными. Он долго обнимал нас и плакал, потом попрощался с матерью и уехал. Артиллеристом он прошел всю войну, его батарею часто бомбили немецкие штурмовики. Отец дошел до Берлина и вернулся домой в 1947 году.

В сентябре фронт вплотную приблизился к Киеву. В городе поднялась суматоха, участились грабежи. Все с горестью обсуждали местную власть, которая заботилась в первую очередь об эвакуации ценного оборудования, а не простых граждан. Затем пришли немцы и на несколько дней в Киеве воцарился покой. Но он прекратился вместе со взрывами на Крестьянке... В те ночи город окутало багровое зарево. Как гнали евреев в Бабий Яр я не видела, зато хорошо помню, как немцы вели по улице Артема несколько сотен цыган – с котомками, изможденных долгой дорогой. Похоже, что оккупанты собрали их со всей области. Печальное это было зрелище... Старики с густыми бородами, парни и девушки восточной красоты, пожилые цыганки-гадалки, цыганки с грудными детьми. Кузнецов писал, что немцы охотились на цыган, как на дичь и гнали кочевой народ в Бабий Яр целыми таборами.

Молодые мамы догадывались о своей участи и аккуратно клали грудничков у дороги – в какие-нибудь выбоины или углубления, чтобы детей не заметили немцы. Но, как рассказывала моя мама, охранники все прекрасно видели и делали вид, что это их не касается. Не смотря на то, что время было тяжелое и полуголо-

дное, находились киевлянки, которые забирали младенцев себе. [Подобный эпизод упоминает В. Терно: «В отдельных случаях рыдающие матери, в последний раз целуя своих маленьких детей, передавали их из рук в руки каких-то сердобольных людей». – **Прим. автора**] Интересно, что спустя лет двадцать, мой старший брат Вова женился на цыганке-сироте, которую воспитала подобная сердобольная киевлянка. Она подобрала на Артема девочку, назвала Галей и каким-то образом оформила на себя.

Немцы вошли к нам в Позняки как хозяева – сытые и довольные. Помню, что в их подразделениях было очень много мотоциклов. Было несколько автомобилей и конных подвод. Нас немцы не опасались и не трогали: они знали, что в селе остались только женщины и дети. Они несли по песку какие-то длинные и легкие предметы. Позднее я поняла, что это были надувные лодки для временной переправы. Я не знаю, где она точно проходила – у разрушенного железнодорожного моста или ниже по течению, через остров «Великий». Мы туда ходить боялись, так как мосты и переправы тщательно охранялись.

Нашими постояльцами стали несколько немецких солдат. Первое время мы ютились на кухне, но затем немцы решили поселить в нашем доме офицерский состав. Нас деликатно, но настойчиво выставили из дома. Мы и еще несколько семей переселились в бараки, которые стояли на краю села. Отселили всех, у кого были хорошие и крепкие дома – ветхие и старые хибары немцев не интересовали. В наспех сооруженном, разделенном кусками фанеры на отдельные комнатухи, бараке мы провели всю зиму. Нашими постоянными «соседями» были крысы и холод. Барак отапливался очень плохо – каждую ночь от дыхания все покрывалось инеем и волосы примерзали к дощатой стене, у которой мы спали. Всех детей плотно закутали в телогрейки – только ноги торчали; все щели заткнули тряпками, но холод был такой, что вода в ведрах покрывалась коркой льда. Зима была такой холодной, что немцы умудрились построить временные железнодорожные мосты (в районе Чертороя и Подола) прямо по льду замерзшего Днепра. Из ледяных блоков сложили насыпь, а сверху закрепили шпалы с рельсами. [После захвата Киева немцы возвели

несколько временных переправ, а также подвесные дороги, закрепив канаты на быках разрушенных мостов. – **Прим. автора]**

Недалеко от барачков располагались «кагаты» – временные открытые колхозные хранилища. Они были заграждены забором и при советской власти хорошо охранялись. Мы забирались в кагаты, чтобы натаскать перемороженных помидоров. Мясо и сало стоило баснословно дорого. Выжить помогал натуральный обмен: мама носила в села на обмен ткань, мыло и спички. Взамен получала немного мяса, молока и яиц. Поездки были сопряжены с риском: зимой истощенный путник мог замерзнуть, продукты и вещи могли отобрать, а их владельца избить или даже убить. Однажды маме пришлось убежать из одного деревенского двора-лопушки, куда она по неосторожности зашла. Хозяин пошептался с женой и вместо того, чтобы вынести немного муки, отправился в сарай за топором. Сгущались вечерние сумерки, мама тихонько перелезла через забор и спряталась в придорожных кустах. Оттуда она наблюдала как хозяева долго рыскали по двору, тщетно пытаясь ее найти. [Не меньшая угроза в те времена исходила и от полицаев. Вспоминает киевлянка Мария Ковтун (р. 1927): «Мое детство и военное время прошло в частном доме напротив стадиона «Спартак». Я шмакодявка (см. в **Приложении – Словарь жаргонных слов, встречающихся в тексте**) была озорная – водилась с куреневской шпаной, знала клички и род занятий всех местных урок. Куреневка это вам не «Жлобograd», а уважаемый район. Помню, как пришли немцы... 29 сентября я пошла провожать наших соседей. Это была тихая еврейская семья – мать, сын и невестка. Все до войны работали в местной «Лаптярне». [4-я обувная фабрика. – **Прим. автора]** Наверное, они почувствовали опасность и еще до улицы Мельникова отправили меня домой. Так мне довелось выжить и не попасть в оцепление, откуда уже не возвращались. В голодную зиму 1941/42 мне пришлось отправиться за продуктами в село. Я и моя подружка собрали по мешку каких-то женских шмоток – платьев, ночных рубашек и кофточек. С грузом, да по снегу – идти очень тяжело. Поэтому мы решили подсаживаться, где можно, в пустующие и не закрытые товарные вагоны. Если в них перевозили свиней – запах стоял невыносимый. Помню, как в одном вагоне я нашла большие ящики*

с немецкой маркировкой. Мы залезли в один из них, свернулись калачиком и заснули. Пока мы спали, товарный состав завез нас за Белую Церковь – на станцию Ракитное. Проснулись мы от громкого разговора двух полицейских – они ходили вдоль состава и осматривали вагоны. Утреннее солнышко пробилось сквозь щели нашего ящика, моя подружка не выдержала и громко чихнула. Полицейские кинулись к нашему вагону, а мы как подскочим – за мешки и дёру. Бежим вдоль состава, подружка мешок на спину закинула, а я перед собой в руках держу. Чувствую, полицейские нас нагоняют. Тогда я кидаю перед собой мешок и съезжаю на нем по заснеженной насыпи вниз. В это время полицейские догнали мою подружку, отобрали мешок и пинками спихнули с колеи вниз. Она прям мордой съехала по насыпи. Встала вся в царапинах и ссадинах – плачет.

*Целый день мы бродили по привокзальному селу и предлагали вещи. Пускать нас боялись – оборванные мы были, да и у подружки лицо в синяках. Уже начинало смеркаться, как я заметила пустую собачью будку в одном из дворов. А что нам девкам? Не замерзнуть же... Перелезли через заборчик и втиснулись в «пси-ну хатку». А ноги то наружу торчат, в снегу копошатся. А хозяевам «до сраки кари очи» – решают, пускать в хату или нет. Наконец, пожалели нас старики и, как совсем стемнело, позвали в дом. Накормили чем могли – вареными картофельными лушпайками и на печке спать уложили. Утром я решила стариков отблагодарить, полезла в мешок – глядь, а платье и белье все порванное. Это после того, как я на мешке по щербенке и мерзлым кочкам с насыпи прокатилась. Попрощались мы с хозяевами да и отправились с пустыми руками обратно в Киев». – **Прим. автора]***

Во время поездок мама отсутствовала неделями. Моей младшей сестре Нине не исполнилось и годика – от недоедания она постоянно кричала и плакала. Чтобы ее успокоить я заворачивала в тряпочку что-нибудь съестное: крупу, картофельные лушпайки, траву, пережеванные сухари. Получался маленький мешочек, так называемая «кукла», которую Нина с увлечением сосала. Чтобы сестра не подавилась, я привязывала мешочек к воротничку ее кофточки. Медленно тянулись темные вечера – грустно и скучно. А мамы все нет... Из старых ящиков и досок я отламы-

вала длинные щепочки – лучину. Таким древним способом мы в те годы освещали наше жилище.

В конце 1941 года с нами подружился один немецкий офицер. Высокий был такой, в кожаном плаще, красивый. Мой пятилетний брат Вова был очень слаб и не мог ходить – сказывалось недоедание. Вечерами у нас в бараке можно было наблюдать удивительную картину: немец носил Вову на руках и плакал. Как выяснилось позднее, в Германии у него остался малолетний сын. Немец приносил нам поест, водил к реке и умывал.

Но не все немцы были такими добрыми. Однажды меня чуть-было не застрелил какой-то заезжий офицер. От рождения я имела темные кучерявые волосы, и немец принял меня за еврейку. Он вытащил пистолет, схватил меня за руку и куда-то потащил. Я стала громко кричать и плакать. Прибежали наши соседи и стали уверять немца, что я украинка. Только после того, как офицер выяснил у соседей мою фамилию, он меня отпустил.

Одна опасность миновала, как вдруг появилась новая. В селе стали гибнуть дети – они подрывались на минах-ловушках. Кто-то разбросал у села, дороги и леса детские игрушки. Они были очень яркие и красивые: это были маленькие животные, машинки, свистульки и т.п. Если ребенок, а то и взрослый, подымал такую вещь – раздавался сильный взрыв. У нас в селе жили две сестры, у одной из них был малолетний сын. Сына мать очень берегла – на улице всегда держала за руку. Но однажды он вырвался, подбежал к какой-то игрушке и подорвался. Мне было страшно подойти поближе, но я видела, как рыдающие от горя сестры собирали останки ребенка. Его разорвало на куски, значит взрыв был большой силы. Видимо, рядом была прикопана мина, взрыватель которой был соединен бечевкой с игрушкой.

Вскоре о ловушках узнало все село: взрослые и подростки не подходили к ним близко. Но маленькие дети еще продолжали гибнуть. Кто разбрасывал эти игрушки, я не знаю. Немцы, чтобы сократить количество славянских детей, либо агенты НКВД, чтобы вызвать недовольство населения оккупационной властью? Не знаю... Немцы, при желании, могли расправиться с нами гораздо проще – например, повесить или утопить в Днепре. [Известно, что через лесистый выступ восточнее Позняков, где сейчас распо-

ложен Парк Партизанской славы, советские диверсанты пробирались в Киев для осуществления своих операций. – **Прим. автора]**

В начале 1942 года советская авиация стала чаще бомбить немецкие позиции. Доставалось и нашему селу: дом моих родителей и также дом священника разбомбили. Мы боялись, что наши бараки могут принять за немецкие казармы. С приходом весны было решено уйти в ближайший лес и вырыть там землянки. Они получились не глубокими, так как все были слабыми от недоедания и не имели лопат. Зато место было спокойным, здесь не бомбили и немцы не появлялись. Они редко заходили глубоко в лес, видимо боялись партизан.

Рядом с нашим лесом протекал Днепр и проходила оживленная дорога. Много немецкой техники скапливалось еще на дальних подступах к переправе. Немецкое командование приняло решение расчистить расположенное неподалеку минное поле, чтобы хоть как-то рассредоточить свои войска. Для этого немцы собрали со всех окрестных деревень коров и погнали их на поле. Мы слышали как подрывались и громко мычали несчастные животные. Когда стемнело женщины отправились собирать мясо побитой скотины. Чтобы огонь никто не увидел, мы рыли в лесу ямы и жгли в них костры. На углях пекли говядину с перемороженными помидорами. Иногда мы ходили к железной дороге, расположенной за лесом. Вдоль колеи лежало много разбитых вагонов, сгоревшей техники и ящиков из под оружия. Мы находили там искусственные цветы, которыми украшали наши землянки и дешевую бижутерию – всевозможные брошки, сережки и колечки.

Поздней осенью 1942 года мы решили вернуться в бараки. К счастью они оказались не заняты – там мы и перезимовали. Летом 1943 года, когда Красная армия подступила к Киеву, стало небезопасно даже в нашем лесу. Мы собрали свои жалкие пожитки и оправились на станцию «Дарница». Помню грунтовую дорогу, ведущую от немецкой переправы. Наши, видимо, постоянно бомбили отступающих, так как у обочины лежало много убитых немцев. По дороге двигался бесконечный поток немецкой техники и гужевого транспорта. Разбитые машины и телеги стлкали на пути, а убитых складывали на обочине. Я видела, как солдаты рылись в карманах погибших, забирали деньги и снимали часы. [В

сентябре 1943 года наша авиация усиленно бомбила дороги, ведущие к мостам через Днепр. – **Прим. автора]**

Мать решила отправиться в Черниговскую область, в село Носовка, где жила ее знакомая. С трудом мы протиснулись в переполненный беженцами пассажирский поезд. По дороге наш состав неоднократно бомбили немецкие штурмовики. Атаковали нас обычно на открытой местности, а во время движения через лес почему-то не трогали. Наверное плохо различали с воздуха... Паровоз немцам так и не удалось разбомбить, но несколько последних вагонов сошло с рельс и загорелось. Я видела убитых и раненных... Через пару часов все повреждения были исправлены и мы двинулись дальше. До Носовки мы добрались через несколько дней, где и провели несколько месяцев у гостеприимных хозяев. Нас угощали «рулями» – крестьянским блюдом из перетертых ржаных сухарей, подсолнечного масла, воды и соли. Все это смешивалось, и получалось нечто вроде хлебной каши.

*После освобождения Киева мы вернулись в город. Неподалеку от Евбазы жила сестра моего отца – тетя Василиса. Мы вселились в ее большую квартиру в доме №39 по улице Воровского. Дом был двухэтажный, с красивой старинной лепкой. Квартира просторная с высокими потолками, бельэтаж. [Из адресной книги Киева за 1911 год я узнал, что особняк под номером 39 принадлежал дочерям Людвигу Городецкому – Софии и Амалии. В книге «Бабий Яр: Книга памяти» (К., 2005) я прочел, что в квартире №5 проживали муж и жена – Пейсах Зализняк (59 лет), Розалия Саневна Зализняк (55 лет) и их сын – Александр Пейсахович Зализняк (23 года). Вся эта семья погибла в Бабьем Яру. – **Прим. автора]***

В полуподвальном помещении проживал прекрасный мастер – сапожник-еврей. До революции профессионализм киевских портных и сапожников достигал заоблачных высот. За сутки вам могли пошить прекрасный костюм или отменные сапоги, которым сносу не было. [В то время в Киеве существовало множество ателье, в которых трудились еврейские портные и шистеры. Они буквально жили на работе и заканчивали срочные заказы по ночам. Для бедных еврейских семей крупные города не входили в черту оседлости. В Киеве, в основном на Подоле, разрешалось проживать лишь евреям определенной категории: караимам, куп-*

цам первой гильдии, лицам с высшим образованием и ремесленникам, приписанным к ремесленным цехам. Поэтому бедные портные и сапожники, проживавшие на левом берегу, приходили в свои ателье утром в воскресенье, а уходили домой во второй половине дня, в пятницу. – **Прим. автора]**

Летом 1944 года я снова увидела немцев, но уже плененных. Они вместе с киевлянами разбирали развалины, восстанавливали дороги, прокладывали водопровод и телефонные линии. Зимой 1944 года многие из них были лишены теплой одежды и сапог. Грустно и смешно было смотреть на бывших оккупантов, закутанных в какие-то тряпки. Многие надевали на разваливающиеся валенки чехлы, плетеные из лыка или лозы. Немцы не были похожи на военнопленных, а скорее походили на продорогших старушек.

[Дом, в который вселилась моя мама, стоял на нечетной стороне, поэтому и уцелел во время отступления немцев. Вспоминает киевлян В. Матушкин: *«Мой одноклассник видел из окна верхнего этажа дома, где пряталась его семья, как по улице Воровского в сторону вокзала торопливо спускалась группа полицаяв, заходила во все дома по четной стороне, и оттуда потом шел дым. Не все дома сгорели, так как через несколько часов пришли наши. Тушили».* К счастью, уцелела книжная фабрика на Воровского, 24 (бывшее Коммерческое училище) и красивый угловой дом с башенкой №30 – там жила семья лилипутов, чудом пережившая оккупацию. Рядом, в доме №32, также проживало несколько семей лилипутов, работавших в киевском цирке (рядом в доме №34 существовала гостиница цирка). Вспоминает Ю. Бубнов: *«После войны цирк находился на углу улиц Саксаганского и Красноармейской. Некоторых лилипутов, живущих на Воровского, я узнавал во время представлений. Они ездили верхом на пони и устраивали клоунаду: резвились на арене, переодетые в детей. Иногда кого-то из них подымали высоко к куполу – лилипут изображал сильный испуг и громко верещал. Хорошо помню выступление знаменитого клоуна Карандаша».* – **Прим. автора]**

В конце 1940-х годов мы оставили квартиру на Воровского и переехали на Подол – на улицу Верхний Вал, 62. В нашем дворе проживало много еврейских семей, вернувшихся из эвакуации. В теплые мирные вечера у скамеечек происходили неподражаемые

по своему колориту диалоги. Например, наш сосед Марк ведет под ручку краснощекую телеграфистку Таню. Две старые еврейки неслестно покачивают головами и шепчутся:

– Наши кинд, этот недогидахт*, увлекся шиксой*.

– У гойки* не только плохая кровь но и худые ноги. Если жешится, то одним адиётом станет больше. Вот шлимазл*.

Я тогда была немного хулиганистая девчонка и охотно играла с мальчишками в футбол. Чаще всего меня ставили на ворота, но иногда и доверяли «помотаться» в поле. Я была худенькая, быстрая и часто опережала упитанных еврейских мальчиков. Даже обводила рослого студента Нёму.

После школы я закончила полугодовые курсы телеграфисток и в 1952 году устроилась работать на Центральный телеграф. У нас работала Н., которую многие считали заносчивой и наглой. Работа простой телеграфистки ее быстро разочаровала и она решила стать начальником смены. Эта работа была очень ответственная – прямое руководство коллективом во время дежурств, более широкий доступ к криптограммам, шифрограммам и секретным телеграммам. Поэтому кандидата подвергали дополнительной проверке. Служба безопасности подняла все документы и выяснилось, что отец Н. во время оккупации работал в городской управе. Его повесили вскоре после освобождения Киева. Эта информация была предана огласке и надежды Н. на карьерный рост лопнули, как мыльный пузырь. Вскоре она уволилась.

В конце 1950-х годов меня направили на секретный объект К-2. Аппараты связи на объектах подобного типа обслуживали молодые телеграфистки, предварительно давшие подписку о неразглашении. Работать в эти подземные бункеры мы шли неохотно. Прибавка к зарплате была несущественной, в то время как содержание кислорода под землей ниже на 25%, что сказывалось на самочувствии, особенно после суточного дежурства. К тому же дискомфорт создавал громкий шум множества работающих аппаратов. Подобных объектов в Киеве было построено не менее десяти. В случае ядерного удара хотя-бы один «К» должен был уцелеть и поддерживать связь с командными пунктами. Еще один «К», если я не ошибаюсь, находился под зданием Музкомедии.

Однажды, в наше административное здание взяли новую вахтершу. Представьте – первый рабочий день, вахтерша вся во внимании, а люди идут и идут... Пропуска у всех в порядке, но откуда столько работников? Человек двести прошло... И где они там все помещаются? Невдомек новенькой, что под маленьким домом существует еще несколько подземных этажей.

[Еще в 1990-е годы в прессу просочилась информация, что в районе старого ботсада находятся запасное депо и ЗКП. В 1950-е годы, одновременно с линиями метрополитена, в условиях повышенной секретности, возводились объекты стратегического и оборонного значения («Метро-2»). В ботаническом саду имени академика А. Фомина появился странный объект, скрытый за бетонным забором. Кругом стоят камеры слежения, а на колючей проволоке видны керамические изоляторы. Внутри расположены какие-то технические постройки, вентиляционные шахты и вышка. Это вентиляционная система и геодезический пункт объекта связи К-2. Напротив его ворот, по адресу ул. Льва Толстого, 10/18, расположено двухэтажное административное здание – центр технической эксплуатации спецсвязи К-2. В систему К-2 входит также жилой дом, расположенный через дорогу от ботсада на ул. Льва Толстого, 25/18. Здесь на крыше дома, где жила поэтесса Елена Телига, расположен комплекс коротковолновых антенн.

К-2 служил для передачи и приема секретных шифрограмм. Сам пункт связи находился под землей и был связан с секретными коммуникациями-этажами метро, коих под станцией не менее двух. Объекты связи типа «К» обычно занимают два подземных этажа со строгим пропускным контролем. От административного здания вниз к К-2 спускался средних размеров лифт, немногим меньше грузового. Поначалу К-2 оснащался буквопечатающими телеграфными аппаратами СТ-35 образца 1935/36 годов. Каждый был настроен на прямую связь с определенным командным центром или городом мира. В наше время на смену устаревшим системам дальней связи пришли интернет и спутниковая связь. Теперь бывший секретный объект К-2, потерявший свое стратегическое значение, используется в качестве пункта по контролю радиочастот. Геодезическую вышку приспособили под ретранслятор мобильной связи – **Прим. автора]**

2. ДОМ НА ЕВБАЗЕ (воспоминания семьи Бубновых)

Вспоминает Валентин Бубнов (родился в 1935 году, сводный брат Юрия Бубнова): *«Моя мама, Коган Лия Аврамовна, родилась в 1910 году в городе Новограде-Волынском Житомирской области. Мой папа, Бубнов Григорий Лукич, родился в 1900 году в Одессе. Мама работала кассиром в аптеке на Евбазе, а папа – главным механиком в хлебопекарне, расположенной в нашем доме на Воровского, 51 (со стороны двора по ул. Дмитриевской, в доме №16). Родители пропадали на работе, а воспитание и уход за мной были предоставлены юной няне Марусе, сельской девушке.*

Наш двор был самым большим из всех дворов по улице Дмитриевской и находился в самом центре Евбазы. Двор состоял из двух неравных частей. В основной части, которую мы называли большим двором, находилась хлебопекарня. Вторая часть, продолжение большого двора, представляла собой узкий невзрачный дворик, в конце которого находился большой подвал с сараями. [В этом дворе в 1960-1970-х годах прошло детство будущего музыкального продюсера Игоря Лихуты. – Прим. автора] В нашем доме было множество коммунальных квартир. Все жили, в основном, семьями, в каждой из которых было, как минимум, по одному ребенку. Поэтому во дворе было много детей примерно одного возраста (6-8 лет). [Группу детей этого двора можно увидеть на фотографии на первой странице обложки; за рулем американского мотоцикла Indian-741 В (с коляской от советского М-72) сидит Юрий Бубнов. – Прим. автора] Двор благоухал запахами свежеиспеченного хлеба. Иногда можно было поживиться горячими батонами или бубликами с маком. Кочегары часто подкармливали нас, пацанов, несмотря на то, что дома тогда был достаток.

22 июня 1941 года мы проснулись от выстрелов зениток, воя самолетов и бомбовых взрывов. Завыли сирены, мы все рванули в подвал дома, где находилось бомбоубежище. К счастью, бомбы на Киев сыпались редко, в основном, немцы бомбили Дарницкую переправу, через которую отступали наши войска. Одна из бомб, сброшенных на Киев, взорвалась в районе Вокзала, образовав огромную воронку, над которой потом сделали цветочную

клубу, а затем стоянку для автомобилей». Вспоминает Д. Ши- мановский: *«Весть о нападении Гитлера на нашу страну мгновенно превратила Евбаз в панически растревоженный улей».* Над Крещатиком сомкнутым строем пролетело звено фашистских бомбардировщиков. Вскоре милиция принялась разгонять Евбаз – место скопления людей и распространения панических слухов. Это было воскресное утро – базарный день, площадь была заполнена приезжими крестьянами и местными жителями. Никто не хотел верить, что началась война: глухие разрывы в районе Шулявки и выстрелы зениток воспринимались как очередные учения. Немцы бомбили заводы, аэродромы, железнодорожные станции, казармы НКВД, армейскую школу «Каменев», электростанции на Сталинке и Лукьяновке. По воспоминаниям очевидцев, одна из бомб угодила в частный дом по улице Чмелев яр, погибли две женщины.

Из окон и балконов квартир на Дмитриевской была хорошо видна Соломенка. Ранним утром, спустя неделю после начала войны, многие жители Евбазы (в том числе и соседи Бубновых) наблюдали воздушный бой над Вокзалом – наш «ишачок» (советский истребитель И-16) сразился в неравном бою с двумя немецкими истребителями. Вскоре, оставляя за собой черный шлейф дыма, он рухнул где-то в районе современного стадиона СКА.

Уже в начале июля Вокзал заполнился бегущими из Киева людьми. По слухам, вражеский десант высадился в Голосеево и немцы заняли подземную крепость под Днепром и на Жуковом острове (искаженные слухи об объекте №1 – недостроенном туннеле под рекой). Еще сказывали, что немецкий бронированный пароход подплыл прямо к Киеву. По городу летает обгоревшая бумага – партийные и военные учреждения сжигают свои архивы, повсюду уничтожаются подворные книги. Закрылись многие магазины, а в остальные товар уже не завозят. К счастью, продолжают работать городские столовые. В подвале дома №51 по ул. Воровского еще до войны работала хлебопекарня. Вход в нее находился со стороны двора – в углу двух зданий (Воровского, 51 и Дмитриевской, 16 – сейчас здание №2). Отсюда в лотках и верейках (плетеных корзинах) выносили готовую продукцию и загружали в так называемые «хлебовозки». Административное помещение пекарни

располагалось на первом этаже. В этой пекарне трудились будущие родители Юрия – Г.Л. Бубнов и Н.К. Голубояр.

Когда началась война вокруг пекарни поставили охрану. Видимо, опасались хищений, а также диверсантов, которые могли отравить хлеб. Работали посменно: под охраной в подвал запускали работников, затем через двое суток их сменяли вторым составом. Из окон полуподвала были хорошо видны ботинки и обмотки на ногах солдат-охранников. И вот, однажды утром солдаты куда-то исчезли. Работники пекарни бросили свою работу и быстро покинули подвал. В. Бубнов: *«Когда стало ясно, что оккупация неизбежна, а власти, как таковой, нет, все окрестное население ринулось «дойти» пекарню. Вход и выход в цех-подвал пекарни был один. Люди толпами тащились туда за мукой. Один поднимается из цеха с мешком муки на плечах, другой с пустыми руками рвется в цех. Проход очень узкий, и эти два человека сталкиваются в нем. От столкновения мешок падает и все покрывается белой мучной пылью. Облако мучной пыли обволакивало людей, и они становились похожими на привидений. Все запасы муки со склада пекарни растащили за несколько часов».* [Проработала хлебопекарня до 1970-х годов. Сейчас от нее сохранилась лишь высокая, с большим расширением внизу, труба от кочегарки. Да и труба относительно «новая» – ее заменили в 1960-х годах. Кочегарка находилась в полуподвальном помещении и обеспечивала горячей водой и теплом только пекарню. Квартиры же отапливались старинными печками, облицованными красивыми изразцовыми плитками. – **Прим. автора**]

«Грабили почти все и всё. [По воспоминаниям Владлена Путистина, грабить ЦУМ на Крещатике начали после того, как один из прохожих запустил булыжником в витрину магазина. Растащили даже библиотеку им. Гоголя на Красноармейской улице. Грабили и склады, расположенные на левом берегу – в Дарнице. Многие в свое оправдание кричали, что это их имущество – компенсация за утерянные сберегательные вклады. Но грабили не только киевляне: на улицах стояли подводы, куда приезжие крестьяне складывали «экспроприированные» вещи. Вскоре все магазины были разграблены и люди принялись отбирать друг у друга оставшуюся добычу. Милиции в городе уже не было. Повсюду

вспыхивали драки, несколько человек было убито. Старушки, верящие в «немецкий порядок», причитали: «Поскорей бы пришли немцы, а то после магазинов дойдет очередь и до квартир». – **Прим. автора]** *Еще за несколько дней до сдачи Киева началось дезертирство среди солдат и офицеров, находящихся в городе. А выглядело это так. Во всех приличных дворах, включая и наши, были общественные туалеты. Забегают в наш двор 2-3 солдатика, а иногда и офицерик, и прямехонько в туалет. Там они сбрасывали весь «лишний груз», включая снаряжение и вооружение, и налегке – шасть через забор, и огородами-огородами, проходняками – в неизвестность. А мы, пацаны нашего двора, на стреме. Только военные слиняли через забор, мы тут как тут. Начиналось «вылавливание из очка» (а их было несколько) снаряжения и вооружения, которое мылось водой, протиралось сухими тряпками и пряталось в самый глубокий подвал. Во дворе их было несколько. Подвалами пользовались не только для хранения продуктов. Пряталось все, начиная от драгоценностей и кончая радиоприемниками и швейными машинами. Чтобы врагу не досталось».*

Утром 19 сентября все мосты через Днепр были взорваны. Это стало полной неожиданностью для арьергарда отступающих советских войск. По воспоминаниям очевидцев, при взрыве и обрушении ферм моста им. Евгении Бош, погибло несколько сотен военных и гражданских. По слухам, подобная участь ждала и людей на понтонной переправе. Понтонная переправа – это ряд соединенных между собой несамходных барж. В баржах находились работники речного порта со своими семьями (видимо, им пообещали, что баржи отцепят и отбуксируют по реке в тыл). Кто-то из них обратил внимание на протянутые с берега провода и перерезал их. Как только командованию стало известно, что немцы вошли в город, был отдан приказ на уничтожение переправы. Но взорвались только крайние баржи – остальных течением отнесло вниз по реке. Люди были спасены.

Киевские улицы обезлюдели. У обочин стояли брошенные машины с опустевшими бензобаками («Эмки» и грузовики). Кое-где на проезжей части лежали убитые лошади и перевернутые повозки. Около полудня на Евбазе послышался нарастающий гул – выстрелы и рев моторов слились в единую какофонию – это на-

ступали передовые отряды Вермахта. Испуганные жители наблюдали за происходящим из окон своих квартир. Улица Воровского была перегорожена противотанковыми ежами, а Чкалова – большими колодами. Неожиданно со стороны Галицкой площади жильцы прилегающих домов увидели бегущего красноармейца. За ним медленно ехала открытая легковая машина, в которой находилось несколько немцев. Бедный солдатик бежал из последних сил, не бросая свою винтовку и спотыкаясь об размотавшиеся обмотки. В конце улицы Воровского, прямо у дома №51, легковая машина поравнялась с беглецом и сидевший в ней офицер застрелил красноармейца. Его труп еще несколько дней пролежал под окнами дома. В. Бубнов: *«Когда на улице затарактели колонны тяжелых мотоциклов, люди высыпали за ворота.* [Вслед за мотоциклистами-разведчиками в центр города направились бронев автомобили. Причем многие из них были советскими БА-10, захваченными немцами при отступлении Красной Армии. На БА-10 были нарисованы кресты, а сверху, за башней на корме расстелены фашистские флаги. На Крещатике остановилась машина 637-й роты пропаганды (Propagandakompanie) и с ее громкоговорителя полились обещания новой прекрасной жизни. Какой-то мальчишка, смело и по-свойски, уселся на заднюю ступеньку этого фургончика. Улицы Киева заполнили машины различных марок и стран. Газогенераторные Bussing-NAG, полугусеничные Sd.Kfz.7, английские трехосные Morris commercials CDFW (захваченные в Дюнкерке). Машины повышенной проходимости Horch 108 1a, Stoewer, Phanomen и Hanomag 20B. И великое множество трофейных грузовиков и автобусов. После взрывов на Крещатике на улицах появлялись диковинные пожарные мотоциклы с коляской. – **Прим. автора]** *Мы, мальчишки, стояли, разинув рты. Потом захрохотали танки, за танками двигались мощные грузовики, затем – остальное войско: молодые ребята в зеленых мундирах, с закатанными по локоть рукавами, в руках – автоматы. Солдаты потные, в пыли, но веселые и сытые – пели песни на своем языке.*

Из дворов высыпали люди. На лицах у многих – любопытство, у некоторых – боязнь, в общем, по-разному: кто-то вышел просто поглазеть, кто-то вышел с рушником, с хлебом-солью. Нас же, пацанов, съедало только любопытство: великоленные

машины, танки, артиллерия, солдаты – прямо как на параде. Прошли войска, люди начали расходиться, начался обмен мнениями, пошли разговоры о новой власти, о новой жизни». По воспоминаниям Александра Мочалова, проживавшего во время войны на ул. Артема, офицеры в сопровождении солдат принялись обходить квартиры и осматривать окна: искали проволоку, которая могла служить антенной для передатчика или радиомины. Бывало, что отбирали у хозяев ценные вещи (интересовались, в основном, перьевыми подушками и духами «Красная Москва»), оставляя взамен немного продуктов и сигарет. При этом, немцы накормили многих киевлян сытным мясным супом из своих передвижных полевых кухонь, стоявших на каждой улице (через несколько дней с них кормили погорельцев с Крещатика). А на следующий день – 20 сентября 1941 года, начались первые расстрелы...

В. Бубнов: *«Жизнь пошла своим чередом: заработали лавки, заработал Евбаз.* [На последней странице обложки приведена фотография, датированная поздней осенью 1941 года. На ней изображен мальчишка-беспризорник, подрабатывающий на Евбазе. Он стоит на ларе возле какого-то рундука. Вдалеке виден дом №51 по ул. Воровского, на стене которого еще белеет советский плакат. – **Прим. автора]** *Пошли в ход новые «карбованці», которые постепенно вытеснили советские деньги. В основном, торговали крестьяне, у которых оставались какие-то продукты. Киевляне их покупали, либо обменивали на тряпки. Появился «золотой хлеб», основой которого был небольшой процент муки, а остальное – просо и шелуха, которая блестела (отсюда и название).*

Снова заработала пекарня №1, только в ней теперь работали немцы. Запахи были снова те же: на весь двор пахло свежим хлебом и кондитерскими, но нам нынче никто не подавал. От голода шла слюна, и мы, дети нашего двора, голодными глазами смотрели, как это свежее испеченное погружалось немцами на телеги, запряженные мощными битюгами, и вывозилось прочь со двора. Однажды нашему терпению пришел конец, и, воспользовавшись отсутствием дежурного, мы выскочили из нашего укрытия, отбросили брезент, укрывавший хлеб, и схватили столько, кто сколько смог. Все обошлось благополучно, за исключением того, что после съеденного, мы долго болели животами. Немцы во-

ровства не любили и карали, в лучшем случае, отрубанием пальцев. Родители рассказывали мне, что одного воришку охранник все-таки поймал. Немцы увели его куда-то и с тех пор мальчугана больше никто не видел».

Вспоминает Ю. Бубнов: «В то время, в нашей коммунальной квартире, в доме №16 по ул. Дмитриевской, а со стороны ул. Воровского в доме №51, проживали мои будущие мама, Голубояр Нина Константиновна, две бабушки и крестный – Ковган Павел Яковлевич. Его женой была моя бабушка, баба Маня (Дербышева – Ковган Мария Герасимовна), в девичестве Никонова, сестра моей родной бабушки Голубояр (Никонова) Анастасии Герасимовны. Жили они в маленькой комнате нашей коммунальной квартиры, окна которой выходили на улицу Воровского. В комнате стоял большой старый зеркальный шкаф, в котором хранилась одежда, а на веревке, прикрепленной к внутренней стороне скрипучей двери, висело множество галстуков. Помню старый письменный стол, возле которого стояло красивое деревянное кресло темно-вишневого цвета, старинный буфет, такая же старая кровать с металлическими «ишиечками», продавленный диван. А на стене висел обязательный для того времени репродуктор-«тарелка».

Крестный был высокого роста, крепкого телосложения. Голову он брил наголо, как тогда говорили «под Котовского». Практически до последних дней своей жизни держал себя в хорошей физической форме – ежедневно делал зарядку и отжимался от пола и прожил он почти девяносто лет.

Павел Яковлевич родился и провел молодые годы на Дальнем востоке. Вырос в семье батраков, выбился в люди, получил какое-то образование. В 1905 году оказался в Порт-Артуре в качестве прораба на строительстве укреплений. После захвата Порт-Артура японцами, он попал в плен и был интернирован в Японию. Там он прожил несколько лет. После того, как японцы отпустили всех русских военнопленных, он со своим товарищем добирались в Россию окружным путем – через Эфиопию и Сан-Франциско (США). С тех пор он запомнил некоторые слова и предложения на японском языке. Во время его рассказов любимыми фразами были: «Вспыхнула война», «Вспыхнула революция».

По рассказам моих родных, вскоре после того, как фашисты заняли Киев, к нам домой явился немецкий офицер в сопровождении солдата и местного полицая. Кто-то донес, что здесь живет еврей по фамилии Ковган. Действительно, фамилия Ковган звучит как еврейская, но на самом деле, это старинная украинская фамилия. [В Украине широко использовалась специальная ступка – «ковганка», с ее помощью перетирали различные продукты. – Прим. автора] Как я уже упоминал, Павел Яковлевич был высокого роста, крепкого телосложения и носил пенсне – такой провинциальный интеллигент. Офицер спросил его, действительно ли он еврей, на что крестный ответил отрицательно. Тогда немец кулаком ударил его по лицу с такой силой, что пенсне упало на пол, а затем с остервенением принялся топтать его ногами. Разъяренный крестный схватил офицера за горло, оторвал от пола, прижал к стене и начал душить. Положение было критическим – офицер теряет сознание, солдат изготавился стрелять, но каким-то образом, обе бабушки, мама и полицейский уладили это дело. Непрошенные гости ушли, но на этом все не закончилось – Ковгана обязали прийти на следующий день в комендатуру. Мои мама и бабушки бросились к соседям собирать подписи, что давно знают Павла Яковлевича и он является украинцем. В итоге все закончилось благополучно – оккупационные власти оставили моего крестного в покое. Этот документ, подписанный соседями по дому, наверное оказался не нужным, так как оригинал до сих пор хранится в моем семейном архиве. Вот текст «Подписки»:

Мы, нижеподписавшиеся подтверждаем, что Ковган Павел Яковлевич, проживающий в доме №16 по Дмитриевской улице в квартире №12, является по национальности украинцем. В доме №16 по Дмитриевской ул. Ковган П.Я. проживает с 1924 года.

3 октября 1941 года.

Жильцы дома №16 по Дмитриевской ул.

- 1) Атамановский паспорт №616717 (подпись)*
- 2) Жилковский № паспорта 701083 (подпись)*
- 3) Романовская паспорт №563127 (подпись)*
- 4) Шемет № паспорта 083126 (подпись)*
- 5) Тимошенко № паспорта 739928 (подпись)*

Сейчас в это трудно поверить, но в то время лицам, подписавшим это заявление, в том числе и моей маме (она тогда носила фамилию первого мужа – Романовская) – грозила смертная казнь за укрывательство евреев».

Причем, будущая мама Юрия Бубнова – Нина Константиновна, вдвойне рисковала своей жизнью. Несколькими днями ранее она спрятала у себя сына еврейской женщины – Валентина Бубнова. Вот его воспоминания о тех ужасных событиях: *«Все еврейское население нашего двора эвакуировалось. Оставались, в основном, семьи смешанных браков. К этой категории относилась и наша семья, так как отец был по национальности русским, а мать – еврейкой. Родители и сестры моей мамы, находившиеся в это время в Киеве, уговаривали ее эвакуироваться вместе с ними. После долгих размышлений и колебаний мама решила остаться. Те, кто остался в нашем дворе, надеялись на то, что слухи о зверствах немцев над еврейским населением подлежат сомнению. Не могут же немцы стрелять в стариков, женщин и детей!*

24 сентября 1941 года от взрыва мощных мин Крещатик представлял из себя огромный костер, в котором высоко взлетали горящие бумаги и головни, посылая пеплом близлежащие улицы. Немцы не могли даже достать трупы своих погибших товарищей или наших жителей: они сгорели дотла. После нескольких дней отчаянной борьбы с пожаром немцы прекратили сопротивление, вышли из этого пекла и только наблюдали пожар издали. Крещатик продолжал гореть в полном безлюдье. Город насквозь пропитался гарью: по ночам он был залит красным светом, и это зарево было видно за много километров и служило ориентиром для самолетов, как маяк. Пожар продолжался две недели.

Взрывы на Крещатике послужили формальным поводом для проведения карательных акций против еврейского населения Киева. Вечером 28 сентября родители сказали, чтобы я лег спать пораньше. Проснувшись утром, я увидел отца и мать, стоявших в обнимку и плачущих. Я не понимал их слез. Мне говорили, что мама уезжает ненадолго к моему дедушке в Новоград-Волынский. Между отцом и матерью на полу стоял открытый чемодан, и я попытался вложить туда мое игрушечное ружье, надеясь, что это поможет мне уехать вместе с матерью. Однако из этой за-

теи ничего не вышло. Я тоже расплакался и вынужден был остаться дома. Во дворе нашего дома собрались все соседи-евреи, чтобы выполнить приказ коменданта Киева. Мои родители ушли со двора одними из последних. Больше я маму не видел.

В канун Йом-Кипур [праздник в иудаизме, день поста, покаяния и отпущения грехов; обычно переводится как «Судный день». – Прим. автора] тысячи киевских евреев покинули свои дома. Со спящими на руках и в колясках детьми, плачущие, поддерживая под руки престарелых, толпы людей медленными скорбными потоками вливались в реку смерти, стиснутую со всех сторон противотанковыми «ежами», колючей проволокой, стеной еврейского кладбища, немцами и полициями.

Отец вернулся поздно вечером, весь осунувшийся и постаревший. Он мне ничего не сказал, но я чувствовал, произошло что-то непоправимое. Так окончилось мое детство... Скрывая мое еврейское происхождение от рыскавших по дворам немцев и полицаяв в поисках оставшихся в живых евреев, отец женился на соседке по двору Голубояр Нине Константиновне. [С которой вместе работал в пекарне. – Прим. автора] Нам пришлось покинуть наш маленький флигелек и переехать в большой пятиэтажный дом в том же дворе. Квартира находилась на четвертом этаже и была заселена многочисленными родственниками Нины Константиновны. Таким образом, я попал в русскую семью с ее обычаями и традициями. Меня быстренько крестили на дому, повесили на шею крестик, научили креститься и читать «Отче наш».

С октября 1941 до ноября 1943 года меня не выпускали во двор гулять, опасаясь доносов, и небезосновательно. Мой маршрут: комната – подвал. Для меня было предусмотрено два выхода из квартиры: «черный» и парадный. Если враги появлялись со стороны «черного» хода (ход со двора), меня переправляли через парадный выход, где меня прикрывали соседи. Аналогично делалось и с парадным ходом (ход с улицы). В теплое время года я проводил время на балконе, а остальное время в квартире. Когда начинались обыски, меня перепрятывали в подвал. Света там не было, а было темно, холодно, сыро и голодно. Моя новая семья и наши соседи, скрывая меня, подвергали свои жизни риску. Был я бледным, желтым, как восковая свеча. Игрушек у меня было пре-

достаточно, но все равно хотелось побегать с нашими пацанами по погребам, поиграть в «сыщика-разбойника» или в войну».

Вспоминает киевлянин Владимир Авраменко: *«На моей памяти не было, чтобы кто-то из наших соседей доносил полицаям – хотя многие прятали соседей-евреев и подростков, которые подлежали вывозу на работы в Германию, на чердаках и в погребах. Многие об этом знали, но никто не доносил».*

Оккупация принесла киевлянам массовую безработицу. Так, в начале 1942 года из 330 тыс. населения города работало 40 тыс. К тому же, город оставался без всякого продовольственного обеспечения. Весной 1942 года в Киеве началась пропагандистская кампания, призывающая молодежь ехать в Германию. Каждому добровольцу обещали выдать в дорогу кольцо колбасы и буханку хлеба. Вспоминает В. Бубнов: *«Появились плакаты, призывающие на работу в Германию: не жизнь, а малина там! И пошли, и поехали. Даже в нашем дворе нашлась молодая девушка, дочь А., которая одна из первых, не без помощи своих родителей, «добровольно» уехала в Германию. Вскоре в Германию угнали и мою любимую няню Марусю. Больше мы ее не видели».*

Личность нашего соседа по двору А. заслуживает особого внимания. А. донес жившему в нашем доме «фольксдойче» Шнайдеру, что этажом выше живет бывший коммунист (мой отец в 1937 году был исключен из партии) и «жидовское племя», то есть я. Что стоило Шнайдеру, которого по выходным дням посещали гости в черных мундирах (эсэсовцы), «навести» их на нашу семью? Шнайдер ответил А., что этот вопрос не в его компетенции, и затем передал этот разговор моему отцу. Все это было мною подслушано, когда взрослые обсуждали этот вопрос. Для меня А. стал врагом №1, и я решил его «убрать». Свой приговор я привел в исполнение, сбросив ему на голову кирпич с балкона нашей квартиры, но, к сожалению, не попал. Весь двор огласился страшными воплями. Но все обошлось: покушавшегося на «драгоценную» жизнь А. так и не нашли. Даже мои домашние не могли догадаться, кто был исполнителем этого акта возмездия».

Ну, а что А.? Он продолжал свирепствовать не только в нашем дворе, но и в соседних дворах. Кроме того, что он был «стукачом», он еще был и агитатором среди нашей молодежи в

Германию. Его собственная дочь стала одной из первых жертв этой кампании. После освобождения Киева Красной Армией А. был награжден медалью «Наше дело правое – мы победили». [Присваивалась «за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945», с профилем Сталина. – **Прим. автора**] Узнав об этом, мой отец собрался в МГБ, чтобы вывести этого подонка на чистую воду. Но этого не произошло. Устроившись заведующим складом, А. проворовался и, по законам военного времени, получил десять лет тюрьмы. Отсидев всего три года, он вернулся домой, похожий на ходячую вешалку (от него осталось меньше половины веса), прожил примерно полгода и умер. В 1945 году вернулась его дочь из Германии. Она приехала не одна: с ней была маленькая дочурка. Но, не выдержав нападков соседей по поводу происхождения своей дочери, съехала со двора. Сын А. в том же году вернулся из немецкого плена, спился и умер. Затем ушла из жизни и жена А. Мне кажется, что Бог решил судьбу этой семьи справедливо. Видно, она этого заслуживала.

Еще во дворе у нас жила Наташка-проститутка – «только для немцев». Она принимала их у себя дома. [Незадолго до прихода оккупантов некоторые киевлянки прихорашивались и не скрывали, что с нетерпением ожидают галантных немецких офицеров. Девушки стремились поскорее заполучить их поддержку и защиту. Докия Гуменна приводит характерный эпизод первого дня оккупации Киева: «Девушки окружили молодых и стройных белокурых юношей в бледно-зеленых униформах, но поскольку говорить с ними не умеют, то суют им в руки записочки». – **Прим. автора**] Не зная подлинного адреса Наташки, немцы рыскали по двору, иногда попадали в нашу квартиру, и мне в очередной раз приходилось менять дислокацию. После войны Наташка вышла замуж за подполковника и была такова».

Но вернемся в 1942 год. В июле на базарах подскочили цены. Оккупационная власть решила ввести украинский карбованец, но не сообщила о возможности их обмена на советские рубли. Позднее стало известно, что крупные купюры номиналом 30, 50 и 100 рублей обмену не подлежат. С сентября 1942 года на базарах разрешено торговать лишь два раза в неделю, да и то – только овощами и фруктами. И без того полуголодное существование прос-

тых киевлян еще более усложнилось. Затем в городе начались повальные облавы. В. Бубнов: *«На большой скорости врывались на базар грузовики, с них сыпались немцы, собаки, полицаи. Брала, главным образом, женщин, деревенских девок, пришедших на базар. Девочек быстро подсаживали в крытые грузовики, они там визжали, трясли брезент, просили отпустить. Но тщетно. Облава кончилась так же внезапно, как и началась. Машины отъезжали полные и прямехонько на Вокзал. А там уже стояли готовенькие теплушки для отправки в Германию. После облав рынки некоторое время не работали – люди боялись там появляться.*

Иной раз немцы устраивали облавы на работоспособное мужское население. Одной из жертв этих облав чуть не стал мой отец. Это произошло осенью 1943 года, когда улица Дмитриевская и близлежащие кварталы были объявлены «запретной зоной», и нам пришлось временно переселиться в дом по ул. Володарского №3. Помещение, в котором мы находились, напоминало барак. Одну половину его занимало мужское население, другую – женское. В мужской половине проживало 5-7 мужиков, возраст которых не превышал 50 лет. В их числе был и мой отец (ему тогда было 43 года). Но немцев возраст не смущал: брали всех подряд. Главное, чтобы человек мог двигаться. Узнав о предстоящей облаве, мужики сделали себе уколы скипидара, от которых руки и ноги вспухали, синели и дурно пахнули. И еще температура поднималась. Естественно, режим постельный. Когда нагрянули немцы, мужская половина барака напоминала лазарет или санчасть. Брезгливо сбрасывая одеяла с «больных», не снимая перчаток, увидев эти синие, «гниющие» руки и ноги, немцы никого не взяли и ушли восвояси. А через несколько дней опухоль, синева исчезали, температура падала, мужики вскакивали со своих кроватей, доставали откуда-то спиртное и «замачивали» свое освобождение от фашистского ига. В другой раз, когда патруль нагрянул прямо в квартиру, отцу удалось укрыться в большой «русской печи», расположенной на кухне». Немцы очень боялись болезней, особенно тифа. Вот выдержка из дневника Ирины Хорошунновой за 9 января 1942 года: «Есть дома на Подоле, сплошь зараженные сыпняком и брюшныком. В больницы не берут, там нечем топить и нечем кормить». В селах также свирепствовал тиф,

вспоминает друг автора Казимир Фонтаний: *«От тифа погибла моя тетька Антонина Боровская. Она поехала в село за продуктами, где ей пришлось заночевать в одной из пустующих хат. Ночью Антонину атаковало полчище вшей. Мыло с дустом и стрижка волос уже не помогли – вирус тифа попал в организм. Да и мыла не всегда было в достатке. Взамен мыла обычно использовали золу из печи, а вместо дуста – керосин. У тети поднялась температура и пришлось срочно искать машину. К сожалению, во время поездки ее продуло в открытом кузове грузовика. В лечебнице сильнодействующих лекарств не было и Антонина просто «сгорела» от температуры».* В отсутствие лекарств киевляне посещали известную гомеопатическую аптеку Попова на Красноармейской улице. А также ходили на Дмитриевскую, 17, где жила старая знахарка-травница, сидевшая при большевиках в тюрьме.

Жилища, где находились тифозные больные, немцы обходили стороной и старались изолировать. Поэтому, чтобы спастись от обыска или отправки на принудительные работы, некоторые киевляне шли на хитрость. Стоило только написать на входных дверях «Krank» (больные) или «Typhus» (тиф), как немцы обходили этот дом стороной. Некоторые матери спасали своих детей, просто укладывая их в постель. Когда в жилище врывались немцы, им сообщалось, что у больного высокая температура, наверное тиф. Немцы и полицаи спешили покинуть помещение. На оккупированных территориях существовало множество сыпнотифозных госпиталей для военных и барачников для простых граждан.

После освобождения Киева больных педикулезом было так много, что открывшиеся парикмахерские не могли нормально работать. Завшивленных посетителей немедленно отправляли на санобработку. На вокзале ввели строгий эпидемический контроль: всех приезжих подвергали санобработке – хорошенько отмывали, одежду обрабатывали горячим паром и раствором карболки. Поэтому новоприбывших было легко различить по запаху. В городе была популярной частушка: *«Присилай нам, Сталин, мила, бо вже воші мають крила».*

Вспышки тифа периодически регистрировались в Киеве вплоть до конца 1940-х годов. Вспоминает Эвир Малиновский: *«Для борьбы с эпидемией в медицинских учреждениях готовили*

специальные противотифозные сыворотки. Для их изготовления необходимо было выращивать и кормить вшей. Поэтому существовали специальные сыпнотифозные доноры. Им на запястья надевали полые браслеты из стекла, заполненные вшами. После удаления предохранительной мембраны сотни вшей набрасывались на руку донора, от чего она быстро краснела и распухла. За этот поистине адский труд донорам выдавали усиленный продуктовый паек». Но вернемся в оккупированный Киев.

Фашистские прислужники – коменданты улиц/домов и дворники, рыскали повсюду в поисках спрятавшихся коммунистов, евреев и лиц, уклоняющихся от отправки на принудительные работы. Ярыми пособниками немцев часто выступали именно дворники. Если в мирное время их вербовало НКВД, то в военные годы – оккупационная власть. В конце сентября 1941 года по Киеву была расклеена листовка с приказом коменданта, позволяющем управдомам и дворникам самолично доставлять евреев в лагерь на Керосинной улице. Так управдом с Куреневки – бывший морской офицер П., сдавал гестапо местных жителей. На Евбазе дворник сам вызвался отвезти к улице Тургеневской, по которой брели обреченные в Бабий Яр, парализованную старуху-еврейку. Наум Коржавин, проживавший на улице Жилианской, потерял в Бабьем Яру четырех своих родственников. Немцам их выдал дворник, участвовавший затем в аресте и избиении несчастных. Семья писателя Ю. Чикирисова также пострадала от доносов дворника. Вспоминает Татьяна Н. (Нетания, Израиль): *«Моя прабабушка Блюма Фердман, четыре ее взрослые дочери и две малолетние внучки жили на Печерске. Все они погибли в Бабьем Яру. Был еще сын Наум с женой и маленькой дочкой – они проживали на Подоле, на ул. Ратманского (Введенской). Как раз накануне войны Наум уехал в командировку, а его жена – школьный библиотекарь, с дочкой отправилась в отпуск. Затем прямо из Крыма они эвакуировались куда-то далеко на Урал. От мужа никаких известий не было. Уже после войны выяснилось, что Наум попал не в регулярные части, а в партизанский отряд. Известно, что он получил легкое ранение, раздобыл чужие документы и пробрался в Киев. В январе 1942 года Наум пришел к своему дому в надежде что-либо разузнать о своей семье. Его заметил дворник и вызвал патруль. Немцы, рас-*

познав в задержанном еврея, расстреляли Наума на месте. После освобождения Киева НКВД усиленно занималось поисками этого дворника. Но тщетно, видимо, он бежал вместе с оккупантами. Соседи рассказывали, что он выдавал евреев и бывших госслужащих, проживавших в их дворе и на прилегающих улицах».

О лагере на Керосинной улице, располагавшемся на территории бывших военных казарм, рассказывает врач-кардиолог Людмила Карпенко: «В сентябре 1941 года под Киевом мой отец Василий Романович, вместе с тысячами других советских бойцов, попал в окружение. Он хорошо помнил, как немцы их обезоружили и под конвоем погнали в город – в фильтрационный лагерь на Керосинке. Во время долгого перехода пленных не кормили, до лагеря они добрались вконец измученными. Впереди отца шел какой-то солдатик... Он первым увидел стоящую за воротами бочку с селедкой. Она, видимо, предназначалась на обед работающим заключенным. [Кроме селедки выдавали соленую камсу – по 20 грамм на человека. – **Прим. автора**] Солдатик схватил рыбу и бросился бежать к ближайшему барaku. Отец только запустил руку в бочку, как его заметил полицей. Охранник его догнал, сбил с ног и начал избивать. К счастью, отец успел прикрыть голову рукой. Озверевший полицей яростно молотил дубинкой – удары сыпались на руку и спину. Предатель, чтобы выслужиться, мог избить заключенного до смерти. К счастью отца спас подоспевший немецкий офицер. Утром всех заключенных выстроили у барakov. После переключки помощник коменданта громко спросил: «Кто не может работать?». Около двадцати человек вышло из строя. Среди них был и мой отец, так как после избивания у него сильно распухла рука. Эту группу направили в больничный барак.

Заключенные подошли к «медпункту», но не спешили заходить внутрь. Они подозревали, что их скоро расстреляют и принялись тщательно изучать забор на предмет побега. Все это время из окна больничного барака за ними наблюдал врач – советский военнопленный, получивший работу в лагере. Он позвал заключенных в свой «медпункт», где обратился к ним с предложением: «Кажется, среди вас нет предателей. Я помогу вам спастись: в ваших карточках поставлю диагноз – туберкулез. Подробно расскажу о его симптомах, которым вы будете тщательно

следовать, находясь в больничном бараке. Запомните, что за вами будут наблюдать охранники и осведомители из числа полицейев».

Оставшись в больничном бараке, отец с другими заключенными успешно изображали слабость, поскольку действительно страдали от недоедания. Картинно помогали друг другу забираться на нары, кашляли и отхаркивали мокроту. Охранники приносили «туберкулезникам» усиленное питание, от которого заключенные, помня наставления врача, отказывались. Сытная пища категорически отвергалась. Предпочтение отдавалось лишь какой-то жиденькой похлебке на муке. А это было не легко... Казалось, что от голода каждый готов был съесть слона.

Наконец, спустя неделю, администрация лагеря поверила в поставленный диагноз. Немцы очень боялись заразных болезней и решили выпустить туберкулезников. Но врач предупредил, что слежка за ними будет продолжаться даже за пределами лагеря. Выдачу пропусков комендант фильтрационного лагеря решил превратить в агитационную акцию. Он произнес перед строем «туберкулезников» речь, из которой следовало, что германское правительство заботится о больных – славянах. Комендант под музыку лагерного оркестра лично каждому «больному» вручил аусвайс. [Поначалу немцы щадили больных тифом и туберкулезом, уничтожая при этом женщин, зараженных сифилисом. Так оккупанты оберегали своих солдат и офицеров от возможного заражения. – **Прим. автора**] Но один из пропусков оказался невостребованным. Отец догадался, что он был оформлен на несуществующее лицо – умершего заключенного. Видимо, аусвайс выписал их благодетель – врач из больничного барака. Он пытался под чужой фамилией вместе с «туберкулезниками» покинуть лагерь. Но комендант знал врача в лицо... Заметив из окна, что пропуска выдает лично комендант лагеря, врач просто не вышел из барака.

Последний оказался прав – за пределами лагеря за отцом и его товарищами несколько километров шел какой-то шпик-предатель. Необходимо было изображать болезненную слабость и не срываться на быстрый шаг. Поэтому «туберкулезники» медленно брели, спотыкаясь и поддерживая друг друга.

Отец был родом из старинного села Водотыи [основано в 1415 году. – **Прим. автора**] Брусиловского района Житомирской

области. Чтобы попасть домой, требовалось преодолеть сотню километров в западном направлении. Отец миновал Керосинку и свернул на Брест-Литовское шоссе. Только в Святошино, практически за пределами Киева, шпик отстал от них. Путь в родное село занял несколько тяжелых дней. Впоследствии, отец очень сожалел, что так и не узнал судьбы своего спасителя – врача».

Каждый день оккупации был полон забот и тревог. С утра – растопка печки или примуса, приготовление скудного завтрака и домашние заботы. Без особой надобности на улицу старались не выходить – существовала опасность попасть в облаву. Любого гражданского человека могли схватить и расстрелять как заложника за акт саботажа или диверсии. Дважды в неделю в Бабьем Яру совершались казни (поначалу расстрелы совершались раз в неделю: по пятницам машины с обреченными двигались по ул. Артема в сторону Бабьего яра). Умерших от голода и болезней свозили в яры Байкового кладбища, где и закапывали без всяких почестей.

Улицы и площади обезлюдели – в оккупированном городе осталось меньше трети населения. Лишь полицаи и немецкие патрули дежурили на каждом углу. К семи вечера необходимо было возвращаться домой – начинался комендантский час. Спать ложились рано, так как свет зажигать боялись, чтобы не привлекать внимание. Единственным источников освещения были тлеющие угли в печке. И так в течении двух лет – голодных и холодных.

Для поиска дров и пищи, приходилось периодически покидать свое убежище. Вспоминает М. Ковтун: «Поздней осенью 1941 года немцы согнали к стадиону «Спартак» несколько десятков военнопленных для заготовки дров. [Деревья, скорее всего, срубали в Кирилловской роще. Известно, что там захоронено несколько тысяч военнопленных, погибших во время оккупации. – **Прим. автора**] Их охранял высокий худой немец с винтовкой. Уже начинало холодать и я обратилась к нему:

– Пан, вы здесь главный. Можно мне кору пособирать?

Немец согласно кивнул и я принялась секачом сбивать кору с поленьев. Неподалеку пленные кололи и складывали дрова в штабеля. Они еле ноги передвигали – такие слабые и голодные были. На следующий день я поклала под ватник парочку сухариков и не-

сколько картошек. Поздоровалась с охранником и направилась в сторону военнопленных. Подозвала одного из них и прошептала:

– Я вам тут немного поесть принесла – скину вон за той колодой. Только скопом не бросайтесь, а то немец заметит и меня больше к вам не пропустит.

Всю зиму я носила домой полные мешки древесной коры. Бывало, что немец разрешал забирать целые поленья. В один прекрасный день он подарил мне буханку настоящего белого хлеба. Одну половинку я отдала пленным, а вторую спрятала за пазуху:

– Вы меня простите, хлопцы! У меня дома братик и сестричка полгода нормального хлеба не видели.

Каждые два дня благодушного немца сменял на посту жлобоватого вида полицай. Он не разрешал мне собирать кору и постоянно отгонял от военнопленных. Однажды этот предатель меня сильно избил: из разбитого носа текла кровь, в глазах темнело и кружилась голова. Я повернулась к полицаяу и прокричала:

– Вот придут наши, сука, и тебя повесят!

Эту сволочь аж перекосило от злобы... Полицай сжал кулаки и бросился за мной. Я успела пробежать мимо мадьяр, торговавших у стадиона сигаретами [венгерские сигареты «Леванте» стоили 2,5 рубля за штуку. – Прим. автора] и заскочить в свой переулок. Меня спасли наши соседи, которые принялись убеждать полицая, что я еще ребенок и к тому-же – умалишенный с рождения. Вскоре после освобождения Киева этого полицая арестовали и повели по Куреневке. Я подбегаю к нему и говорю:

– Помнишь меня? Я предупреждала, что тебя повесят!

Конвоир узнал в чем дело, снял винтовку с плеча и прикладом дал полицаяу по хребту:

– Ах ты фашистский прихвостень! Девочку бить!..».

Киев в начале 1943 года представлял собой унылое зрелище. Мосты через Днепр взорваны, жителям запрещено переходить реку по льду (до этого киевляне снабжались продуктами с Левобережья). «Черногузы» (буквально – «чернозадые», так из-за цвета формы базарные торговки называли полицаяев, которые обкладывали их данью) отбирают у крестьян, приезжающих в город, хлеб, сало, молоко, и тут-же продают на базарах (ввоз продуктов из сел был запрещен еще в июле 1942 года). Трамваи почти не ходят, ав-

тобусы давно вывезены на фронт, изредка по пустым улицам проезжают военные грузовики. Улицы хоть и очищены от снега, но тротуары сильно изношены. Уборкой снега и сколкой льда занимаются преимущественно женщины. На Крещатике, посреди занесенных снегом развалин, протоптаны узенькие тропинки. Цены на базарах подскочили, хлеба не хватает – пекарни работают только для армии. На стенах некоторых домов появились листовки с надписями: *«Внимание! В этом доме живут немцы. Кто будет нарушать их покой – будет расстрелян!»*.

Летом и осенью 1943 года участились ночные бомбардировки Киева советской авиацией. Многие чиновники, владельцы фирм и магазинов, немцы и фольксдойчи покинули Киев. Известно, что три тысячи киевских фольксдойчев переселились в окрестности города Проскурова (Хмельницкого). 26 сентября 1943 года приказом немецкого командования Киев и западный берег были объявлены боевой зоной. В городе появились объявления: *«Запретная зона. За пребывание без особого разрешения – расстрел»*. 13 октября городской комиссар Берндт объявил, что все безработные жители будут вывезены в Западную Украину, где им будет предоставлена работа и питание. Причем, эвакуация с помощью железнодорожного транспорта не требовала разрешения Бюро пропусков, расположенного по ул. Театральной, 51. По улицам курсировали машины с громкоговорителями и призывали граждан покидать свои квартиры. Но киевляне пытались избежать принудительной отправки – в городе ходили слухи, что людей грузят в вагоны и целыми составами пускают под откос.

В. Бубнов: *«Немецкие солдаты шли цепью, обыскивая дом за домом. На сборы давали пять минут, затем выталкивали жильцов прикладами: больных и немощных тоже. Толпы людей выгоняли с дворов и выстраивали в колонны на улице... Шли с плачущими детьми, со стариками и больными. Грудных детей в коляске, больных тащили на спине. Впереди себя – тачки со скарбом. Мой отец толкал двухколесную тачку, я вел груженный велосипед, мачеха несла годовалого ребенка. Мы очутились в общем потоке и медленно перемещались в направлении вокзала по улицам Дмитриевской, Саксаганского, с поворотом по улице Коминтерна, а затем – финишная прямая на вокзал, где нас уже поджидали то-*

варные поезда в Германию. Когда до вокзала оставалось с полкилометра, отец кинулся к одному из охранников, прикладывая руки к груди, и чуть не плача, указывая на меня, на грудного ребенка и малолетних племянников. Жалкий вид нашей семьи с «двуколкой»-повозкой и орущим младенцем подействовал на солдата. Он оглянулся на соседа по оцеплению, тот шел сзади, метрах в 20-30 и смотрел в другую сторону. Солдат крикнул отцу: «Weg!». Мы вырвались из общего потока на улицу Жилянскую и бросились в ближайший проходной двор. Добрались до пригородной Борщаговки, но там начались облавы, и мы кочевали из села в село. Измученные и голодные, попеременно попадали под постоянный обстрел то своей, то немецкой артиллерии. Последним нашим прибежищем стала Белогородка».

Ю. Бубнов: *«Моя мама рассказывала, что когда мы добрались до Белогородки, я уже был болен коклюшем. Мы и еще несколько семей расположились на ночлег в одной из хат. Я постоянно кашлял и плакал, не давая заснуть ни хозяевам, ни беженцам. Неожиданно среди ночи темнота озарилась светом и раздалось жуткое завывание – наши «катюши» ударили по противнику. Набожные селянки уверяли, что эти огненные стрелы – кара господняя немцам за все наши муки». В это же время неподалеку, в селе у реки Ирпень, спрятался киевлянин Николай Прокофьев: «Мама очень боялась, что бомба попадет в дом, и мы спрятались в стоге сена. Ночью, дрожа от холода и страха, мы видели выстрелы «катюши», от их залпов дрожала земля. Это жуткое зрелище, как будто пламя летело над землей».*

6 ноября, к вечеру, со стороны Киева началась сильная орудийная пальба по лесу у Белогородки, где находились немецкие войска. Крестьяне с беженцами попрятались по траншеям, которыми были изрыты все огороды. Ночью Белогородку атаковали советские моторизованные части. Танки с зажженными фарами и воющими сиренами шли вперед, ведя огонь из пушек и пулеметов. В течение суток село переходило из рук в руки. Как только бои стихли, толпы беженцев потянулись обратно в Киев. В. Бубнов: *«Мы двинулись к дороге через поле. Оно было сплошь усеяно трупами солдат. Многие лежали с открытыми глазами... И те, и другие – молодые ребята. Почти у всех вывернуты карманы и*

снята обувь». Ю. Бубнов: «Больше всего моих родителей поразил труп одного немца. Он был без головы и держал в судорожно сжатой руке семейную фотографию. Кто-то заметил впереди колонну машин и солдат, одетых в незнакомую форму. Раздались крики: «Немцы! Немцы!», – и вся толпа беженцев бросилась от дороги в лес. К счастью, оказалось, что это были чехословацкие войска (всех ввела в заблуждение их форма). [1-я чехословацкая бригада приняла боевое крещение 5.11.1943 в боях под Киевом. – **Прим. автора**] Моя мама попросила одного из офицеров довести ее до Киева. Неожиданно на Брест-Литовском шоссе он предложил маме отдать ему Юрия. Офицер убеждал, что мальчик совсем маленький и не выживет в этой разрухе. А у него есть возможность отвезти меня в Чехословакию, к своим родителям, где я буду в безопасности. Но мама решительно отказалась».

В. Бубнов: «Не помню, сколько мы шли к городу, помню, что с обеих сторон дороги нас сопровождали пожары, и от этого было теплее – ноябрь был довольно прохладным. В городе тоже были пожары. Падая от усталости, мы наконец добрались до нашего двора. Окна домов зияли темными отверстиями, и только на пятом этаже в квартире №14 мерцал слабый огонек. Там жил доктор Ребров, который, рискуя жизнью, не ушел из дому по приказу оккупантов. Не мудрствуя, мы двинулись на огонек, где были тепло встречены хозяином. Ребров поставил на примус огромный чайник и мы до утра сидели вокруг стола. А на утро следующего дня мы передислоцировались в нашу квартиру, находившуюся этажом ниже. В ней явно побывали немцы – кругом валялись какие-то значки и обмундирование, на столе стоял ящик с документами. Многие квартиры в запретной зоне были разграблены, двери и окна выбиты».

Жизнь в освобожденном городе постепенно налаживалась. Из эвакуации возвращались семьи беженцев, а с фронта – комиссованные. На улицу Дмитриевскую в свою каморку вернулся еврей-часовщик, которого все считали погибшим. Его также, как Валентина, в течение двух лет прятала одна киевская семья (по материалам сборника «Война в нашей судьбе» (Германия, Любек, 2005), мартиролога «Бабий Яр. Книга памяти» (К., 2005), воспоминаний В. Некрасова, статей А. Росовецкого и В. Даниленко).

3. ЗАГАДКИ ВРЕМЕН ОККУПАЦИИ

Пекарня на Воровского и футбол

Как упоминалось выше, при немцах пекарня на Воровского заработала вновь. Жильцы дома №51 утверждали, что в пекарне работало несколько футболистов – будущих участников серии матчей с командами Вермахта. Один из них был известный вратарь Трусевич. Через несколько недель футболистов перевели на Хлебозавод №1 (после войны №4, ул. Дегтяревская, 19).

Возможно ли это? Обратимся к фактам. Руководителем футбольной команды «Старт» был моравский чех, отнесенный немцами к категории «фольксдойче», Иосиф (Йозеф) Иванович (Иоганович) Кордик. Основная работа Кордика в оккупированном Киеве – руководство Хлебозаводом №1 (до этого он работал начальником лаборатории хлебозавода). Именно он и встретил на Евбазе Николая Трусевича – бывший вратарь киевского «Динамо» торговал на базаре самодельными зажигалками (по другим данным Кордик встретил Трусевича на ул. Михайловской). Директор хлебозавода любил футбол и знал, что Трусевич закончил перед войной пищевой техникум. Скорее всего, Кордик не сразу доверил Трусевичу работу на Хлебозаводе №1 (в полугодное и военное время существовала серьезная опасность хищений и диверсий), а предложил пройти «испытательный срок» в пекарне, расположенной рядом с Евбазом. Трусевич оказался хорошим работником – крепким и исполнительным, что не могло не понравиться чеху. Получив «кредит доверия», Николай Александрович попросил взять на работу его друзей-футболистов. Последние также хорошо зарекомендовали себя, после чего Кордик перевел всех спортсменов на Хлебозавод №1.

Скорее всего, футболисты в пекарне и на хлебозаводе занимались только подсобной работой. Известно, что Кордик предложил Трусевичу пойти к нему разнорабочим. Вспоминает нападающий киевского «Динамо» Макар Гончаренко: *«Мы пошли работать в дворовую бригаду: дворничать, грузить. Можно было и в цех, но боялись: там соблазнов много. Вообще, в цехах преимущественно девчонки работали».*

Судя по всему, пекарня на Воровского, 51, являлась филиалом хлебозавода. В пользу этой версии говорит то, что во время оккупации в пекарне работал какой-то чех. Скорее всего, работу он получил от своего земляка – Кордика. Но, к сожалению, для чеха с неустановленной фамилией, это трудоустройство оказалось последним. Он в чем-то провинился перед оккупационной властью и был расстрелян прямо во дворе пекарни.

Какие только слухи не ходили в Киеве о возможных причинах ареста футболистов. Якобы, после победных матчей оккупанты предложили игрокам принять немецкое гражданство, но те отказались. Говорили, что жена одного из игроков имела любовную связь с венгерским генералом. Якобы после семейного скандала она написала донос в гестапо, что все игроки «Старта» – агенты НКВД, оставленные для подпольной работы.

По другой версии, на футболистов донес руководитель команды «Рух», бывший игрок киевского «Желдора» (клуба железнодорожников), Георгий Швецов. Из документов известно, что из всех игроков «Старта» лишь один – Николай Коротких, являлся агентом НКВД, оставленным в Киеве для подпольной работы. После войны те, кто поддерживал миф о «матче смерти», утверждали, что несколько футболистов прошли подготовку в спецшколе разведчиков-диверсантов. Причем, наставником Трусевича, якобы, был Сергей Броневой – отец известного актера. Еще во времена оккупации находились и такие, кто пытался очернить футболистов. Говорили, что Трусевич открыл при немцах частную столовую и даже играл в бильярд с начальником концлагеря. Утверждали также, что футболисты были причастны к хищениям муки на хлебозаводе. Говорили также о толченом стекле в мешках с мукой. Якобы работницы решили украсть растительное масло и спрятали две бутылки в мешках. Следующая смена ничего не знала и отправила мешки в работу. В итоге вторую смену расстреляли.

Трагическая судьба футболистов, попавших в концлагерь, известна всем. Вспоминает бывший узник Сырецкого концлагеря Василий Екимов: *«Футболисты киевской команды попали в концлагерь раньше меня. Я жил в соседней землянке и часто ходил к ним. Помню вратаря Трусевича и игроков Клименко, Свиридова, Кузьменко, Тютчева, Балакина. Сбежал я из концлагеря в июне*

1944 года. К тому времени футболистов почти не осталось, их стреляли методично, подбирая причины». После войны в Киеве стали появляться многочисленные самозванцы, якобы игравшие за «Старт». Вспоминает Юрий Тарнавский: «На Большой Житомирской, 8а, жил великий оригинал по фамилии Гемпилевич. Во дворе у него был большой гараж на две машины. Этот чудак прямо со своего балкона, расположенного на четвертом этаже, провел вниз провода. Как оказалось, он установил в гараже полевой телефон (!). Гемпилевич утверждал, что играл за команду «Старт», но в «матче смерти» не участвовал, так как заболел воспалением легких. Болезнь, якобы, и спасла его от расстрела»

После войны в пекарне на Воровского пекли французские булки, черный хлеб, «кирпичики», мацу к еврейскому празднику Песах и очень вкусные темно-коричневые булочки с изюмом, так называемые «жулики». За ними всегда стояла очередь в «Булочную», расположенную рядом – на углу Воровского и Дмитриевской. Позднее, в не хлебные «кукурузные» года (1961-1962), здесь стояли длинные очереди за «детскими булочками» из пшеничной муки.

Итальянцы в Киеве

Родители Юрия и Валентина Бубнова упоминают еще один интересный эпизод. Однажды, во время оккупации, в Киеве произошла «большая пьянка» – тогда на улицах было замечено множество нетрезвых итальянских солдат и офицеров. На основе анализа боевых действий и воспоминаний очевидцев, мы можем уверенно датировать время «большой попойки» – март 1943 года. «Виновниками торжества» являлись солдаты 8-й итальянской армии.

В июле 1942 года части и соединения 8-й армии заняли рубеж, проходивший по правому берегу Дона. В декабре 1942 года в ходе Среднедонской операции 8-я армия была практически уничтожена. Потеряв пять дивизий и несколько пехотных бригад, итальянцы были вынуждены отступить вместе с немецкими и румынскими войсками. Около 130 тыс. итальянцев попало в окружение в ходе наступления советских войск под Сталинградом. Из них только 45 тыс. удалось спастись.

Вспоминает А. Яремчук: «31 января 1943 года. Стало известно, что остатки разбитой итальянской 8-й армии отводятся в район Киева, а оттуда в Италию». Вспоминает Александр Парунов, проживавший во время оккупации на ул. Никольско-Ботанической, 9: «В начале 1943-го года появились слухи о разгроме немецких войск под Сталинградом, начале наступления советских войск... О том, что для немцев настали тяжелые времена, свидетельствовало появление в Киеве большого количества солдат армий союзников Гитлера. Мы, мальчишки, с интересом рассматривали серую форму итальянских солдат, которые даже в легкие морозы, не смущаясь, кутались на улицах в одеяла».

А. Яремчук неоднократно отмечал недостатки итальянского обмундирования: шинели жиденькие – на «рыбьем меху». Солдаты напоминали отступающую армию Наполеона – многие в женских пальто и шубах, закутаны в шарфы и платки. Вот, что пишет в своих мемуарах Федор Худяков: «Наступил январь 1943-го года. В городе появилось много солдат в какой-то странной форме. Коротенькие, едва до колен сине-зеленые шинелишки, ботинки и гетры на пуговицах, в шапочках перья из петушиных хвостов. А так как было много снега, и стояли морозы – поверх шапочек на них были намотаны самых разнообразных расцветок бабские платки, шарфы, а ноги во многих случаях обмотаны какими-то тряпками и завязаны веревками. [В итальянской армии сапоги, обычно, носили только офицеры. – Прим. автора] Эти солдаты ходили по базару, по дворам жилых домов, стучались в окна и молча стояли с протянутой рукой. Они что-то лопотали по-своему, видно, слова благодарности, и тут же жадно поедали то, что им дали. Затем рылись по карманам, и что-то оставляли: компас, бинокль, пару перьев из шапочки. На Евбазе была частная харчушка, где можно было поесть или пшеничного кондера, или рассольника – в общем, баланды. Был случай, что этих солдат зашло человек пять или шесть. Они поставили свои винтовки в этой харчушке под стенкой, поели, встали и ушли, оставив винтовки в этой харчушке как плату за еду.

Немцы сняли итальянцев с фронта, погрузили как скот в товарные вагоны и отправили обратно в Италию. Всю дорогу держали их взаперти, без пищи, в холодных дощатых вагонах, и

лишь в Киеве разместили в каких-то казармах. В городе появились объявления. Вот одно, почти дословно: «В последние дни в городе отдельные военнослужащие союзных Германии государств выпрашивают у населения продукты питания, меняя их на военное снаряжение и оружие. Если эти военнослужащие будут замечены немецкими патрулями – они, как и те граждане, что им что-то давали, будут расстреляны на месте без всякого расследования».

Причины подобного жестокого обращения немцев со своими союзниками озвучил А. Яремчук. Немецкое командование изначально относилось с недоверием к итальянской экспедиционной армии. Когда случались перебои с снабжением, немцы отказывались делиться с итальянцами продовольствием и бензином. С продуктами питания было проще – его добывали у местного населения, а за бензином итальянцам приходилось посылать цистерны в Румынию. На правом берегу Дона в тылу 8-й итальянской армии немцы не оставили ни резервов, ни тяжелой артиллерии. Бронетехника без горючего – бесполезна, а малокалиберная итальянская артиллерия не могла остановить советские танки. Итог сражения был предreshен – оборона 8-й армии была прорвана и итальянцы спешно отступили. Но немецкое командование не могло простить итальянцам их вынужденное бегство. Немцы открыто обвиняли итальянцев в трусости и считали их виновниками поражения под Сталинградом. В свою очередь, союзники обвинили немецких командиров в том, что они спасали свои подразделения, жертвуя при этом итальянскими.

Остатки разбитых дивизий направились в зону реорганизации, к северо-востоку от Киева. Не снабдив своих союзников продуктами питания, немцы бросили их как скот в товарные вагоны. В Киеве изголодавшиеся итальянцы меняли остатки своих пайков (мыло, сигареты и одеколон) на продовольствие – картошку и муку. Д. Гуменна писала, что итальянцы отдавали офицерскую шинель, подбитую белым мехом, за буханку хлеба, а винтовку – за 100 рублей. Подобным грехом славились и румыны, легко избавлявшиеся от своего оружия. Насмотревшись на голодающих итальянцев, киевляне вольно-невольно добавляли к этому удивительному факту что-то и от себя. Прошел слух, что итальянцы переловили всех оставшихся в городе кошек, что как только потеплеет

они пойдут к ставкам (прудам) ловить лягушек (явно перепутали с французами). Из дневника А. Любченко за 12 февраля 1943 года: *«Жалкий вид имеют итальянцы в своих распоясанных плащах. Они бродят по базарам и распродают или выменивают различные «казенные» вещи, чтобы добыть еды, – даже оружие продают».* Вспоминает Владимир Коржик: *«Я видел, как бабы на Евбазе в 1943 году подкармливали хлебом итальянских солдат в кургузых шинельках».*

Итальянская казарма была расположена в здании бывшего инженерного батальона – на Бульварно-Кудрявской, 9. А. Яремчук со своим товарищем сняли комнату неподалеку – в доме №6. 25 февраля А. Яремчук получил приказ выехать в Гомель. Перед отъездом его хозяйка с Бульварно-Кудрявской, 6 сообщила, что видела напротив своего дома итальянских солдат, продающих вино на разлив из огромной бочки. Д. Малаков писал, что у Сенного рынка и вдоль Воровского, возле гарнизонной бани стояли вереницы автобусов Fiat, в которых жили итальянцы.

Откуда в Киеве, пережившем полтора года оккупации, взялась огромная бочка вина? Жители оккупированного города гнали самогон (дрожжи всеми правдами и неправдами добывались у немцев) и продавали его на базарах, вина не производили – не было сырья. «In vino feritas» («В вине – ярость») – произносили римские полководцы за трапезой перед боем. В итальянской армии по сей день на обед позволено выпить 150 грамм красного сухого вина. Конечно, это были прямые поставки из Италии. Поначалу, примерно до конца февраля, итальянцам не то чтобы алкоголя – хлеба не хватало. Но затем в Киев прибыли составы с продовольствием, алкоголем и амуницией.

К лету 1942 года 8-я итальянская армия насчитывала в своем составе 7 тыс. офицеров и 220 тыс. солдат. Минимальная норма для рядового итальянской армии – 200 грамм красного вина в неделю. Итого поставки вина из Италии должны были достигать – 44 тыс. литров в неделю (88 шт 500-литровых или 220 шт 200-литровых бочек). Вместе с тарой это примерно 50 тонн – такова средняя грузоподъемность одного четырехосного грузового вагона. Если добавить сюда усиленный офицерский паек, то получится весьма немного – два грузовых вагона в одном железнодорожном

составе. Для сравнения, за короткую финскую кампанию рядовым бойцам Советской Армии было роздано более 10 миллионов литров водки. Командирам и летному составу полагался коньяк, коего было израсходовано свыше 800 тыс. литров.

Вина для уцелевших итальянцев прибыло с избытком, многие солдаты и офицеры, на которых его выписали, – мертвы или томятся в плену. После тяжелых боев и полуголодного существования итальянцы заглушают стрессы, поминают погибших товарищей, распевают песни. Война для них закончена, а ненавистные немцы – не указ. Отголоски этой пьянки и были замечены обитателями дома №51 по ул. Воровского, которой во время оккупации вернули ее прежнее название – Бульварно-Кудрявская. Вскоре немецкое командование отправило недисциплинированных итальянцев на левый берег. В Дарнице их поселили в бараках, построенных прямо посреди леса. С дарницкого вокзала уцелевшие итальянцы и отправились к себе на родину. Из советского плена вернулись лишь единицы – итальянцы хуже других переносили принудительный труд и недоедание. По слухам, последний итальянский солдат, в состоянии амнезии, был опознан в психиатрической больнице им. Павлова в 1956 году.

«Дом специалистов»

На Шулявке, по адресу проспект Победы, 30, расположен знаменитый «Дом специалистов». С этим зданием связано несколько легенд военного времени. По слухам, банда «Черная кошка» действовала в Киеве даже во время оккупации. Бандиты грабили и убивали в основном на Шулявке, где устраивали разбойные нападения на немецких офицеров. Причем, преступники называли себя партизанами и охотились на военных, проживавших в «Доме специалистов». Тела убитых, якобы, они закапывали на территории Зоопарка. Звучит это неправдоподобно и, скорее всего, является искаженным представлением о действиях советских диверсантов. Последних часто забрасывали за линию фронта с заданием ликвидировать офицеров Вермахта. К слову сказать, в «Доме специалистов» действительно собирались высшие чины немецкой армии. В. Терно писал, что в конце июля 1943 года одна из бомб,

сброшенных советским бомбардировщиком, угодила в окно «Дома специалистов». Прощив перекрытие, она разорвалась в подвале бомбоубежища, в котором находились офицеры железнодорожной службы. Среди погибших было несколько генералов и представителей генерального штаба.

Слишком неправдоподобно звучит версия о попадании авиабомбы в окно здания. Сбрасываемая авиабомба обычно летит по параболе, а затем выравнивает свое падение до вертикального. Иными словами, авиабомба, чтобы влететь в окно, должна лететь не вертикально, а по кривой параболе. Для этого бомбу должны были сбросить с небольшой высоты, с которой, обычно, бомбардировщики не сбрасывают свой груз. Неясно, как можно было определить, что авиабомба попала в окно, когда после взрыва большая часть стекол в здании была выбита. Существует версия, что бомба проскользнула через вентиляционную трубу в подвал, в бомбоубежище, и только там разорвалась. Но диаметр вентиляционного канала всего 25x25 см, а траектория падающей бомбы не строго вертикальная. Да и сам вентиляционный канал, изгибается «змейкой» под 90° на каждом этаже. Более вероятно, что бомба угодила прямо в шахту лифта и взорвалась где-то внизу.

Возможно, взрыв в подвале «Дома специалистов» являлся диверсионным актом. Наши подпольщики получили разведанные о том, что подвал дома используется как бомбоубежище для высокопоставленных офицеров Вермахта. Вероятнее всего, силами подпольщиков были внедрены или завербованы киевляне, обслуживающие «Дом специалистов». Ими и была заложена бомба с часовым механизмом прямо в подвале, рассчитанная по времени на пребывание там немцев. По всей видимости, этот теракт не был первым. В мае 1943 года в подвале Музкомедии была обнаружена мощная бомба, а в зале театра был выявлен и застрелен советский диверсант. Но местные жители не могли поверить, что взрыв в бомбоубежище является диверсией и сочиняли новые легенды. Болтали, что бомба пробила крышу, все этажи и достигла подвала, так и не разорвавшись. Чтобы поврежденное здание не рухнуло, его пришлось стянуть толстыми тросами (!). Бомбоубежище в «Доме специалистов» действительно существовало. Пацаны с Шулявки называли его вентиляционные башенки «бомбиками».

4. КАННИБАЛЫ В ОККУПИРОВАННОМ КИЕВЕ?

Еще в начале 1920-х годов в Киеве ходили страшные слухи о мыле из человеческого жира. В то время Валентин Бережков проживал с родителями на Подоле: *«Никаких игрушек у меня нет. На улицу выходить не разрешают, там снуют бандиты. Ходят слухи, что они похищают детей и варят из них мыло»*. В периоды социальных бедствий мыло всегда стоило очень дорого.

По слухам, из человека среднего телосложения получалось семь кусков мыла. Мясники утверждают, что в человеке среднего роста и нормальной упитанности содержится около 40 кг мяса. Один из людоедов голодомора 1930-х годов на Украине, убивавший свои жертвы трехгранным штыком с приделанной рукояткой (подобное оружие использовали также кольца свиной), признавался: *«В младенцах одни цыплячьи кости, стариков не прожужеешь, мослы...»*.

В марте 1926 года академик Сергей Ефремов записал в своем дневнике: *«Слышал на Сенном базаре несколько характерных рассказов... В вагоне трамвая сидит какой-то человек. «На вас кровь, – говорят ему, – вы ранены». – «Нет, это что-то... Так себе...» – засуетился «раненый» и начал пробираться к дверям. Но тут пальто на нем растянулось и оттуда выпала чья-то свежееотрубленная рука»*.

Пишет киевовед и историк М. Рыбаков: *«Старожилы вспоминают тот страшный Киев 1933-го. Некоторые сельские жители носили на продажу в город дрова; покупатель просил занести их на второй этаж дома... Это была ловушка: продавца хватили и отправляли на колбасу»*. В те страшные годы случай каннибализма был отмечен даже в стенах Лавры. По воспоминаниям бывшего юрисконсульта монастыря профессора Никодимова, в Дальних пещерах, заселенных тогда бесквартирными горожанами, *«...было совершено зверское преступление. Одна женщина убила девочку, подружку своей дочери, и мясо ее продала на базаре»*.

Ю. Чикирисов упоминает о банде людоедов, охотившейся на детей зимой 1941-1942 на Евбазе: *«Улицой шли полицаи с винтовками наперевес и вели впереди себя трех раздетых мужчин. Те*

были в самом исподнем, ступали босоногими по заснеженной брусьчатке с связанными за спиной руками.

– Людоеды! – выкрикнул кто-то из прохожих.

Казалось, внешне люди как люди, но бросались в глаза их холеные лица, один был с подстриженной бородкой и в очках...

Позднее пересказывали не одну версию, как выявили этих людоедов. Рассказывали, что в Киеве действовала целая банда. Заманивали в квартиры доверчивых женщин и детей, убивали, а их мясо использовали для приготовления блюд. В городе не хватало столовых. Казино, бары и рестораны обслуживали преимущественно немцев. Поэтому среди простого люда пользовались популярностью «обжорные ряды» на базарах. Один человек, перенесший сложную операцию, постоянно питался у одной из рыночных кухарок. Вскоре врач осмотрел его и удивился, как быстро заживает рана.

– Чем вы питаетесь? – поинтересовался он.

Служащий рассказал, что, мол, на Евбазе у одной женщины, которая готовит очень вкусные котлеты.

– А принесите мне такую котлету, – попросил немец-врач.

Котлету отправили на анализ и выяснили, что она изготовлена из человеческого мяса. Можно было услышать и другую историю. Пришла женщина на рынок [Евбаз. – **Прим. автора**] купить что-нибудь. Чтобы не тянуть за собой ребенка, оставила ее возле дома на углу улицы. Когда вернулась, девочки не было. Кого только не спрашивала – никто ничего не знал. Лишь бабка-чистильщица обуви, которая сидела в будке на противоположной стороне улицы, якобы видела девочку, которая шла с мужчиной и ела конфету... Через несколько дней, когда уже разоблачили людоедов, несчастную мать пригласили на Подол, в дом, где находилась база каннибалов, – они хранили там труп, а женщина узнала отрубленные ручки своей дочери – на них были рукавички, которые она сама связала. На следующий день Колька Кайло клялся и божился, что видел собственными глазами на Бессарабке трех повешенных с табличками на груди «Людоеды».

Скорее всего, именно об этом случае рассказывал мой крестный отец Николай Иванович Степанов. Во время оккупации его мама покупала на базаре пирожки. Однажды в Киеве пропала де-

вочка, начались ее поиски и немцы каким-то образом вышли на преступника. Взломали дверь одной из хат на Подоле: внутри обнаружили хозяина, напившегося до беспамятства. Из-под его кровати торчала рука убитого ребенка. В доме нашли также большую мясорубку, человеческие кости и специи, которыми приправлялся фарш. Хозяйка, у которой Колина мама покупала пирожки, приобрела фарш именно у этого преступника.

Вспоминает М. Ковтун: *«В 1942 году на Подоле, в переулке у кинотеатра «Октябрь», в одном из частных домов поймали двух людоедов. Известно, что один из них занимался торговлей на Житнем рынке. Болтали всякое... Мол отдолжили они у соседки мясорубку, заманили и убили жертву, продали часть мяса и на вырученные деньги напились. Терпение соседки лопнуло и она пошла забирать свою вещь. Дверь в хату оказалась открытой, хозяин со своим подельником валялись пьяные, а на столе лежали отрубленные человеческие руки. Соседка тут же отправилась в ближайшую комендатуру. Когда в городе пронесся слух, что арестовали людоедов, я вместе со своей подружкой побежала на Подол. Мы видели, как их вели на Бессарабку с табличками на груди, где крупными буквами было выведено – «Людоед». Киев в то время был переполнен слухами о пропавших безвести людях и о колбасе из человечины. Пока людоедов вели на место казни, некоторые жители подбегали и били их палками».*

По воспоминаниям киевлянки Элеоноры Коваль (Остапенко) известно, что во время оккупации людоеды проживали в частном доме у подножия Замковой горы: *«И вот стали пропадать дети. Знали, что Маша из такого-то дома не пришла домой. Потом еще пропал мальчик, потом пропала девочка – мы их не знали. Мама последней девочки была очень настойчивая и каким-то образом все выяснила. Она вышла на одну семью – мужчина и женщина торговали на базаре колбасой. Заявила в комендатуру. Выяснилось, что эта пожилая бездетная пара охотилась за детьми 10-12 лет. Ужасный подпольный цех они организовали в своем деревянном сарае, расположенном у Замковой горы. При обыске немцы нашли там останки детей и детскую одежду».*

Не смотря на то, что «фабрика людоедов» находилась рядом Житним базаром, из соображений безопасности убийцы продавали

свой товар как можно дальше от своего дома. То, что здесь на Подоле готовят колбасу из человечины, подозревали многие. Но на соседей в то время не доносили – боялись.

В мемуарах Ф. Худякова об оккупированном Киеве упоминается такой случай: *«На Бессарабке, против крытого рынка, был повешен какой-то фельдшер, живший на Подоле. В расклеенных объявлениях было сказано, что немцы его приговорили к повешению публично якобы за то, что он насиловал девушек, приходивших к нему за медпомощью, потом убивал, а из человеческого мяса делал жаркое и продавал на базаре»*. А. Любченко в своем дневнике за 24 января 1943 года пишет о пойманном на Подоле молодом людоеде, охотившемся на девушек. Спустя три дня на Бессарабке казнили еще одного людоеда по фамилии Корниенко. Это был мужчина лет 50-55, рыжий и усатый. Он изнашивал и убил 16-летнюю девушку, затем вырезал с ее правого бедра кусок мяса, зажарил и съел. Когда вешали Корниенко веревка не выдержала и оборвалась. Но немцы не собирались щадить людоеда – один из офицеров добил его из пистолета.

Вот фрагмент из книги «Бабий Яр»: *«Он [колбасник Дегтярев. – Прим. автора] выходил на базар, выбирал какую-нибудь бабу или мужика попроще и предлагал по дешевке соль, якобы у него есть на дому. Вел к себе домой, пропускал вперед в дверь, бил топором по затылку – и разделявал на колбасу. Попался на небрежности. Одна хозяйка принесла домой колбасы, сели есть – что за черт, кусок человеческого пальца в колбасе. Кинулись к торговке, через нее взяли и промышленника. Он сознался, что почти год так работал. Много народу человечинной накормил.*

– А ты про эту банду кладбищенскую слышал? Их, правда, пошлепали без рекламы. Кладбищенский сторож был у них главный, сам изобрел. После похорон раскапывали могилу, добывали мертвеца – и пускали на корм свиньям. Они там при кладбище целую ферму свиную развели. Потом уже эти свиньи – на колбасу. И никто бы не знал, да они сами перегрызлись, доходы не поделили, и один всю банду продал... С этой свиной фермой они лихо придумали, мне даже понравилось. Если свиной мясом кормить, они как на дрожжах жиреют». Странно, но подобная история повторилась и после войны. Вспоминает Г. Ляшенко: *«Это было в*

конце 1940-х годов. Мой отец – Семен Романович Исаенко, работал в то время комендантом общежития при речном порте. Он долгое время дружил с Д., занимавшем тогда пост начальника этого порта. Д. был довольно полный, светловолосый и солидный мужчина. Он не раз выпивал в компании с моими родителями. Помню, что была зима и довольно крепкие морозы. Однажды Д. шел на работу, как вдруг у дома №64 по ул. Верхний Вал ему стало плохо. Он прислонился к дереву, съехал спиной по стволу и скончался. Вскрытие показало обширный инфаркт. В те времена покойников редко бальзамировали, тем более в холодную пору. Уже после похорон вдова обнаружила пропажу сберегательной книжки. Она догадалась, что книжка осталась во внутреннем кармане пиджака костюма, в котором похоронили мужа. В те времена восстановить утерянную сберегательную книжку было почти невозможно. Существовал целый комплекс бюрократических препятствий, усугубленных послевоенной разрухой. В итоге, чтобы не пропала крупная сумма денег, могилу было решено вскрыть. Вдова с соответствующими документами заглянула в домик кладбищенского сторожа. Внутри она заметила две странности: сторож заметно нервничал, а на вешалке висел пиджак – точно такой, как у ее покойного супруга. Могилу на Байковом кладбище раскопали в тот же день – к всеобщему удивлению гроб оказался пустым.

Приехавшим милиционерам вдова сообщила о своих подозрениях. Оказалось, что на своем приусадебном хозяйстве, расположенном недалеко у кладбища, сторож держал свиней. Когда поступал «свежий» покойник, сторож ночью разрывал могилу и увозил на тележке труп. Кое-что из одежды продавалось на базаре, а тела расчленялись и шли на корм свиньям. Мясо последних также уходило на базар. Говорили, что свиней-людоедов милиционеры постреляли, облили керосином и сожгли. Какой приговор получил сторож, я не знаю». Это не первый случай воровства и вандализма на Байковом кладбище. Еще в далеком 1840 году сторож нового католического кладбища на Байковой горе П. Тарнавский обвинялся в краже одежды с мертвых тел.

После войны в конце 1940-х годов в кормлении свиней человечесиной подозревали санитаря морга при Кирилловской больнице

(у стадиона «Спартак» находилось подсобное хозяйство, где держали лошадей и свиней). Вспоминает Леонид Васильев (родился в Киеве в 1932 году): *«Да, слухов разных ходило по Киеву множество, но неизвестно какова их достоверность. Но вот то, что я видел лично сам во время похорон, в которых мне к сожалению приходилось участвовать неоднократно, в послевоенные годы. Своих умерших каждый старался придать покрасивее и нарядить в лучший костюм или платье. Но когда заканчивалась процедура прощания у могилы и наступала пора заколачивать гроб, обязательно подходил кто-нибудь из провожающих и демонстративно, так чтобы было всем видно, резал ножницами костюм на лоскуты. Ножницы приносили с собой. Считалось, что если не сделать этого, то могилу разроют и одежду украдут»*. Офицеров хоронили без сапог, так как хромовые сапоги стоили дорого.

Слухи об убийцах-людоедах будоражили сознание киевлян и после войны. Вспоминает А. Макаров: *«В Киеве голод 1947 года запечатлелся в страшных историях о детских пальчиках в холодильнике, купленном на базаре. Очевидно, подпольные цеха людоедов продолжали свою работу и некоторое время после войны. Отсюда и эти слухи»*. В конце 1980-х годов поговаривали о банде, державшей в пригороде Киева питомник с пушными животными. Для правильного развития и качественной шерсти песцам требовалось свежее парное мясо. Поэтому банда занималась тем, что поздними вечерами охотилась на одиноких прохожих. По слухам, одной потенциальной жертве удалось спастись. Мужчина жил в частном секторе в районе Протасового яра и возвращался домой уже в сумерках. Ему удалось оторваться от «охотников», выскочивших из машины и перебраться через забор на соседский участок. Он отлеживался в компостной яме, пока убийцы рыскали вокруг бормоча со злостью, что их питомцы останутся голодными.

До сих пор в Киеве, да и в других городах, можно услышать страшилки о человеческих ногтях в пирожках. Одна из последних подобных историй (середина 1990-х годов) связывалась с районом ДВРЗ. Ходили слухи о найденном в фарше человеческом ногте с частицами маникюрного лака. Причем, рассказчики явно намекали, что жертвами являлись бродяги из местного спецприемника.

5. ПОСЛЕВОЕННЫЙ КИЕВ

В ноябре 1943 года Киев освободили, но война продолжала напоминать о себе ночными налетами немецких бомбардировщиков, развалинами домов, «похоронками», болезнями и недоеданием. На земле взрывались заложенные оккупантами мины, а в небе кружили немецкие разведывательные самолеты. Но улицы медленно оживали, горожане выбирались из подвалов и землянок, возвращались из окрестных лесов, болот и оврагов. Из 200 тысяч киевлян, мобилизованных в армию, погибло или пропало без вести 70 тысяч: каждый третий, отправившейся на фронт, не вернулся в свой родной город. Несмотря на большие потери население Киева быстро увеличивалось. Следует отметить социальный колорит обитателей освобожденного города. Это в первую очередь военные: полковники и генералы, младший офицерский состав, солдаты. Множество различных служащих, литераторов, редакторов и директоров. Среди них бродят обездоленные рабочие и крестьяне. Люди различных национальностей: русские, украинцы, белорусы, грузины, евреи, чехи и поляки.

Вскоре начались восстановительные работы, открылись школы и детские сады. Водопровод в городе не работал (еще в сентябре 1941 года нашими саперами была взорвана Днепровская водопроводная станция). Воду киевлянам приходилось добывать из рек и водоразборных колонок. Вспоминает Г. Ляшенко: *«Водопровод в самом начале войны был взорван. На Тургеневской, в низине, стояла единственная работающая водоразборная колонка. Говорили, что еще был колодец у Оперного театра, но я туда не ходила. Очередь к колонке начиналась за добрый километр. Множество голодных и полуодетых детей выстаивали за водой часами, пока их родители добывали где-то еду. Через несколько месяцев после освобождения Киева водопровод восстановили»*. Вспоминает Ю. Платонов: *«Ближайшая от нашего дома водоразборная колонка находилась на Песчаной улице. От Борщаговского переулка необходимо было пройти несколько сотен метров и пересечь Брест-Литовское шоссе. После войны снабжение водой улучшилось – одну из колонок поставили прямо в нашем дворе»*. Воду для умывания брали в ближайших реках и озерах: ее носили по-

старинке – в коромыслах. Зимой снег собирали в ведра и растапливали на керосинках. После освобождения Киева водопровод был восстановлен довольно быстро, но горячую воду еще долго не включали. Поэтому многие киевляне по выходным посещали бани, а ванны использовали для хранения овощей.

Киевские дворики стояли «голые» – без сараев, голубятен и заборов. Все доступные деревянные конструкции использовались жильцами для отопления помещений и приготовления пищи. За 1941-1943 года киевляне отправили в печки целые семейные библиотеки: в огне сгнули тысячи редких книг. Подобная участь ждала и старинную мебель. Множество резных гарнитуров, шкафов и столов из ценных пород дерева превратились в пепел. Вспоминает А. Мочалов: *«У нас дома стояла печка-буржуйка – на ней и готовили, и обогревали комнату. Топили мебелью: ломали на дрова стулья, табуреты, буфеты, оставляя только самое необходимое. Приходилось сжигать книги. Тогда мы отбирали с матерью те, что не жалко, и сжигали по несколько страниц за один раз, чтобы хватило подольше. Так пропала вся отцовская библиотека. Несколько раз было, что выбрав момент, когда на улице никого не было, я выламывал доски из заборов и приносил домой».*

Кто был поумнее, тот запасся углем из брошенных котельных еще летом 1941 года. Сильно пострадали парки, особенно Пушкинский и КПИ, лишившиеся как молодых, так и старых деревьев. Мариинский парк поредел еще в сентябре 1941 года, когда приютил под своими кронами несколько тысяч погорельцев с Крещатика. К тому же, немцы привели с собой в Киев несколько сотен лошадей-тяжеловозов, отличавшихся завидным аппетитом. Весной 1942 года они принялись жадно поедать молодые побеги и кору плодовых деревьев.

Во многих домах оконные стекла были выбиты взрывными волнами, стены были покрыты выбоинами от осколков. Тротуары сплошь усеяны битым стеклом, на проезжей части лежали сорванные со столбов провода. Вспоминает В. Бубнов: *«После освобождения Киева мы решили не расселяться по комнатам, а жить временно в одной из них. Вначале мы заложили окна чем только могли: тряпками, рубероидом и т.д. Вместо электричества, которого не было, пользовались свечами и карбидными лампами.*

Спали все вместе, не раздеваясь (из-за холода и ночных бомбежек), тесно прижавшись друг к другу и укрывшись какими-то тряпками». Холодную постель прогревали утюгом и утепляли с помощью бутылок с горячей водой. Матрасы и подушки набивали соломой, которую периодически меняли.

Во время оккупации дров и угля не хватало, поэтому, как в некоторых старых селениях, топливом служил торф. Например, знаменитые Караваевские бани (ул. Пушкинская, 42/4) отапливались торфом, который по ночам привозили вагонетками и сгружали прямо на улице (в этих банях после войны работал Георгий Лукич Бубнов). Торфяные брикеты давно используются как твердое топливо для заводов, для выработки тепла и электричества. Писатель А. Любченко в своем дневнике за 5 августа 1942 года отмечает, что в Киеве не ходят трамваи – электроэнергия отключена. Городскую электростанцию собираются переоборудовать под торфотопление. Для доставки торфа немцы построили специальную трамвайную линию Пуща-Буча длиной 8 км и с мостом через реку Ирпень. Торф добывали в карьерах, расположенных в болотистой местности между Ирпенем и Бучей.

В Киеве некоторые дома по старинке освещались лучинами. Для изготовления лучин лучше всего подходили смолистые корни сосны. Они нещадно коптели, но зато горели долго и ярко. Со спичками всегда было туго – и во время оккупации, и после освобождения Киева. Вспоминает К. Фонтаний: *«Мало кто знает, что березовый гриб, кроме народной медицины, использовался и как горючее средство. Для этого чагу долго варили, периодически добавляя в кипящую воду пепел, сушили и получали мягкую пористую субстанцию, напоминающую мох. Она легко воспламенялась от искр, добываемых с помощью кремня. Не имея спичек, мы зажигали от чаги специальные длинные трубочки пороха, добываемые из крупнокалиберных зенитных снарядов. Внутри гильзы у капсюля располагался мешочек с зернистым порохом, а остальное пространство занимали длинные трубочки прессованного пороха. Если такой «макаронине» дать разгореться, то она начинала летать по комнате, как ракета».*

После освобождения Киева положение заметно улучшилось. Вспоминает Ю. Бубнов: *«Еду готовили на кухнях, в так на-*

ываемых «русских печах». Печи отапливались углем или дровами – их покупали на складе, который находился совсем недалеко – в одном из дворов по улице Тургеневской, а также на Евбазе и Старовокзальной улице. В конце 1940-х годов, когда в домах провели газ, надобность в угле и дровах отпала, так как в комнатные печки были встроены газовые горелки, а на кухнях появились газовые плиты».

Во время оккупации жилищное хозяйство велось из рук вон плохо – мусор не вывозился, канализация зимой замерзала. Во многих дворах для отходов выкапывали специальные выгребные ямы. О страшных годах оккупации вспоминает Ф. Худяков: *«Из дворов вытекали реки желтой вонючей жижи, особенно из дворов-колодцев, окруженных многоэтажными домами. Ведь канализация почти нигде не работала, воды в домах не было».* После освобождения Киева оказалось, что полопались многие трубы и радиаторы в домах с центральным отоплением. Это произошло по злонамеренному расчету оккупационной власти. Еще за месяц до освобождения Киева штадткомиссариат запретил спускать воду из системы отопления. Мотивация приказа была предельно простой и жестокой: *«Зачем беспокоиться о том, что все равно подлежит полному уничтожению».*

После освобождения Киева начались восстановительные работы. Поначалу следовало ликвидировать оставленные немцами «сюрпризы» – многочисленные мины в домах и во дворах. По улицам ходили группы минеров с длинными щупами, миноискателями и специально обученными собаками. Затем киевляне взялись за восстановление системы отопления. Не смотря на то, что большинство мусоросборников засыпали, в некоторых дворах еще долго пользовались выгребными ямами. Обычно их выкапывали у туалетов – одну для помоев (ее периодически засыпали), а другую для сухого мусора (ящиков, досок и газет – ее время от времени сжигали). Заработала и канализационная система города: в 1944 году были отремонтированы насосные станции Подольская, Музгородок и Чоколовская. В следующие два года были восстановлены канализационные насосные станции Днепровская и Пушча-Водица. Работоспособность коллекторов поддерживала малочисленная служба канализации, состоящая из полсотни человек, девя-

ти лошадей и четырех автомашин. К концу 1945 года объем пропуска стоков составил лишь 50% довоенного уровня. Во многих киевских двориках еще долгое время пользовались старинными туалетами с выгребными ямами. Каждое утро у общественных ретирад собирались очереди. О своем дворике на Миллионной (Панаса Мирного) упоминает Клавдия Лейбова: *«Время от времени приезжали золотари, сортир чистили. Об этом событии предупреждали заранее, и все убежали из дому, тщательно закупорив окна. Это было сезонное удобство, потому что зимой оно становилось труднодоступным».*

Жилья для возвращающихся фронтовиков и беженцев катастрофически не хватало. Совсем не как победителей встречали фронтовиков в пунктах прописки, жилконторах и общежитиях. Равнодушие и взяточничество отравляли многим радость возвращения в родной город. В Киеве было разрушено 1742 коммунальных и 3600 частных жилых домов. Особенно ценилась жилплощадь в центре города, в домах дореволюционной постройки. В отсутствие хозяев большинство подобных квартир было занято соседями или вообще пришлыми людьми. В подобных случаях жилплощадь не всегда удавалось вернуть официальным путем. Иногда возвратившиеся хозяева были вынуждены выкупать свои квартиры. Вспоминает писатель И. Кобылянский: *«Происходили бесчисленные конфликты, судебные процессы; множество судеб было искалечено. В органах власти, ведавших распределением жилья, процветало взяточничество в невиданных масштабах».* Но следует отдать должное воспитанности и порядочности людей той эпохи. Так, многим семьям, отсудившим обратно свою жилплощадь, соседи возвращали похищенные вещи. Вспоминает К. Лейбова: *«К нам потащились совестьливые соседи с остатками нашего имущества, которое они взяли после нашего бегства – никто не думал, что мы вернемся, разобрали, чтоб добро не пропадало... Наши детские одежки взяла тетя Таня Леонтьева, тихая женщина с кучей детей. Она сразу прибежала к маме и призналась, что одежки безнадежно выношены, а мама не обиделась и сказала: «Правильно сделала».*

В Киев возвращались дети, эвакуированные без семей. У многих погибли родители, а их квартиры оказались заняты. Чтобы

выжить, ребятам приходилось заниматься попрошайничеством и воровством. В город возвращались также бывшие военнопленные и оstarбайтеры. После войны им пришлось доказывать свою невиновность в фильтрационных лагерях под Киевом. К пережившим оккупацию относились не лучше – часто переселяли из хороших квартир в подвальные помещения. После освобождения Киева жителей, переживших оккупацию, бросали на самые тяжелые работы: восстановление мостов, рытье траншей и котлованов. Существует свидетельство, что за несколько дней до отступления советских войск из Киева, в городе организовали регистрацию граждан – якобы для выдачи продуктов. В документах тем, кто оставался, ставили отметки РМ или АВ. Это означало «расстрел на месте» или «административная ответственность» – это облегчало в будущем работу карательных органов. Все, кто остались в оккупации, на долгие годы превратились в граждан второго сорта.

Вспоминает Ю. Бубнов: *«Когда я поступал в комсомол, а это было в 1956 году, при заполнении анкеты существовал пункт: «Находились ли вы или ваши родственники на временно оккупированной территории». Кроме анкеты в райком комсомола необходимо было принести свидетельство о рождении. Поскольку я родился в оккупированном Киеве, это свидетельство было выдано немецкими властями. Оно было отпечатано на сероватом картоне, размером в четверть листа А4. Крупным шрифтом на немецком языке: ФИО (меня и моих родителей), адрес, национальность и вероисповедание. Эти данные были продублированы ниже на украинском языке, но более мелким шрифтом. Сверху над текстом, как и полагалось, красовался орел со свастикой, а внизу – синяя печать с такой-же символикой. Когда члены комиссии по приему в комсомол увидели этот документ, они просто оторопели. Меня отвели в какую-то комнату, заперли там и сказали, чтобы я подождал. Прошло довольно много времени, пока не появился мужчина в «полувоенной форме» (так в то время называли военную форму, но без погон и знаков отличия). Незнакомец сказал, что ему надо поговорить с моими родителями и мы пошли к нам домой. Не знаю, о чем он говорил с ними, но все закончилось благополучно. Сейчас это кажется смешно, но тогда это грозило нам большими неприятностями».*

Многие дома требовали ремонта – стены стояли с облупившейся побелкой и неокрашенные, в подъездах скрипели деревянные лестницы, пахло котами и гнилой капустой. Но и в подобных коммуналках не было возможности получить комнату. Приходилось останавливаться в старых почерневших бараках, обветшалых хатах частного сектора, на чердаках многоквартирных домов и в сырых полуподвальных помещениях. Изначально эти подвалы задумывались как подсобные помещения для хранения различных вещей, продуктов и топлива. Но с послевоенным дефицитом жилья было принято решение использовать их под временные квартиры. Во многих домах не было туалетов и водопровода: на полу стояли параша, а на столах – длинный ряд керосинок.

Семейные жили по 4-10 семей в комнатах-казармах, разделенных на ячейки фанерой, простынями, газетами и обрывками обоев. Приезжие находили себе приют в дворовых сараях, сторожках, флигелях, на баржах, пришвартованных к берегу Днепра и даже на конюшнях. Так, друг В. Терно – Шурка Корчагин, вместе с родителями проживал в бывшей конюшне Политехнического института. Многие возвратившиеся с эвакуации какое-то время находили приют у своих родственников или друзей. Например, семья Терно после освобождения Киева, проживала в квартире Гриневых. Семьи многих рабочих получали жилье на территории тех предприятий, где устраивались на работу. Это было так называемое ведомственное жилье – пустующие промышленные здания передельвались в общежития. Во многих школах разместились госпитали для фронтовиков. Бывшие учащиеся этих школ помогали медперсоналу ухаживать за ранеными, за что получали дополнительное питание.

1 марта 1944 года, как только растаял снег, в городе развернулись массовые восстановительные работы. Городское управление призвало каждого киевлянина потратить четыре часа в неделю на восстановление Киева. Вместе с мужчинами на улицах трудились женщины, подростки и пенсионеры – все становились рядами и передавали друг другу по цепочке куски кирпичей и камней. Вспоминает В. Терно: *«Я с другими учениками 71-й школы под руководством преподавателей неоднократно работал на Крещатике рядом с рабочими завода «Большевик». Киевляне понимали ва-*

жность такого грандиозного мероприятия, работали с энтузиазмом и гордились внесенной каждым из них лептой в его существование». На восстановление Крещатика также были брошены фронтовики, вернувшиеся в Киев. По окончанию работ горадминистрация пообещала военным отдельные квартиры в престижных районах, но в итоге предложила комнаты где-то на окраине. Тогда наиболее отчаянные, надев свою форму, при медалях и орденах, отправились воевать с чиновниками. Последние быстро капитулировали и выделили некоторым квартиры ближе к центру города. Но, в основном, расселяли по Демеевке, Нивкам и Чоколовке.

Порой масштабные восстановительные работы приводили к удивительным находкам. Один киевский старожил рассказал мне, что в 1949 году на Подоле в районе ул. Хоривой, 24, проводились земляные работы. Во время прокладки теплотрассы или газопровода у Подольского районного отделения милиции солдаты наткнулись на древнюю пещеру. В ее извилистых проходах были обнаружены погребальные ниши с потемневшими черепками. Известно, что в этом районе в XV столетии была построена Воскресенская церковь. Возможно, это был ее древний погост.

Для вывоза с развалин искореженного металла, битого камня и кирпича на Крещатике возвели временную трамвайную линию. Мусор свозили трамвайными платформами грузоподъемностью 12 тонн на огромную свалку в районе Лыбидской площади. Часто улицы оцепляли военные, пока саперы минировали и взрывали остатки разрушенных зданий: на их фундаментах закладывались новые дома. В районе ЦУМа строительные бригады восстанавливали наименее пострадавшие дома. Оконных стекол во многих зданиях не было – повыбивало взрывами. Хозяева закрывали пустые проемы тряпками, а зимой – старыми матрасами. Поэтому частыми гостями в послевоенных двориках были стекольщики. К концу 1945 года на центральных улицах восстановили и капитально отремонтировали около 30 тыс. квадратных метров жилой площади. Некоторые довоенные здания были пригодны для восстановления, но их разобрали, чтобы расчистить место для нового проекта.

Послевоенные годы не сравнить с ужасными годами репрессий (1937-1938 гг.), когда уничтожали даже талантливых архи-

текторов. Бывало, что по окончании строительства киевские архитекторы бросались в бега. Дело в том, что строительные материалы поставлялись плохого качества, но отказаться от строительства было нельзя – расстреляли бы за саботаж. По завершению строительства здание могло рухнуть – архитектора безусловно бы расстреляли. Поэтому, когда архитектор заканчивал дом, он сбегал в другой город, где жил под чужой фамилией. Так, в конце 1930-х годов Киев лишился многих талантливых специалистов.

Новый «сталинский» Крещатик неоднократно вызывал нарекания среди архитекторов и деятелей искусств. Питерские архитекторы прозвали этот стиль «взбесившимся тортом». Фасады, облицованные узорчатой керамической плиткой и причудливыми керамическими украшениями, действительно напоминали кремовые торты. При проектировании были допущены ошибки: фасады перенасыщались декоративными деталями, облицовка гранитом выглядела крайне массивной для жилых домов, арки затемняли комнаты, а карнизы нависали над окнами. *«На Крещатику, а также в других районах Киева особенно много архитектурных излишеств и надуманных решений»*, – вынес вердикт журнал «Будівництво і архітектура». *«Прекрасный в своей отвратительности»*, – охарактеризовал Крещатик писатель и архитектор Виктор Некрасов. Не смотря на все недостатки киевляне любят новый Крещатик – из довоенной улицы с плотной застройкой и закрытыми дворами-колодцами он превратился в просторный и красивый центр города. Киевляне и гости столицы любили побродить по обновленному Крещатику и даже в шутку прозвали его «Вытрищатицом» (от укр. слова «витрищатися» – «вытаращиваться»).

В 1941 году во время отступления советскими саперами были взорваны цеха швейной фабрики им. М. Горького на Жилянской улице и трикотажной фабрики им. Р. Люксембург в районе Протасова Яра. В 1944 году эти фабрики были восстановлены, но одежды и обуви все равно не хватало. Киевляне носили телогрейки или военную форму без погон, китель и галифе. Реже встречалась одежда мышино-серого цвета, перешитая из немецкого обмундирования. К сожалению и такая одежда изнашивалась и приходила в негодность. Иногда удавалось раздобыть ярко-красный шелк немецких грузовых парашютов, из которого шили прекрас-

ные юбки. Жены офицеров и крупных чиновников щеголяли платьями из особого шелка – муара, привезенного из Германии. Для простых людей самой доступной одеждой были сатиновые шаровары – в них и в школу, и на футбол, и на танцы. Самой распространенной обувью были грубые солдатские или кирзовые сапоги. Зимой разваливающиеся галоши прикручивали проволокой, а летом носили шлепанцы из брезента или камыша.

Школьные портфели были далеко не у всех, мальчишки просто перетягивали книжки ремешками. Пользовались офицерскими планшетами и сумками от противогозлов. Носили также маленький мешочек для чернильницы-«непроливайки». Вспоминает Г. Ляшенко: *«Мой брат ходил в старой перелицованной немецкой шинели. На лето мама купила ему тубетейку с майкой и за один вечер пошила матерчатые сандалии. Обувь часто рвалась и приходилось ее перешивать. Поэтому часто мальчишки босоногими бегали по двору. Сосед-сапожник наловчился делать обувь из старых автомобильных покрышек – «ассирийки» (их в большом количестве ваяли ассирийцы). Такие ботинки часто натирали ноги, но стоили очень дешево. Про них ходила даже частушка: «Дякуємо Сталіну-грузину, що обув нас у резину».*

Однажды маме выдали талоны на приобретение комплекта детской одежды и обуви. Благодаря этому я довольно хорошо приоделась и смогла пойти в школу. Учебное заведение №58 располагалась рядом с Евбазом на бульваре Шевченко: в одном классе со мной занимались дочки известных украинских писателей – Малышко и Неходы. Малышко была небольшого роста и полненькая, а Нехода, наоборот, – высокая и худенькая. В своей книге «Тату, я люблю тебе» (Киев, 2003) Валентина Малышко вспоминает свой переезд в только что отремонтированное здание школы. Наш класс был дружный, несмотря на действительно тяжёлые и полуголодные времена. Учебников было мало, их выдавали только тем, у кого отец погиб на фронте. Обычные школьные тетради были редкостью и стоили довольно дорого, поэтому многие девочки, обычно из бедных семей, писали между строк на старых газетах. По ночам школа не отапливалась и по утрам чернила оказывались замерзшими. Приходилось отогревать их руками и писать в рукавичках. Во время перемены все дружно выбе-

гали в коридор, чтобы подвигаться и немного согреться. Валентина вспоминает, как девочки приносили с собой по полну: 25 учениц – 25 поленьев. Мы дружно растапливали буржуйку, постепенно согревались и относительно комфортно занимались.

Интересно, что в нашем классе занималась моя тезка – Галя Ляшенко. Ее отец – инвалид войны, держал ларек на углу улиц Ленина и Тимофеевой. Торговал он сигаретами и консервированными крабами: стоили они тогда 90 копеек за банку, но их никто не покупал. [За несколько недель до падения Киева в магазинах исчезли все консервы... кроме крабов. – **Прим. автора**] Прошло время, я вышла замуж за Антона Ляшенко и стала, в придачу, однофамилицей своей бывшей одноклассницы.

В 1948 году ввели школьную форму для мальчиков – полувоенный китель, ремень и фуражку. Несколькими годами ранее появилась форма для девочек, но ее можно было увидеть только на школьницах из богатых семей. До 1954 года мальчики и девочки обучались в отдельных учебных заведениях. Поэтому в праздничные и выходные дни мальчики из старших классов ходили на танцы в женские школы. Девочкам разрешалось приходить на танцы только в школьной форме: платье, белый передник и банты.

Киевские дворики были заполнены многочисленными дровяными сарайчиками – ветхими дощатыми строениями, крытыми толем. Вязанка дров в то время стоила на базарах от 5 до 10 рублей. В сараях хранили также соленья и овощи, держали собак, кроликов и кур (родители моей мамы держали даже трех поросят в своем дровяном сарае на Подоле). Для отопления в квартирах стояли «буржуйки», а для приготовления пищи – примуса. Каждая семья держала дома такую «паяльную лампу» – бесфитильный нагревательный прибор. Керосин продавали в специальных будочках, рядом с которыми находились подземные емкости с горючим. Во многие дворики керосин завозили персонально раз в неделю. У поэта Юрия Ряшенцева есть такие строки: *«Здесь наливал евреям в бидон товар горючий»*. Вспоминает Д. Малаков: *«Возчик стерег коня и цистерну, а Лейба-керосинщик ходил и кричал: «Карасин!»*. Жители с бидонами, канистрами и бутылками выстраивались в длинную очередь». О керосинщике упоминает в своих мемуарах Николай Черныш («Уголок моего сердца». – К., 2008): *«Это был*

невысокого роста очень плотный еврей лет пятидесяти, весьма неряшливо одетый в насквозь пропахшие керосином телогрейку и латаные-перелатаные штаны. Никто не знал, как его зовут, но, за глаза все его звали Зяма-керосинщик. У него было двухколесная тележка, на которой была закреплена бочка с керосином емкостью литров триста. В эту тележку он впрягался сам и тащил по булыжной мостовой в любую погоду. Закатив тележку во двор, он ее стопорил, утирал несвежей ветошью пот со лба, после чего доставал из сумки солдатский рожок и оглашал окрестности протяжным гудением. Минут через пять вокруг его бочки выстраивалась очередь с канистрами, бидончиками, банками и прочими емкостями».

Обычно примуса были керосиновые, но встречались и бензиновые – трофейные немецкой фирмы «Джувел». Походные военные примуса были компактные и легкие, в круглых и съемных корпусах. При отступлении немцы их просто выбрасывали. Запомнились также немецкие портативные ацетиленовые лампы освещения, которые киевляне прозвали «карбидками». Но чаще всего встречались самодельные лампы-коптилки из снарядных гильз.

До войны примуса можно было приобрести в «железных» (скобяных) лавках. Когда керосина не было, то в них заливали бензин. Чтобы он не взорвался, внутрь досыпали немного соли. Главное было не перекачать и не перегреть примус, иначе горючее могло пролиться через край и устроить пожар. Нередко примуса даже взрывались: многие получали ожоги, а то и сгорали со всеми своими пожитками. В 1947 году в Киеве построили центральную газораспределительную станцию, а 1 октября 1948 года завершилось сооружение магистрального газопровода Дашава-Киев. В течение нескольких лет во многих домах появился газ – примуса и керогазы отправились на дворовые мусорки и свалки. Кухни перестали быть шумными и задымленными.

В Киеве заработала транспортная инфраструктура – из Москвы прибыли составы со 130 новыми троллейбусами, возобновились довоенные трамвайные маршруты. Часть нагрузки по перевозке пассажиров приходилась на старенькие автобусы ЗИС и полуторки, в кузовах которых специально устанавливали скамейки.

6. «О ВКУСНОЙ И ЗДОРОВОЙ ПИЩЕ»

В первой половине сентября 1941 года в Киеве уничтожались все ценное, что не успевали вывезти. Множество ящиков с консервами, мешков с мукой и сахаром было сброшено в Днепр или затоплено в баржах, а растительное масло просто слито на землю. Киевский спиртоводочный завод выпустил в Днепр по канализационным трубам несколько тысяч ведер спирта. Рыба опьянела и всплыла на поверхность. Люди черпали спирт прямо из сточных канав, не обращая внимания на нечистоты. Приготовленные для отправки мешки с продуктами сбрасывали с вагонов, а опустевшие составы занимали беженцы со своим скарбом. Брошенное сливочное масло и мясо портилось и гнило прямо на станциях. Киевляне остались без запасов продовольствия, что представляется неоправданной жертвой, поскольку к концу октября 1941 года немцы захватили на украинских заготпунктах 0,9 млн. тонн зерна. Несмотря на это, в первый же день оккупации был издан приказ о сдаче излишков продуктов питания. На киевскую семью разрешалось оставить не более однодневного запаса пищи. Магазины не работали. Только в декабре 1941 года появились хлебные карточки – по 200 граммов в сутки на человека. Свежее мясо, жиры, сахар и другие продукты для простых киевлян не предусматривались. Городской управой была организована продажа протухшего мяса по 6-8 рублей за килограмм, которое предназначалось для армии, но ввиду порчи не попало по назначению.

Праздником считался день, когда удавалось достать немного говяжьих костей. Супчик (юшку) варили из воды с небольшим количеством крупы или муки. Тогда говорили: *«Суп такой, что крупа крупу догоняет»* или *«Крупа играет с нами в прятки»*. Иногда удавалось сварить более густой суп из концентратов. Лакомством считалось довольно простое блюдо: в блюдечко наливали немного растительного масла и добавляли растертый зубок чеснока. В эту вкусно пахнущую кашичку макали краюшку хлеба. Часто в пищу употребляли куски «макухи» – это были твердые куски спрессованных жмыхов подсолнечника, когда-то шедшие в корм скоту, а теперь используемые людьми как ценный продукт питания. Искали съедобные травы: крапиву, борщевик, щавель,

дикий лук, лакомились яблоками (ели даже гнилые яблоки – темно-коричневые, мягкие и водянистые «мякиши»). Варили пустые (без зерен) кукурузные початки. Бывало, что кто-нибудь объедался ягодами белладонны, содержащей атропин, и приходил в бешенство. Временно помешанного с тяжелейшим отравлением, обычно привязывали к дереву и обливали холодной водой. Некоторые умирали от паралича дыхательного центра и сосудистой недостаточности.

Простая печеная сахарная свекла казалась невероятно вкусной. Вся свободная от застройки земля была разбита на огороды. Иногда удавалось найти оставшийся на брошенных огородах и колхозных полях картофель (при этом существовала серьезная опасность подорваться на минах). Городская управа докладывала начальству, что на улицах появились опухшие от голода жители. Были вывешены объявления, призывавшие взрослых и детей собирать каштаны и сдавать их в специальные пункты приема. Для каждой школы существовал план по сдаче – не менее полтонны каштанов. Взамен выдавали талоны, на которые можно было получить «хлеб», приготовленный из этих же каштанов (с небольшим добавлением пшена). Вспоминает Н. Прокофьев: *«На вкус он был горький и через пару часов, когда застывал, не резался кусками, а рассыпался. Выдавали по 100 грамм на человека в сутки. Сбор каштанов был делом добровольным – есть все равно больше нечего было»*. Хлеб из просяной шелухи, небольшого количества муки и гороха выдавали маленькими порциями. «Золотой хлеб» был безвкусный и часто вызывал изжогу – его старались запивать водой или заедать супом. Не редко на базарах можно было увидеть людей, державших его под мышкой. Они тщетно пытались продать полученный по карточкам хлеб из просяной шелухи, чтобы купить что-то более съестное. В некоторых семьях сушили впрок картофельные лушпайки, чтобы можно было погрызть их на голодный желудок. Сырые лушпайки маленькими кучками продавали на всех киевских базарах. Интересно, что жареные семечки очень понравились немецким солдатам и офицерам. Они в шутку называли их «украинским шоколадом». Многие из них полюбили крепкий домашний самогон и предпочитали его шнапсу.

Известно, что после так называемого «матча смерти» (9.08.1942) пирожками с Евбаза угощались футболисты «Старта». Вспоминает Г. Ляшенко: *«Особенно вкусными считались пирожки с Евбаза. После освобождения Киева я целыми корзинами носила пирожки с горохом на Галицкую площадь. Они почти целиком состояли из гороха – оболочка из теста была очень тоненькой. В нашей квартире на Воровского, в отдельной комнате, стояла настоящая «русская печь», только без лежанки. В печи с металлической заслонкой выпечка всегда получалась пышной, румяной и очень вкусной. Пирожки я продавала по 5 рублей за штуку. Когда муки не было совсем, то из гороха мы пекли блинчики.*

Еще моя мама готовила на продажу вкусные вареники с картошкой. Нас в семье было четверо детей – я самая старшая, поэтому мне иногда доверяли торговать на базаре. Вниз по Воровского я тащила тяжелую сумку, в которой находилась большая кастрюля с еще горячими варениками. Сверху они были присыпаны жареным луком, а из середины торчала большая вилка. Места за прилавками были дорогими, поэтому я торговала стоя, держа кастрюлю в руках. Вареники были вкусными и относительно не дорогими, поэтому их часто брали. Многие пробовали товар и наедались тут-же – в «Обжорном ряду». На квартире я жила впроголодь, боялась съесть лишний кусочек – вдруг младшим не хватит. Но на базаре голод брал свое – бывало, что я съедала половину всех вареников.

*Торговать на базаре я не боялась, а вот проходить мимо соседнего двора по ул. Воровского, 41, было немного страшновато. Наши мальчишки постоянно враждовали с соседскими – дрались, отбирали друг у друга самокаты, игрушки и завтраки. Однажды эти хулиганы чуть не утопили меня с подружками, сильно раскачав лодку где мы сидели. Могли отобрать и пирожки с варениками. Поэтому, по пути на Евбаз меня обычно сопровождала мама. [В доме на Воровского, 41 проживала актриса Киевского театра кукол Д. Проничева, чудом выжившая в Бабьем Яру. См. роман «Бабий Яр» А. Кузнецова. – **Прим. автора**]*

*После войны в продаже появился настоящий кофе, несравнимый по вкусу с немецким заменителем. [Немецкий эрзац-кофе готовился из обжаренных желудей, каштанов и ячменя. – **Прим.***

автора] *Я любила собирать в парке КПИ каштаны: мама очищала от кожуры твердые маслянистые плоды, подсушивала, обжаривала и перетирала их в порошок. Затем смешивала с небольшим количеством обжаренной ячменной муки. Получался довольно терпкий и горьковатый тонизирующий напиток. Вместо чая мы пили кипяток, настоянный на различных травах и подслащенный немецким сахарином».*

После войны в СССР, как и во многих странах Европы, была введена карточная система. На рабочую карточку в день выдавали 700 грамм хлеба, на карточку служащего – 500, на иждивенческую и детскую – 300. На «черном рынке» хлеба было вдоволь, но стоил он очень дорого. Многим киевлянам не хватало денег даже на то, чтобы выкупить свой пайковый хлеб. Положение усугубила засуха 1946 года, существенно сказавшаяся на урожае зерновых культур. Осенью того же года цены в магазинах, столовых и рынках ощутимо повысились.

Киевский ЦУМ возобновил свою работу в 1944 году – в его левом крыле открылись секции, где по карточкам выдавали населению продукты первой необходимости. По обычной карточке ежемесячно на человека выдавалось около 2 кг мяса и рыбы, 400 г жиров, 1,5 кг крупы и макарон, десяток яиц, немного картофеля и сухофруктов. Немногим лучше питались солдаты – им выдавали брикеты гречневой, перловой и гороховой каши, консервы. Курящим выдавали махорку, а некурящим – колотый сахар. Офицерам также выдавали табак – «Золотое Руно» или «Казбек» (некурящим взамен предлагали шоколад). На офицерский паек можно было довольно хорошо прожить – в него входили консервы с тушеным мясом, ветчиной или рыбой, масло, плавленый сыр, печенье и конфеты. Студентам-отличникам КПИ назначали УДП (усиленное диетическое питание) – бутерброд и стакан чая. В 1945-м ввели специальные карточки для кормящих и беременных женщин, а с 1946-го – талоны на второе горячее питание. Усиленные пайки полагались донорам – им дополнительно выдавали масло, красное вино, сахар и кондитерские изделия.

Дети в школах получали дополнительное питание – на обед чай и булочки, разрезанные вдоль и посыпанные сахаром. Дети, чьи отцы находились на фронте, получали бесплатные горя-

чие завтраки. Но это было не во всех школах и не в полном объеме. 14-15-летние подростки из бедных семей, или потерявшие отцов на войне, были вынуждены вообще бросать школу и уходить на заработки. Сиротам выдавали талоны на обед в специальных столовых, а в пионерлагерях на завтрак – немного сахара. На Новый год детям раздавали пригласительные билеты в районные Дома пионеров и в заводские клубы. Новогодние утренники с подарками устраивались в обязательном порядке также и в детсадах. В праздничных подарках всегда были конфеты и мандарины. Для школьников устраивали утренники, проходившие обычно в Доме учителя на площади Калинина. Там детям раздавали леденцы в форме петушков и зайчиков. Вспоминает Г. Ляшенко: *«В конце декабря 1946 года мама повела меня на елку. Располагалась она на Подоле, на пересечении улиц Нижний Вал и Межигорской. Мы прошли также по новогоднему базару среди временных, сколоченных из досок киосков, освещенных разноцветными фонарями. Мама купила мне огромный леденец в форме петушка, немного конфет и сушеных яблок».*

В период каникул, когда родители находились на работе, дети были предоставлены сами себе. Озорные мальчишки совершали набеги на чужие сады, играли в прятки и строили домики в зарослях лопуха и бузины. Летом детвора часто покрывалось волдырями от крапивы. Это жгучее растение, в изобилии встречающееся на огородах и у дорог, являлось незаменимой подкормкой свиньям и домашней птице. С давних времен свежее мясо, для сохранности, было принято обкладывать листьями крапивы. Довольно вкусный чай из крапивы заваривали при кровотечениях.

Вспоминает А. Ляшенко: *«Рядом с нами находилась ферма. Я заметил, что колхозные куры периодически убегают и прячутся в зарослях бурьяна. Оказалось, что там они свили гнезда и отложили яйца. Для меня это было просто спасением! До этого я питался лишь скисшим молоком и зеленым луком. Как сейчас помню долгие и спокойные вечера: полумрак в комнате, огонек и гудение примуса. В комнате тепло и уютно. Дремлющий кот Петька мурлычет у ног, а мама жарит нам вкусную яичницу».*

Вспоминает Ю. Платонов: *«Мой друг Коля Петренко, проживавший рядом со мной на Борщаговском переулке, научился*

добывать куриные яйца очень хитрым способом. Растительность у заборов, разделяющих частные владения, всегда была густой и высокой. Колькина соседка держала несколько кур-несушек. Через щель в заборе он заметил где пасутся куры и где растет наиболее густая трава. Колька осторожно расшатал доску забора так, чтобы его рука свободно проникала сквозь ограждение. Сразу же за забором, на участке жадной соседки, он в зарослях бурьяна соорудил гнездо. Затем Коля взял несколько пустых яиц, содержимое коих он предварительно высосал, и залил внутрь гипс, чтобы яйца не трескались и не теряли своей формы. Готовые муляжи он аккуратно положил в гнездо. Несушки заприметили замаскированное гнездо и принялись в него откладывать яйца. Кольке оставалось лишь регулярно собирать свою дань, осторожно просовывая руку сквозь щель забора».

Несмотря на тяжелое и полуголодное время, люди были более добрыми и открытыми. Пишет К. Лейбова: «Хозяйки, загнанные работой, детьми, бедностью на грани голода, изготовив что-нибудь вкусное – вареники ли, деруны, тирог какой-нибудь, – непременно угощали соседей». Ю. Платонов: «На старых иулявских двориках народ жил очень дружно. Особенно после войны, когда общие беды сплотили людей. Вместе отмечали праздники, дни рождения и свадьбы. Бывало, что все вместе хоронили и поминали. В теплую погоду по выходным дням во дворе накрывали общий стол. Каждый приносил то, что у него готовилось дома – кто кастрюльку борща, кто котлеты или кашу, а кто вино и водку. Обычно, для банкетов использовали наш теннисный стол. Во время праздников, когда места для всех не хватало, к нему присоединяли несколько дополнительных столиков. Ю. Бубнов: «Соседи, живущие на первых этажах, выставляли в открытые окна телевизоры, чтобы передачи смотрели все желающие. А летом, по выходным дням, целыми семьями пили чай на своих балконах».

Постепенно ситуация с продуктами стала улучшаться – в свободной продаже и по умеренным ценам появились овощи, консервы, белый хлеб и даже мечта детворы – конфеты и мороженое. До этого конфеты были редкостью, вместо них лакомились жженым сахаром – твердым, коричневого цвета и с терпким вкусом. Несмотря на то, что в первые послевоенные годы мороженое гото-

вили на сахарине, оно казалось сказочно вкусным. Его продавали из бидонов, поставленных в бочку со льдом.

Лед по старинке хранили в ледниках – в специальных емкостях в подвалах или погребах, обшитых для теплоизоляции древесиной. М. Кальницкий писал, что в многоквартирных доходных домах каждый наниматель имел при общем леднике свой особый шкаф. Вспоминает Л. Васильев: *«Зимой воду заливали в деревянные корыта и замораживали, а потом хранили в специальных хранилищах до лета. Лежал он укрытый соломой и всегда был усыпан прилипшими желтыми соломенными стебельками»*. Для продуктовых магазинов и предприятий ледники устраивали прямо под открытым небом. Подобный ледник существовал в пойме реки Лыбидь, в районе улицы Уманской. Брикетсы со льдом укладывали на склоне холма, густо пересыпая слои тырсой.

Еще один ледник находился на склоне Черной горы, чуть выше улицы академика Филатова. Здесь когда-то размещалась городская скотобойня, где для хранения мяса использовали большое количество льда. Отсюда и старое название улицы И. Кудри – Боненская. Большие ледяные горы устраивали возле каждой крупной железнодорожной станции: во время стоянок льдом снабжались вагоны-рестораны, а также специальные вагоны-холодильники, предназначенные для перевозки скоропортящихся продуктов. Не смотря на теплоизолирующие слои опилок с первыми весенними лучами ледники начинали таять. Из под льда постоянно бежали струйки воды, образующие к лету целые пруды. Вода в прудах была очень чистой и быстро нагревалась на солнце: местная детвора любила купаться в таких искусственных водоемах.

Вплоть до начала 1960-х годов подводы со льдом, накрытые от таяния брезентом, развозили лед по магазинам. Мальчишки обожали таскать сколотые кусочки: возчики лениво их отгоняли, пощелкивая для острастки кнутом. В магазинах стояли холодильные шкафы для хранения скоропортящейся продукции. Лед, по мере таяния, периодически досыпали в специальные отделения «холодильника», вода стекала в специальный поддон с крапником. Существовал рекламный плакат: «Главхладпром. Покупайте лед. Лед сохраняет свежесть продуктов. Требуйте во всех аптеках». Лед в аптеки завозили регулярно, так как он применялся для холо-

дных компрессов (они помогали при высокой температуре и снимали боль при ушибах) и лечения язв. Не смотря на все полезные качества льда покупали его довольно редко. Жители прибрежных районов добывали лед прямо у реки, либо пользовались многочисленными озерами. Так, например, на Лукьяновке на улице Белорусской, существовало довольно большое и чистое озеро. Взрослые часто посылали детвору для сколки и сбора льда, который затем складировали в подвалах домов.

Мало кто помнит пирожные тех времен – два слоя бисквита, а между ними белый крем. Эти вожделенные квадратики отличались особым вкусом, но из-за высокой стоимости были практически недоступны. После войны большие леденцы или маковки (смесь меда, сахара и мака) стоили довольно дешево. Неизменным спросом у ребятни пользовались нежная пастила, бублики с маком и ириски. Вспоминает Г. Ляшенко: *«Иногда мама меня баловала – готовила из сливок, масла и сахара «тянучки». Я с интересом наблюдала, как из остывшей массы нарезались длинные конфетные полоски. Причем, мама резала их непрерывно, иначе при первой же остановке нож прилипал и его приходилось отдирать с силой – вся «тянучка» вытягивалась в длинную «веревку» и портилась. А еще моя мама покупала манные котлеты – такие полуфабрикаты, которые обжаривались на сковороде. Тогда этот диетический продукт казался мне очень вкусным. Еще я очень любила домашнее мороженое, о котором все «дети войны» вспоминают с особым удовольствием. Наша соседка по дому №39 по ул. Воровского делала очень вкусное мороженое. Помню, что торговала она в конце улицы Воровского, у дома, где находился магазин «Кулинярия», напротив 51 номера».*

До 1947 года все продукты питания отпускались по карточкам. Ю. Платонов: *«В декабре 1947 в стране прошла денежная реформа с одновременной отменой карточной системы. Помню, прихожу домой, снимаю пальто и захожу в комнату – а там настоящий праздник! Накрыт стол, а на нем масло, колбаса и конфеты. Все это отец купил с зарплаты на новые деньги».* Слухи о предстоящей денежной реформе волновали киевлян еще в 1946 году. Действительно, поначалу денежную реформу планировали провести годом раньше. Однако из-за голода, вызванного неуро-

жаем и засухой, с ней пришлось повременить. Причин проведения денежной реформы было несколько: создание условий для отмены карточной системы, удаление из оборота большого количества фальшивых денег (власти Третьего рейха печатали фальшивые советские рубли, которыми, выплачивали зарплаты на оккупированных территориях), борьба со спекулянтами (значительная денежная масса осела у подпольных дельцов и преступников).

О денежной реформе 1947 года упоминает Н. Черныш: *«Безналичные деньги на счетах кооперативов, колхозов и т.п. обменивались из расчета 5 старых на 4 новых рубля, что было явной несправедливостью, но отражало отношение руководства страны к кооперативам и колхозам как к чему-то второсортному»*. Конфискационная реформа 1947 года больше всего затронула крестьян. Сберкасс в большинстве деревень не было. Деньги хранились «в чулках», от чего большая их часть пропала. Наличные деньги менялись на вновь выпущенные из расчета 10:1. Вклады населения в сберкассы переоценивались в зависимости от размера: до 3 тыс. рублей – один к одному; от 3 тыс. до 10 тыс. – три старых рубля на два новых, а свыше 10 тыс. – два к одному. Слухи о том, что грядущая реформа ударит по подпольным богачам, усилилась поздней осенью 1947 года. Пишет доктор исторических наук Олег Назаров: *«Поскольку сохранить в тайне планы власти от населения не удалось, в сберкассах стали выстраиваться очереди желающих положить деньги на сберкнижку. 2 декабря МВД констатировало «случаи, когда вкладчики изымают крупные вклады (30-50 тысяч рублей и выше), а затем эти же деньги вкладывают более мелкими вкладами в другие сберкассы на разных лиц»*. Ряд чиновников и партийных работников, под видом официальных взносов, положил в сберкассы значительные суммы, чем укрыл их от секвестра. Из обращения исчезли мелкие монеты. Пытаясь спасти свою наличность, люди бросались скупать все ценное – мебель, золото, часы. Толкучки и барахолки процветали, участились случаи воровства и вооруженных грабежей.

Но панику и обесценивание сбережений в 1947 году не сравнить с катастрофой, постигшей Россию после революции. Вспоминает Ю. Платонов: *«Моя бабушка, когда вспоминала своего мужа, погибшего еще до войны, часто сетовала на свою прис-*

корбную ошибку. До революции мой дед работал на киевском вагоноремонтном заводе, где неплохо зарабатывал. После получения должности мастера он спросил мою бабушку: «Мне зарплату домой приносить в монетах или в ассигнациях?». Бабушка подумала и ответила: «В ассигнациях». Прошло полвека... В 1950-х годах я нашел на чердаке нашего дома пачку царских денежных знаков. В аккуратно свернутом и перевязанном рулончике было больше тысячи рублей. Эх, если бы это были николаевские золотые пятерки и червонцы!».

После отмены карточек в конце 1947 года при зарплатах большинства городского населения в 500-1000 рублей килограмм ржаного хлеба стоил 2.80 руб., пшеничного – 4, макарон – 9, килограмм гречки – 11, сливочного масла – 62, растительного масла – 28, литр молока – 2.50, десяток яиц – 10. Причем, киевские цены были немного дешевле московских, так как Киев был отнесен к первому ценовому поясу, а Москва – ко второму. Но еще долго в свободной продаже не было муки и сахара – их «выбрасывали» на прилавки только перед большими праздниками. К тому же существовали «Нормы отпуска товара в одни руки».

Вспоминает Ю. Бубнов: *«Перед входом в продуктовый магазин (ул. Дмитриевская, 1) иногда «выбрасывали» дефицит – «ящичковую селедку». В очереди за ней дело могло дойти и до драки. Все думали, что «ящичковая селедка» это такой сорт. На самом деле эта рыба транспортировалась и продавалась в грубо сбитых деревянных ящиках. Но она была почему-то вкусней других расфасовок и стояла дороже. Нас, школьников, больше интересовали лежащие на прилавках «сахарные головы» – конусообразные куски сахара, обернутые в голубую бумагу. В то время они казались необычайно вкусными, но стоили слишком дорого. Чаще всего родители покупали так называемый «колотый сахар» – бесформенные большие куски сахара, которые приходилось раскалывать на более мелкие кусочки специальными щипцами. Помню, как счастливый обладатель куска сахара выходил во двор, засунув его в рот, и после долгих уговоров, не вынимая сахар из рта, разрешал нам его полизать.*

Помню, как из окон нашей пекарни рабочие выкатывали по доскам во двор пустые железные бочки из-под патоки. Мы, дво-

ровые пацаны, переворачивали бочки отверстием вниз, подставляли миски и ждали, пока стекут остатки. Патока представляла собой жидкость, по густоте напоминающей мед и такой же сладкой. В пекарне она использовалась для выпечки, а мама и бабушка готовили из нее коржики. Объединение!». Вспоминает Борис Оболишкто: *«Помню, как я еще мальчишкой в начале 1960-х наблюдал через полуподвальное окно пекарни за приготовлением теста. Какой-то полуавтомат, вероятно, формировал бублики, и я мог подолгу простаивать у окна, наблюдая, как их формуют и укладывают на противни. Связки уже готовых бубликов висели над прилавком «Булочной», расположенной тут же рядом».*

На Сенном рынке конфетку-подушечку пацаны покупали за 1 копейку или выменивали у приезжих торговцев за стакан холодной родниковой воды. На шулявском рынке появились будочки и тележки для продажи газированной воды, конфет на палочке и мороженого. Стакан обычной газировки стоил 5 коп, а с сиропом – 10 копеек, сахарный «Петушок на палочке» – 30-50 коп, а молочное мороженое – почти рубль. Ребята, живущие у Евбаза, набирали водопроводную воду прямо в своих дворах и носили на базар по 5 коп за стакан. Вода была холодной и на удивление вкусной.

Киев издревле славился своими прекрасными пастбищами. Так, жители прибрежных слободок каждое утро отвозили на лодках пастись своих коз на днепровские острова. Вспоминает писатель В. Заманский: *«В первые послевоенные годы на рынке все было дешевле и качеством выше, чем в магазине. Масло готовили и сами же продавали сельские тетки. Мясо было парным, свежайшим. По утрам в город приезжали из окрестных сел красавицы-молочницы. Почему-то все молодые и чернобровые. Они разносили по домам в неподъемных бидонах свежайшее молоко. Такого я не попробую больше никогда... Тяжелое, несколько желтоватое от жира, оно не отмывалось со стен бутылки».* Как правило, молочницами были жительницы Телички, державшие в своих усадьбах коров. Эта историческая местность, расположенная посреди заливных лугов дельты Лыбиди, являлась поставщиком молока и молочных продуктов еще с дореволюционных времен.

Кроме молочных изделий Киев славился обилием ягод. Вспоминает Л. Васильев: *«Киевский вокзал в сезон клубники пред-*

ставлял зрелище необыкновенное. Все перроны были заставлены корзинами с клубникой. Багажные тележки перевозили те же корзины, только побольше. Своего апогея эта клубничная вакханалия достигала к моменту отправления московских поездов. Густой клубничный запах окутывал вокзал и шлейфом тянулся вслед уходящим поездам. Основной клубничный поток шел на Москву».

С конца 1940-х годов в ассортименте магазинов появилось мясо различных сортов, колбасы, окорока, сыры, фрукты и ягоды. Все это можно было купить без всякой очереди и в любом количестве. В городе появились ларьки, где торговали ветчиной, готовыми бутербродами и различной кулинарией. Но по качеству поставляемой на рынки продукции государство не могло конкурировать с владельцами приусадебных хозяйств. Поэтому, начиная с середины 1950-х годов, власти всерьез взялись за частную торговлю. Вспоминает Н. Черныш: *«Владельцев приусадебных хозяйств стали обвинять в том, что они скупают в городах хлеб по низким го-сценам и скармливают его скоту. Начались гонения, не только на жителей окраин и пригородных селений, поставлявших сельхозпродукцию на городские рынки, но и на колхозников, заставляя их отказаться от содержания в домашних хозяйствах коров и другой живности».* Прошло несколько лет и цены на городских рынках резко поднялись. Это было связано с сокращением размеров приусадебных участков. Колхозники были вынуждены оставлять большую часть выращенной продукции себе; сократилось количество поставок в город, что и способствовало повышению цен.

В то же время, к концу 1950-х годов снабжение магазинов продуктами питания значительно улучшилось. Вспоминает Г. Ляшенко: *«Утром перед работой я забежала в гастроном на улице Верхний Вал. В подвальном помещении стояли бочонки с красной, черной и дешевой селедочной икрой. Обычно я покупала краюху свежего хлеба и 100 грамм красной или черной икры. Икра была такой сытной, что одного бутерброда с чаем мне хватало до обеда. Однажды на моих глазах приезжая крестьянка решила попробовать немного красной икры.*

– Ой, яка вона гыдка! – плюнула и вышла из магазина.

Рядом с прилавком висел плакат: «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы». Моя подруга уверяла, что «мясо

крабов жесткое и скрипит на зубах». Позднее крабы стали предметом выгодного экспорта и исчезли с прилавков. Помню, как на углу улиц Верхний Вал и Межигорской открылся так называемый «Бабский» гастроном. Свое название он получил от того, что в нем работали преимущественно женщины».

Ю. Бубнов: «Я и моя сестра Наташа, которая была на три года младше меня, учились в одной школе – № 91. В школу можно было попасть двумя путями – по улице Воровского или по Чкалова. На Воровского, чуть выше Чеховского переулка, находился бакалейный магазин, еще один – на углу улиц Тургеневская и Чкалова. Их мы любили посещать после уроков. Внутри прямо на полу стояли бочки с солеными огурцами и килькой, а на прилавке – эмалированные ванночки с красной и черной икрой. В каждой ванночке с икрой лежала деревянная лопаточка с приколотым ценником. Сколько стоила икра – не помню, но каких-то копеек, врученных нам мамой, хватало. Продавица отрывала кусок газеты от стопки, лежащей перед ней, делала из нее кулек и лопаткой накладывала внутрь черную или красную икру. Затем небрежно бросала товар на весы и называла цену – примерную, «на глаз». Поскольку, я был с сестрой, как правило, мы брали два кулька – один с красной икрой, а другой с черной. Иногда, когда икра надоедала, мы покупали кильку. С собой у нас был кусок хлеба и, таким образом, мы довольно сытно «перекусывали» перед обедом.

Если у нас оставались деньги, мы покупали газировку с сиропом – киоск находился недалеко от пересечения улиц Воровского и Гоголевской. Внутри киоска стояли большие черные баллоны, а у прилавка – две стеклянные цилиндрические емкости с делениями, заполненные сиропом, с краниками и маленькими ведерками внизу. Прекрасно помню, что предлагали нам вишневый сироп и крюшон. При открытии краника часть сиропа попадало в ведерко, из которого его разливали по стаканам. Затем, под большим давлением стаканы заполнялись газированной водой. В итоге, сверху образовывалось много пены, а под ней – полстакана жидкости. Но мы были довольны – газ приятно щипал в носу. Да и продавица была очень приветливая – интересовалась, какие оценки мы сегодня получили, не шалили ли во время уроков и т.д. Так участливо

она разговаривала со всеми покупателями, словно компенсируя недолитые сироп и воду.

Дома нас ждал вкусный обед. Наташе и мне бабушка вручала по куску хлеба, намазанные горчицей и посыпанные крупной солью. Затем подавалось «основное блюдо». Бабушка отваривала картошку в мундире, давала ей остыть, а затем чистила и резала на кружочки. Добавляла нарезанный кольцами лук, немного поливала базарным подсолнечным маслом и также посыпала крупной солью. До сих пор это одно из самых любимых моих блюд! А еще я обожал картошку, испеченную в кочегарке нашей пекарни. Кочегар дядя Вася готовил нам ее в печи – за это мы бегали за пивом, которое он за сутки своего дежурства выпивал целый бидончик».

О городских столовых 1950-х годов вспоминает Н. Черныш: «Нынешние столовые не идут ни в какое сравнение с теми. В-первых, там обязательно был гардероб с гардеробищиком. В-вторых, в каждой столовой был отдельный буфет, где вы могли заказать кружку пива, сто грамм водки и холодную закуску на выбор. В-третьих, никакого самообслуживания не было, а были официантки в красивых передничках. В-четвертых, на столах постоянно стояли вазочки с горкой хлеба, а также соль, перец и горчица – и все это бесплатно. За тем, чтобы хлеб и приправы были постоянно на столе, строго следили официантки. Наличие хлеба на столе было вопросом политическим! Надо было показать, что в СССР его вдоволь! Ведь у всех посетителей были живы в памяти голодные 1947-1947 годы». Вспоминает А. Ляшенко: «Рабочие питались в то время довольно хорошо. Конечно, встречались и экономные чудачки, обычно пережившие сильный голод. Так один наш напарник съедал в обед краюшку хлеба, затем вынимал из-за пазухи кусочек сала и с сожалением смотрел на него:

– Сало ты мое, сало... Я же на тебя еще не заработал, – и прятал пожелтевший кусочек обратно в карман. Другой оригинал, готовя суп, привязывал сало к нитке и опускал его на минутку в кипящую воду. Обедал я в столовой, которая размещалась при подольской ТЭЦ. Обычно на первое я заказывал себе борщ, на второе был выбор – шницель, отбивные, котлеты. К ним шел гарнир – отварной картофель, вермишель, гречневая каша. На третье я брал себе компот, а в придачу – бутылочку пива и пачку

сигарет. И все это стоило меньше десяти рублей, при средней зарплате в пятьсот. Причем это была минимальная зарплата рабочего. Более престижные профессии приносили до тысячи рублей в месяц. После денежной реформы 1961 года покупательская способность и качество питания заметно ухудшились. Столовые общепита «славились» своими гнущимися алюминиевыми ложками и вилками, а также жирными пластиковыми подносами, прилипающими к рукам».

На Подоле действовало множество мелких «тошниловок». Вспоминает писатель В. Баканов: *«В уютных подольских двориках «работали» альтернативные «гастрономы», где наливали самогон. За сущие копейки здесь можно было не только выпить, но и закусить. Тут всегда имелись огурчики, сало и вкусная таранка. Продавался здесь и денатурат, который, в нарушение инструкции на упаковке, использовался также для внутреннего приема». Неподалеку от причала, между улицами Верхний и Нижний Вал, продавали свежую рыбу. Очень дешево стоили «некондиционные» цыплята, потерявшие во время обработки лапку или крыло – их скупали целыми лотками. Ю. Платонов: «В конце 1950-х годов я, будучи студентом, частенько посещал спортзалы общества «Динамо», где занимался гимнастикой. Время было молодое и веселое – горести и разрушения войны ушли в прошлое. Восстановленный Крещатик поражал своей красотой и простором. Летом Киев утопал в зелени, сквозь которую сверкали золотом купола храмов. Даже воздух был другой – не загазованный автомобилями. После тренировок со стадиона «Динамо» я шел на площадь Сталина (сейчас Европейская), где покупал себе за 23 копейки 5 пирожков с ливером и стакан газированной воды. Вкусно пообедав, я спускался вниз к Днепру и через пешеходный мост отправлялся на Труханов остров. До строительства моста лодочники брали с желающих переправиться на остров по трешке. Катера-«лапти» ходили реже, но билеты на них стоили значительно дешевле. В то время пляж у моста был значительно шире и удобнее, пока по нему не прошлись земснаряды. Недалеко от пляжа находилась танцплощадка и «Шашлычная», где продавали сырой шашлык на шампурах, дрова и молодое вино. На острове я купался и загорал до самого вечера – это было поистине счастливое время».*

7. ШУЛЯВКА

Шулявка... В Киевской Руси эту местность прозвали «шелвовы Борки», что в переводе с древнеславянского звучало как «роща с низкорослыми деревьями кустарникового типа». По другой версии название происходит от слова «шуляк» – хищной птицы, обитавшей когда-то в верховьях Лыбиди. Судя по всему, рядом существовало крупное озеро. В летописи за 1146 год читаем: «...*прииде Изяслав к валову, идеже есть Нодово озеро у Шелвова борка*». Со временем местность стала фигурировать как Шульжинское подворье Софийского монастыря, основанное митрополитом Варлаамом Ванатовичем в 1712 году, еще позже превратилась в селение казенных крестьян. В конце XVIII столетия все население «*слободы Шулявицины Киевского уезда*» составляло «*84 души казенных людей*», а в 1874 году жителей уже было двух тысяч. На Шулявке работали три свечных и один канатный заводы, лесопильня, столярная и гребеночная мастерские. На Лыбиди стояло с десяток водяных мельниц, пока русло не обмелело.

Район нынешней Шулявки называли также Казенными дачами – в конце XIX столетия тут распланировали участки под дачную застройку. Но затем вдоль Лыбиди возвели железную дорогу, а в 1899 году по Брест-Литовскому шоссе (ныне проспекту Победы) проложили трамвайную линию от Бессарабки до Политехнического института. С той поры эту местность активно заселяли, в основном менее зажиточные обитатели – ремесленники, фабричные рабочие и студенты. Следует отметить, что до 1914 года, пока часть Шулявки официально не вошла в состав Киева, в районе отсутствовало нормальное водоснабжение и канализация. Гнилая вода в колодцах, запущенность улиц и скопление населения приводили к частым эпидемиям.

На 2-й Дачной линии (сейчас ул. Смоленская) обитало множество чешских семей – потомков инженеров и рабочих, основавших в городе десятки промышленных и торговых предприятий. Благодаря им в Киеве зародился футбол: в начале 1900-х годов на Скаковом поле, бывшем Сырецком плацу, появились первые любительские команды, состоящие из рабочих-чехов. Очень быстро

игрой заинтересовались студенты Политехнического института и к 1910 году в Киеве появился с десяток футбольных команд.

Здесь же, на Скаковом поле, киевляне впервые увидели полет аэроплана. В 1910 году с Шулявки поднялся аппарат тяжелее воздуха, управляемый знаменитым пилотом С. Уточкинским. А за столетие до этого, в далеком 1807 году Шулявка стала местом первого в Киеве полета на воздушном шаре.

В начале XX столетия Шулявка прославилась тем, что объявила себя свободной рабочей республикой. Район был известен также обилием фруктовых садов – приторно сладкими грушами и красными яблоками; черной шелковицей, которой детвора объедалась каждый год; райскими яблочками и чудесным вареньем из этих плодов. Причем, шулявские сады существовали задолго до появления Политехнического института и Зоопарка. А. Парунов вспоминает о довоенном дворике своего дедушки, проживавшем на 4-й Дачной линии в доме №14: *«При доме был очень большой, ухоженный, просто замечательный сад с множеством фруктовых деревьев, кустами прекрасных роз, смородины, крыжовника, малины. Перед садом находился небольшой двор с большим сараем. Ставился самовар, стол ломился от фруктов, вкуснейших пирогов»*. Но лучше всего о Шулявке написал В. Терно: *«Район был застроен частными домами, в основном одноэтажными, в отдельных случаях претендующих на название особняков, с довольно обширными приусадебными участками. Утопая в зелени садов, огороженные с улицы итакетницами, с увитыми виноградом и плющом стенами, даже неказистые домишки в летнее время выглядели нарядно и кокетливо. Палисадники с буйно разросшимися кустами сирени, жасмина и бузины вперемешку с розами и мальвами еще более усиливали их привлекательность, создавая атмосферу уюта, покоя и умиротворенности. А по вечерам воздух наполнялся нежно-медовым опьяняющим запахом маттиолы, от которого кружилась голова и туманились мысли»*.

До середины 1930-х годов на Шулявке существовала красивая церковь имени св. Марии Магдалины. Храм в «русско-византийском» стиле был сооружен на пожертвования в 1887 году. Теперь на его месте находится лицей по ул. Политехнической, 2а. В районе Западной улицы, недалеко от Национального авиацион-

ного университета, расположено старинное Шулявское кладбище. Этот погост, доходивший когда-то до улицы Выборгской, был открыт в далеком 1885 году, а закрыт в 1962. До этого, в 1932 году, часть кладбища была снесена, а посреди могил возведен растворо-бетонный узел – РБУ. На этом участке когда-то стояла высокая труба. Старожилы утверждали, что она выходила из тайного крематория НКВД, районный отдел которого находился неподалеку. Во второй половине 1930-х годов территория кладбища была окружена высоким зеленым забором и охранялась. Туда заводили приговоренных к смерти и под грохот работающей камнедробилки расстреливали. Затем трупы сжигались...

Неподалеку от кладбища, где сейчас находится районный ЗАГС, существовал скит одного из женских монастырей. Рассказывает о. Павел (Стародуб): *«На территории кладбища находятся глубокие подземные ходы. Один из наших прихожан из любопытства решил обследовать «катакомбы» и... блуждал там два часа – еле нашелся! Мы временно замуровали ход – здесь ведь и дети бывают, не ровен час забредут в подземелье и потеряются»*. Сейчас Шулявское кладбище, зажатое многоэтажками, ухожено и привлекает любителей старины несколькими памятниками дореволюционной эпохи.

Перед Второй Мировой войной Шулявка представляла собой крупнейший индустриально-промышленный центр столицы, застроенный домами рабочих, расположенных здесь заводов и фабрик. Некоторые заводы имели важное оборонное значение – в них располагались секретные цеха, где производилось современное вооружение. 22 июня 1941 года Шулявка – аэродромы и завод «Большевик», первыми в Киеве приняли на себя удары немецкой авиации. Во время обороны Киева завод выпускал снаряды, броневики, ремонтировал танки и автомобили. Во время оккупации подпольно-диверсионная группа, состоящая из работников завода «Большевик», осуществила несколько крупных диверсий. Были взорваны строения на станции Киев-Товарный, в депо им. Андреева и цеха Киевского паровозоремонтного завода.

После освобождения Киева промышленность постепенно набирала обороты, на заводы и фабрики возвращались рабочие. Из Свердловска вернулось эвакуированное оборудование завода «Бо-

льшевик». Уже весной 1944 года на «Большевике» начал действовать литейный цех. Вскоре «Большевик» стал самым крупным послевоенным заводом Киева. Из города Кизел Молотовской области, где обитала во время эвакуации семья Платоновых, вернулось оборудование Киевского станкостроительного завода.

Городская администрация бросила все силы на восстановление полуразрушенных и возведение новых зданий. Только на Шулявке во время войны было приведено в негодность 32% жилых домов. Был произведен ремонт зданий и вольеров Киевского зоологического парка. Во время оккупации все животные погибли или были вывезены в Германию. Немцы также конфисковали все кормовые запасы. В начале 1944 года в Зоопарк завезли животных и вскоре он открылся для посетителей.

В районе заработали предприятия, школы и магазины. По проспекту ходил трамвай (троллейбусных линий и станции метро еще не было). К весне 1946 года население Шулявки достигло 63 тыс. человек. Возобновились занятия в Киевском Политехническом институте. В то время многие приезжие студенты обосновались на Шулявке, где снимали жилплощадь. Например, улица Политехническая представляла собой ряд одноэтажных усадеб, сараи в которых были приведены в жилой вид и сдавались студентам.

Факультет теории машин и механизмов (сокращенно ТММ), был одним из самых сложных и расшифровывался студентами КПИ как «Тут Моя Могила». После войны и до середины 1950-х годов на этом факультете преподавал легендарный профессор Александр Коренько. Автор известного учебника «Курсовое проектирование по теории механизмов и машин» ходил в старой военной форме без погон, а на лекции приезжал на собственной кобыле. Кобылу по кличке Машка профессор на время лекций оставлял пастись у центрального входа в главный корпус. Машка была местной легендой и постоянной героиней разнообразных студенческих шуток. Впрочем, шуток добродушных – профессора Коренько любили и уважали, кобылу подкармливали мелкими лакомствами, вроде хлебных корочек. Привязывая свою Машку, Александр Степанович обычно что-то тихонько шептал ей. Студентам было интересно, что именно. Но, как только профессор

замечал, что его пытаются подслушать, громко произносил: *«Ну, ты, Машка, здесь постой, а я пойду дуракам о колесах почитаю».*

Первые послевоенные годы были довольно тяжелыми – кругом всеобщая разруха и неурожай. Сельское хозяйство запущено – сказывалась нехватка мужских рук. Не смотря на то, что страна одержала победу, люди нередко слабели и умирали от недоедания, особенно в голодном 1947 году. Вспоминает Ю. Платонов: *«Выживать помогали огороды, которые выделяли своим работникам крупные предприятия. Чуть севернее того места, где сейчас находится Институт Электродинамики существовал аэродром. После войны часть этого аэродрома и пустырь, где сейчас расположена станция метро «Шулявка», отдали заводу «Большевик». Полученную землю разбили на небольшие наделы и вспахали. На таких арендованных огородах работники завода имели право выращивать для собственных нужд овощи».* Вспоминает Георгий Малаков: *«Прошли разрушенный завод «Большевик», начались огороды, откуда налетал ветер».* Под огороды использовали бесхозные пустыри и участки, где во время войны выгорели деревянные постройки. Позднее при заводе «Большевик» было организовано подсобное хозяйство и животноводческая ферма.

Про шулявский аэродром читаем в мемуарах В. Терно: *«Испытания проводились с приданного заводу («Ремвоздух-6», ул. Гарматная, 2) аэродрома, простиравшегося от современной станции метро «Шулявская» до станции «Берестейская».* Эти испытания проходили в 1920-е годы на пустыре, где сейчас расположена киностудия им. Довженко. Место было довольно заброшенное. На месте будущей ул. Довженко пролегла бульжная мостовая, по краям которой находились сливные ямы с мазутом (вероятно, это были отходы с авиационного и машиностроительного заводов). Со временем возле бывшего аэродрома и ведомственных огородов проложили улицы Желябова и Потье.

На немецком военно-географическом плане Киева за апрель 1941 года местность, расположенная в районе пересечения Брест-Литовского шоссе и улицы Гарматной, обозначена как «Аэродром авиационного завода». Но это летное поле не использовалось еще с 1930-х годов из-за небольших размеров и неудобства размещения и обслуживания там самолетов. Немцы бомбили дей-

ствующий Святошинский аэродром, расположенный также недалеко от завода «Большевик» – между железнодорожной станцией «Борщаговка» и Рубежеской колонией для несовершеннолетних. Аэродром был заложен в 1912 году с шестью ангарами, рассчитанными на два самолета каждый. Судя по официальным данным и фотографиям, ангары были разрушены немецкими бомбардировщиками в июне 1941 года.

В 1947 году возобновил работу Киевский авиационный институт. До начала 1960-х годов он занимал бывшее общежитие КПИ на улице Полевой. Неподалеку для рабочих завода «Большевик» возвели жилой поселок, а на хуторе Нивки построили индивидуальные дома для инвалидов войны и офицеров-отставников. Еще в 1944 году вышло постановление, по которому генералам и высшему офицерскому составу, вплоть до майоров, полагались льготы и кредиты на получение земельных участков под индивидуальную застройку и приобретение стройматериалов.

Для приезжих рабочих по всему городу возводятся временные бараки. Плохо утепленные, лишённые таких удобств, как водопровод, отопление и газ, они еще долго продолжали служить пристанищем для бедных семей. Водопровод и канализация имелись только в центре Шулявки – от Брест-Литовского шоссе до железнодорожной ветки на станции Лукьяновка. На месте Центрального гастронома находилось несколько десятков домиков, в которых жили рабочие завода «Большевик». В одном из них проживал режиссер Виктор Иванов, автор знаменитого фильма «За двумя зайцами». Когда поселок снесли, рядышком заложили скверик, в котором по вечерам любили отдыхать рабочие. Главной его достопримечательностью был «поющий фонтан». Здесь по вечерам для молодежи устраивали дискотеки.

Прошли годы... Шулявку уже не узнать – исчезли фруктовые сады и целые кварталы частной застройки. Появились многоэтажные жилые дома, новые заводские корпуса и многочисленные коммерческие магазины. По когда-то спокойному и тихому Брест-Литовскому шоссе, теперь проспекту Победы, беспрерывно движется шумный поток автомобилей.

8. СОЛДАТЫ ВЕРМАХТА – ПЛЕННЫЕ И МЕРТВЫЕ

Вскоре после освобождения Киева справедливая кара настала многих фашистских прислужников. Существует фотография, датированная ноябрем 1943 года. На ней изображены трое повешенных на бульваре Шевченко, у самой Бессарабки – двое немцев, прикрывавших отступление своих сил и поджигавших дома, а также полицай-предатель. Еще трое были казнены 17 декабря 1943 года на Подоле, а один – в Сырецком концлагере. Егор Устинов, Никифор Юшков и Венедикт Баранов участвовали в убийстве семи евреек, прятавшихся от немцев в доме №33 по улице Верхний Вал. Несчастных женщин, избежавших расстрела в Бабьем Яру, заживо закопали прямо во дворе дома. В городе было много траншей, в которых во время бомбежек прятались люди. Некоторых немощных евреев, лишенных возможности передвигаться, тут же стреляли и закапывали в этих примитивных убежищах. Ивана Морозова – бывшего бригадира и палача Сырецкого концлагеря, повесили на той самой виселице, где он сам вешал советских заключенных. Затем на эшафот подымались полицайи, прислужники оккупантов и сами немецкие каратели, уничтожавшие мирное население и военнопленных (по материалам док. фильма «Последний эшафот», Россия, 2009).

Вспоминает Г. Ляшенко: *«В августе 1944 года в Киев под конвоем доставили десятки тысяч немецких военнопленных. Я с подругой находилась у завода «Артема». Еще издали мы увидели длинную колонну людей, одетых в серую форму. Колонну по краям защищала цепь из солдат и милиционеров. Пленных направили в сторону Большой Житомирской, а оттуда через Владимирскую колонна пересекла Софиевку и вышла к площади Калинина. Я простояла в толпе целый час, но поток военнопленных не иссякал. [В тот день по улицам Киева провели 40 тыс. немцев – см. фото на последней странице обложки. За ними ехала подвода, груженная бочками с дезинфицирующим веществом. Женщины в белых халатах разбрызгивали по брусчатке и асфальту раствор карболки. Это делалось, в основном, для демонстрации презрения и превосходства над побежденными, чем из санитарных соображений. – Прим. автора]*

Зимой 1944 года многие из них были лишены теплой одежды и сапог. И грустно и смешно было смотреть на немцев, закутанных в какие-то тряпки. Они не походили на солдат вражеской армии, а скорее напоминали продрогших старушек. Валентина Малышко вспоминает, что пленные были все небритые и худые. Несмотря на полуголодное существование, немцы стремились раздобыть не еду, а чистые листы бумаги. Им очень хотелось отправить весточку о себе родным в Германию. Я помню, как пленные вместе с киевлянами разбирали развалины, восстанавливали Центральный универмаг, ремонтировали дороги, прокладывали водопровод и телефонные линии. Говорили, что немцам обещали досрочное освобождение, если они хорошо и быстро покладут брусчатку на центральных улицах. И действительно, немцы очень аккуратно и точно – камешек к камешку, восстанавливали проезжую часть в центре Киева».

Военнопленные прокладывали новые трамвайные линии (например, от ул. Обсерваторной до ликеро-водочного завода на Кудрявской) и заменяли старые. Снимали проржавевшие рельсы, ставили новые и термической сваркой – с помощью специального порошка, мгновенно приваривали швы. Затем пропускали трамвай и приступали к новой секции – работали так быстро, что движение не прекращалось. Вспоминает Ф. Худяков: «В 1945 году летом на Большой Житомирской улице была снята трамвайная линия, и улицу, заново спланированную, заасфальтировали, причем, все работы проводились пленными немцами». Вспоминает Н. Прокофьев: «Их водили на работу по улице Артема огромным строем – от одного края тротуара до другого. А конвоировали немцев наши солдаты, с автоматами и собаками».

В секретном постановлении Совнаркома УССР от 29 августа 1944 года говорилось, что для восстановительных работ в Киеве необходимо привлечь 7 тыс. военнопленных и 4,5 тыс. из них направить на разбор руин Крещатика. Для их содержания в сентябре 1944-го был оборудован лагерь в бане по Большой Житомирской на 2,5 тыс. человек. Еще два лагеря обустроивались на территории Михайловского монастыря и в здании городского ломбарда. Для выполнения работ пленных объединяли в бригады по 25-30 человек, каждую из которых сопровождал один охранник из войск

НКВД. Трудились они и днем, и ночью. Сначала немцы работали вместе с киевлянами. Но уже к 5 ноября 1944 года секретным постановлением «Об использовании военнопленных на работах по реконструкции улицы Крещатик» проведение совместных работ было запрещено.

Из-за плохих условий содержания, голода и болезней труд военнопленных был малоэффективным. Для повышения их трудоспособности у советского руководства были давно проверенные методы, отработанные на своих гражданах. Тех, кто не выполнял норму, наказывали: уменьшали паек, накладывали арест, ухудшали условия содержания в лагере (по материалам статьи В. Червоножки «Восстановление Крещатика»).

После Крещатика военнопленных перебросили на возведение жилых домов в новых районах. Так, кирпичные дома на три/четыре этажа по улице Просвещения (бывшая 6-я новая, Солюменский район) целиком возводили немцы. Они трудились даже на заводах, причем – целыми бригадами. Немцы также занимались восстановлением поврежденных зданий КПИ. Вспоминает И. Кобылянский: *«Все левое крыло главного институтского корпуса и занимавшая его Большая физическая аудитория были неузнаваемы: на светлых стенах огромные пятна гари; исчезла остроконечная башенка, венчавшая крыло здания; несколько оконных проемов заложены кирпичом, остальные – заколочены фанерой. Войдя в корпус, я увидел десятки военнопленных немцев, трудившихся в коридорах. Одни штукатурили стены, другие сооружали временные перегородки из кирпича, третьи ремонтировали поврежденные участки пола»*. Во время оккупации в корпусах Политехнического института размещался немецкий военный госпиталь. В Терно писал, что в конце зимы 1944 года в оставшемся от разрушенного энергокрыла главного корпуса КПИ остове был создан небольшой (на 200 человек) лагерь для немецких военнопленных. Еще один лагерь для военнопленных находился на территории Центрального Ботанического сада. Здесь, в марте 1944 года, не без участия немцев, возобновились работы по планировке и возведению Сада, получившего вскоре статус самостоятельного учреждения Академии наук.

Вспоминает А. Парунов: *«Недалеко от нашего дома, на углу Паньковской улицы при помощи этой дармовой рабочей силы начали возводить монументальное жилое здание для работников Академии наук... Каждое утро на эту стройку под охраной одного молоденького солдата с автоматом приводили человек сорок немцев, а вечером солдат строил их в колонну и уводил. В обеденный перерыв, перекусив, немцы приступали к сбору древесных отходов. Все эти отобранные палки с немецкой аккуратностью увязывались ими в вязанки и с разрешения солдата разносились по близлежащим домам. Газа еще не было, и моя бабушка с удовольствием откликнулась на эту услугу, одаривая немца тарелкой супа, несколькими картофелинами или мелочью на покупку папирос».*

Н. Черныш пишет о военнопленных, строивших в 1948 году магистраль и виадук в районе современного бульвара Дружбы Народов: *«Каждый день, возвращаясь и школы, мы с любопытством наблюдали за их сосредоточенной и неторопливой работой. Охранял их солдатик, который большей частью подремывал, сидя на пригорке и зажав между коленями винтовку. Немцы встречали мальчишек неизменной улыбкой и предлагали на продажу вырезанные из дерева самолетики. В зависимости от класса самолета – одно, или двухмоторного, назначалась цена, которая не превышала трех рублей. Мы экономили деньги, выданные нам на школьный завтрак, и покупали эти нехитрые игрушки».*

Вспоминает В. Бубнов: *«В Киеве появились немецкие военнопленные. В основном, их использовали на восстановительных работах. Кормить такую ораву государству было накладно, поэтому военнопленные, как правило, голодали. Мы, пацаны, это видели и всячески старались им помочь то картошкой, то хлебом, то куревом. Охранники нас гоняли за эти подачки, но иногда делали вид, что не замечали происходящего».*

Военнопленные прокладывали трамвайную линию и восстанавливали дома на ул. Воровского. Ю. Бубнов: *«Пленные немцы восстанавливали здание по ул. Воровского, 24, где в последствии обосновался «Гипрогражданпромстрой». Мы, с дворовыми мальчишками приносили немцам хлеб в обмен на самодельные игрушки из дерева. Многие из них неплохо говорили по-русски. Военнопленные также восстанавливали здание на ул. Тургеневской, 19. Еще*

долго в арке этого дома сохранялись надписи – весточки, оставленные немцами – имена и фамилии, звания и даты».

Вспоминает Ю. Платонов: «Я любил посещать зоопарк и расположенный рядом парк Пушкина. Неподалеку от парка трудилось несколько десятков военнопленных: они восстанавливали дома, расположенные напротив киностудии имени Довженко. Обычно, когда я с друзьями шел в школу, расположенную на Полевом переулке, несколько немцев сидело на заборе. Забор окружал территорию стройки и служил границей для военнопленных – перелезть через него строго запрещалось. Нарушителей могли обвинить в попытке побега и добавить срок. Завидев нас немцы довольно улыбались и подзывали к себе:

– *Kom zu mir, kinder!* (Подойдите к нам, дети!). Малсик! Малсик! (Мальчик! Мальчик!).

Время было полуголодное – киевляне отоваривались по карточкам, а военнопленные получали и без того скудные пайки. Поэтому немцы старались выменять у местного населения что-то съестное. Нас, мальчишек, они завлекали самодельными игрушками из дерева. Среди подобных вещичек чаще всего встречались молотобойцы – если подвигать реечки – человечки начинали по очереди бить молотами. Мне больше всего нравились акробаты – стоило потянуть за веревочку, как они начинали поднимать руки и выполнять сложные фигуры. Встречались забавные клоуны и обезьяны, кувьркающиеся через перекладину, лошадки с прикрепленными на копытах колесиками, маленькие качели для кукол и горки-желобки по которым спускались зайчики или белочки. Особенно нас радовали маленькие домики, лодочки с парусами и даже миниатюрные весы с деревянными блюдами.

Обмен происходил таким образом: сидящий на заборе немец спускал вниз веревочку с прикрепленным на конце мешочком, туда мы клали наши школьные завтраки, хлеб, картошку, лук, яблоки. Затем фриц подтягивал мешочек к себе и проверял, насколько съедобна наша «посылка». Если все было нормально, он бросал нам игрушки, которые мы заранее выбрали. Особенно доверенным мальчишкам немцы вручали деньги, чтобы они покупали им сигареты или молочные изделия – молоко, сметану, творог. Бывало, что некоторые из пацанов, получив деньги уже не возвращались к

стройке. Но я никогда не обманывал военнопленных – странно, но мне их было жалко.

Иногда мы выменивали у немцев зажигалки, солдатские пряжки, значки и прочую военную атрибутику. Я, как любой школьник, мечтал иметь собственные наручные часы. Но у военнопленных их не было – они давно лишились ценных вещей. Помню, что немцы виртуозно владели русским матом и при случае демонстрировали свое мастерство. В общем, многие киевляне как могли подкармливали немцев.

Зимой, если не ошибаюсь 1947/1948 года, я стал свидетелем трагического происшествия. Утром, у перекрестка напротив Пушкинского парка, грузовик на полном ходу врезался в колонну военнопленных. Их, как обычно, вели под конвоем на работу. Как выяснилось позднее, водитель грузовика сделал это преднамеренно. Во время войны он доставлял различные грузы нашим частям, но в боях участия не принимал. Вся его семья погибла и таким жестоким поступком он мстил немцам.

Я видел покаленные тела, отброшенные страшным ударом на тротуар. Скорченные и странным образом перекрученные они напоминали сломанные куклы. У некоторых коленные и плечевые суставы были странно вывернуты, а головы разбиты в кровь. Я не знал – жалеть мне немцев или радоваться – в немом ужасе я просто оцепенел. Покаленные пленные кричали от боли, а их товарищи вместе с конвоем помогали им подняться. Наблюдать за этим кошмаром стало просто невыносимо. Я собрался с силами и ускорил шаг, чтобы не опоздать в школу».

Известно, что в Киеве во время оккупации венгерские солдаты и офицеры были заняты охраной мостов, железных дорог, служили механиками и водителями. В марте 2012 года я получил письмо от родственников ефрейтора Менгерта Якоба, умершего в киевском плену в августе 1945 года. Судя по документам, Менгерт умер от туберкулеза легких в госпитале для военнопленных на улице Мало-Житомирской. Из воспоминаний В. Заманского: «После войны наша Михайловская улица находилась в своеобразном немецком окружении. На Мало-Житомирской, там теперь бани, с одной стороны, и на Владимирской горке с другой, располагались два лагеря для военнопленных». Внук Якоба тщетно пытается най-

ти место захоронения своего деда. Судя по документам, Менгерт был похоронен на кладбище при военном госпитале №4561, в квадрате №21, могила №4. Но это кладбище, как и многие захоронения бойцов Вермахта в Киеве, давно уничтожено.

Сколько еще на киевской земле осталось неизвестных могил? Как бойцов советской армии, так и их противников. Вспоминает Ю. Платонов: *«Однажды весной я с друзьями отправился пострелять из рогаток воробьев. Стайками они любили собираться в пойме реки Лыбидь – это район между Борщаговской и Уманской улицами. Птиц мы обципывали, потрошили и жарили на костре; от огня они становились черными и хрустели на зубах. Воробьев, конечно, было жалко, но не следует забывать, что время тогда было полуголодное. Еще мы пекли на углях картошку, довольно часто добытую нечестным путем – на чужих огородах.*

Мы пересекли железную дорогу и оказались среди пустошей и оврагов. После войны эта местность еще не была застроена – в густых кустах и высокой траве водились зайцы. Прекрасный родник, протекавший у железнодорожной насыпи, запомнился мне чистотой и прохладой. Его вода не раз утоляла нашу жажду и по вкусу была не хуже, чем у известного родника, расположенного у Рубежовской колонии. Там по сей день целый поток течет прямо под железнодорожной платформой.

В тот день прошел сильный дождь и мы наткнулись на размытую братскую могилу. Судя по всему, захоронение было не глубокое – трупы лишь немного присыпали землей. На костях сохранились обрывки немецкой формы и самое интересное – целые идентификационные жетоны. [Подобные жетоны изображены на последней странице обложки. – Прим. автора] Мы собрали их с полдесятка, для этого пришлось немного разворошить захоронение. Еще мы нашли детские игрушки – фигурки собачки и лошадки. Уже потом я узнал, что их дарили дети своим отцам, отбывающим на фронт. Мы немного раскопали лишь верхний слой могилы и заметили, что глубже лежит еще с десяток трупов. Дальше копать мы не решились, так как от черепов шел очень неприятный запах. Помню, что игрушки мы не взяли, а жетоны у нас отняли родители».

Со временем овраги засыпали, бульдозерами выровняли грунт, а сверху проложили железнодорожные пути. Еще лет тридцать назад здесь существовала рощица, в которой любили собираться книголюбы. На толкучке среди деревьев можно было найти редкие издания. Сейчас в этом районе расположены отстойник для вагонов и гаражный кооператив; шансов, что захоронение сохранилось – очень мало. Мои друзья – археологи утверждают, что в этой местности уже побывали поисковики с металлоискателями. Итог их поисков – тонны мусора и ржавого железа. С древних времен овраги служили городскими свалками и найти в них что-то конкретное не представлялось возможным.

В ночь с 4 на 5 ноября 1943 года по Брест-Литовскому шоссе (проспекту Победы) к центру города прорвался взвод разведки во главе с Никифором Шолуденко. Еще находясь в Святошино танкисты включили фары с сиренами и двинулись на противника. В столице немецкое командование оставило небольшой арьергард – батальон автоматчиков, подразделение саперов и две самоходные установки. После прорыва советских танков немцы спешно покидали Киев, бросая своих погибших товарищей. В том бою было уничтожено пять немецких танков и самоходных установок, а также шесть автомобилей с пехотой противника. На пересечении улиц Борщаговской и Индустриальной одна из самоходок, занявшая позицию в районе Караваевых дач, поразила танк Шолуденко. Позднее Керосинную переименовали в честь погибшего героя.

Скорее всего, обнаруженные мальчишками погибшие были бойцами Вермахта, прикрывавшими отступление своих основных сил. После освобождения Киева специальные похоронные команды собрали тела гитлеровцев, погибших в районе Воздухофлотского моста и закопали в ближайшем овраге – в пойме реки Лыбидь. Именно там – вдоль Воздухофлотского шоссе проходила демаркационная граница, за которую немцы осенью 1943 года не пропускали гражданских без специального разрешения. Севернее вдоль этой границы, в районе кинотеатра «Коммунар» (сейчас «Киевская Русь»), стоял подбитый танк или САУ. Неподалеку, на Дегтяревской, по воспоминаниям Г. Малакова, стояли два неисправных «Черчилля». После освобождения Киева мальчишки еще долго использовали корпуса боевых машин для своих игр.

9. ИНВАЛИДЫ И ЮРОДИВЫЕ

После войны на базарах, у церквей и особенно на вокзалах появилось огромное количество инвалидов – безногих и безруких. Вместе с малолетними беспризорниками и бездомными они влились в огромную армию нищих послевоенного Киева. Все большие города были просто забиты искалеченными фронтовиками. Вспоминает старожил В. Галкин: *«Слепые, одноногие, однорукие, безрукие, с исковерканными до ужаса лицами, в синих очках, они шли по электричкам и пели. Бывало, под них «бомбили» и здоровые тыловики. Инвалиды были злющие, пьяные, нервные, работали в разных артелях. Безногих почему-то называли танкистами, ездили они на колесных платформочках, сидя на зашитых в кожу обрубах ног, с деревянными, облитыми резиной болванками в мощных руках, которыми с силой отталкивались от мостовой».* Действительно, среди безногих фронтовиков встречалось много танкистов. Обычно это были механики-водители, которым от подрыва на противотанковой mine отрывало ноги. Несмотря на мизерную пенсию, они постоянно находились подшофе. Скопив с подаяний достаточную сумму денег, «танкисты» отправлялись в ближайшую распивочную. Кто на тачках, а кто и на культах – на обшитых кожей коленях. Там безногих поднимали и усаживали на табуреты. По воспоминаниям Н. Черныша, известный на весь Печерск одноногий инвалид выпрашивал милостыню в трамваях. Войдя с передней площадки, он проходил по вагону, держа в руке кепку или шапку. По вечерам его видели в пивной, где он покупал кружку пива, в которую тут-же доливал сто грамм «Московской».

Несмотря на то, что алкоголь стоил довольно дорого (поллитровая бутылка «Московской» водки стоила 60 руб.), люди умудрялись довольно часто напиваться. Пили относительно дешевый самогон, пиво и домашнее вино. В. Малышко отмечала, что многие фронтовики были сломлены войной и никак не могли остановиться, отпраздновав Победу. Так, один прекрасный журналист и писатель, интеллигентный человек, всегда выбирал одно место для отдыха – подъезд оперного театра. Там его постоянно находили, подымали и отводили домой.

В Киеве бесперебойно работали все вытрезвители. И это при том, что ассортимент напитков был довольно скудным: водка «Московская особая», «Портвейн», «Кагор» и «Вермут». Самые отчаянные алкоголики пили ханьку и ходили с черными лицами. Удивительно, как некоторые из них умудрялись доживать до пенсионного возраста (обычно после употребления технического спирта люди слепли или их разбивал паралич). Ю. Платонов: *«На Евбазе, напротив Златоустовской улицы, стояла будка керосинщика. Я наблюдал, как два алкоголика купили там пол-литра синьки* и тут же – привселюдно ее распили».*

В питейных заведениях инвалидов обслуживали без очереди – стакан водки с бутербродом передавали неукоснительно. Вспоминает В. Баканов: *«Много было и безруких инвалидов, часто с культями вместо рук, обросших, грязных... У нас, пацанов, они просили достать из их кармана пачку «Беломор-Канала», прикурить и вставить им к зубы дымящуюся папиросу. Для них работали специальные продовольственные магазины. На Подоле один из таких магазинов находился на углу Ярославской, 15, и Константиновской. Он тоже получил свое прозвище – «инвалидный». В дни «отоваривания» местные жители наблюдали жуткую картину: сотни инвалидов войны скапливались в одном месте, реально олицетворяя собой все то горе, которое принесла война. Люди видели, как женщина в телогрейке и кирзовых сапогах привозила на тачке к магазину человеческий «обрубок», без рук и без ног, и на руках вносила фронтовика-инвалида в магазин!».*

Вспоминает писатель И. Сафонов: *«Инвалиды собирались кучками или сидели поодиночке на тротуарах, бродили по трамваям, выпрашивая милостыню. Протезы, заменявшие утраченную конечность, были примитивны донельзя: вместо ампутированной руки самодельный металлический крюк, вделанный в жестяную чашку – в нее и вставлялся остаток руки, культя оттяпанной ноги закреплялась ремнями в деревянной колодке». Больше всего было одноногих калек. Среди них встречались «липовые» инвалиды с подвязанными ногами на колясках. Многие играли на трофейных аккордеонах и пели фронтовые песни. Все просили милостыню или предлагали сыграть в карты. Доверчивые граждане проигрывали крупные суммы, но в милицию на инвалидов никогда не зая-*

вляли. Контуженные часто устраивали сцены с воплями и истерикой, пугая прохожих. Часто после распития спиртных напитков инвалиды срывались и лезли в драку. И. Сафонов: *«Время от времени взаимное понимание и любовь нарушались, в ход шли оставшиеся кулаки, костыли и протезы, и тут-то берегись, прохожий! После побоищ, шумных и быстротечных, как летняя гроза, обломки инвалидов подпорок и бесчувственные тела их владельцев усеивали окрестную территорию»*. Г. Ляшенко: *«Хорошо помню драку на Евбазе. Один из продавцов что-то грубо ответил инвалиду войны. Последний схватил свой костыль и принялся им молотить обидчика. При виде жестокой потасовки покупатели разбежались «світ за очі» – кто куда и не глядя. Мама взяла меня за руку и быстро увела с базара. До сих пор меня поражает массовая паника людей... Они пережили страшные военные годы, но бежали от слепой ярости безногого инвалида»*.

Многие инвалиды не хотели опускаться до состояния нищих и пытались торговать всякой мелочью. К. Лейбова писала, что на Евбазе иголками для примусов торговал безногий человек на доске с колесиками. Писатель Л. Коньхов помнит инвалида, продававшего у мостика возле стадиона «Спартак» самодельные конфеты в деревянном ящике со стеклянной крышкой.

Затем неожиданно калеки и нищие куда-то исчезли – не стало их на базарах, вокзалах и у церквей. По слухам, все началось после так называемого «бунта калек», когда в Москве и Ленинграде инвалиды надели свои ордена и толпой двинулись к правительственным учреждениям. Демонстрации против нищенских пенсий были быстро ликвидированы и все участники арестованы. Недавно была обнародована информация о том, что за год до семидесятилетнего юбилея Сталина – в 1948 году, множество инвалидов было сослано в специальные лагеря и интернаты. Незадолго до этого все фронтовики были лишены льгот – доплат за ордена и бесплатного проезда в транспорте. Считалось, что своим попрошайничеством калеки и нищие позорят советский образ жизни, особенно перед иностранцами. К тому же инвалиды любили петь, кроме похабных, и антисоветские частушки. Например: *«Союз нерушимый – лежу под машиной и кушаю кашу за нашу Каплашу»* (Фанни Каплан). Так по воспоминаниям К. Лейбовой, безногий матрос в чер-

ном бушлате, всегда распахнутом на груди до тельняшки, любил петь: *«Из Москвы пришла программа – срать не меньше килограмма. Кто насрет целый пуд, тому премию дадут»* (В беседе со мной Д. Малаков поведал, что похожая частушка была известна еще в оккупацию. Она была написана на стене общественного туалета в Ворзеле. Москва, конечно, не упоминалась, а последние строчки звучали примерно так: *«При немецких двести грамм, как насрать на килограмм?»*). Но однажды хриплый голос матроса замолк навсегда. Он замерз холодной зимней ночью под железным забором школы №109 (ул. Панаса Мирного, 24).

Существуют многочисленные свидетельства о том, как калек и нищих, обитавших в районе рынков, вывозили в течение одной ночи. Говорили, что эту бесчеловечную акцию организовал лично Жуков. Специальные наряды милиции и госбезопасности забирали их на железнодорожные станции, сгружали в теплушки типа ЗК и отправляли в лагеря и дома-интернаты. Не трогали только инвалидов, имеющих семьи и официальную работу. (В те годы действовало специальное постановление, разрешающее пострадавшим фронтовикам устанавливать на базаре сапожные и торговые ларьки. Правда места для них выделялись не самые лучшие – у туалетов или в конце базара. Многие инвалиды держали в ларьках и собственный товар: авторучки, зажигалки, иголки для примусов и чулки).

В ту страшную ночь многие фронтовики пытались сопротивляться и бросались на рельсы, но их поднимали и закидывали обратно в вагоны. В лагерь отправляли даже «самоваров» – людей без рук и без ног. У инвалидов отбирали паспорта и солдатские книжки, фактически переводя их в статус заключенных. Затем их осуждали по различным статьям, в основном – за бродяжничество и тунеядство. Несчастных, от которых отказались родные и государство, увозили подальше от людских глаз – на далекие острова, в горные селения и заброшенные монастыри.

Среди сотен инвалидов и нищих Киева выделялись блаженные, добровольно принявшие крест бедности и бродяжничества. Мало кто помнит юродствующего певца и музыканта Бориску. Играл он на каком-то необычном струнном инструменте. Взлет творчества Бориски – пение частушек на суржике, приходится на

первые послевоенные годы. Бориска был маленького роста, худощавый с русыми волосами. Одевался очень скромно и питался с подаяний, жил – где придется. Вот некоторые образчики творчества Бориски: *«У колгоспі добре жить – один робить, сім лежить»*, *«Трактор оре, земля сохне, хто в колгоспі – той подохне»*, *«Як колгоспи дожилися – клуня раком, хата боком, ще кобила з одним оком»*, *«Нема хліба на столі – тільки Ленін на стіні і показує рукою, куди їхать за мукою»*. Последняя частушка была очень актуальной в голодные 1946-47 года.

Судьба Бориски оказалась типичной для тех лет: однажды он просто исчез. В то время в Киеве пользовалась известностью блаженная Ольга. Из воспоминаний митрополита Винницкого и Могилев-Подольского Макария: *«Она выросла в богатой семье, получила прекрасное образование – закончила институт благородных девиц. Ольга могла жить в достатке, но решила взять на себя подвиг юродства и служить своей жизнью Богу и людям. <...> В молодые годы я был босякуватый. Иду однажды к Ольге, а сам в мыслях ругаюсь разными плохими словами. Прихожу к блаженной, а она меня теми же словами... Как же мне тогда стало стыдно. Я никогда такого не ожидал. Потом, что интересно, она мне сказала, что я буду епископом, что поеду за океан и еще кое-что. И я вижу, что все сбылось»*.

В. Терно писал о двух юродивых, обитавших в Киеве во время оккупации 1941-43 годов: *«На Евбазе и Сенном базаре часто появлялись известные на всю Шулявку юродивые Пашка и Манька. Говорили, что настоящее имя первого было Порфирий»*. Пашка, облаченный в лохмотья и с большим медным крестом на груди, всегда ходил босой. Его голые, заскорузлые ступни выдерживали самую лютую стужу, толкли острый лед и осколки стекла. Пашка пережил оккупацию и появлялся на киевских базарах и в послевоенные годы. Манька была толстой и неуклюжей женщиной неопределенных лет. Выпрашивая милостыню, она могла внезапно упасть на землю и забиться в конвульсиях. Придя в сознание через несколько минут, кликуша обычно выкрикивала неясные обрывки фраз, принимаемые обывателями за пророчества. Юродивые совершенно не боялись оккупантов и подчас матерно их ругали. Немцы не трогали Пашку и Маньку, считая их блаженными. Это при

том, что еще в первый год оккупации фашисты уничтожили всех больных Кирилловской психиатрической больницы.

Д. Шимановский о довоенном Евбазе: *«Всеобщим любимцем жильцов, и особенно детей, был живописный герой Гражданской войны Бенья. В грязном буденовском шлеме, пританцовывая на деревянной ноге, он под аккомпанемент шарманки хриплым голосом картаво исполнял бесконечную песенку: «Была у мэнэ жиночка Р-р-ива, она была висока и кр-р-асыва, но кастр-р-уля и гор-р-шок – все летило мэни в бо-о-к!» В следующем куплете возникла «жиночка Хая, она была слэная и глухая». Затем – припев с той же посудой, попадавшей прямо в незадачливого мужа».*

Вспоминает Ю. Бубнов: *«В послевоенные годы мне запомнились трое блаженных, часто посещавших Евбаз. Наиболее яркая фигура – Ленька-Сумасшедший. Носил он офицерский китель и фуражку со сломанным посередине козырьком. Торговал по мелочи – плоскими батарейками и лампочками для карманных фонариков, иглами для примусов. До середины 1950-х годов, практически ежедневно, с утра до вечера, по улице Дмитриевской, от пересечения с Чкалова до пересечения с Воровского, бродил Ленька-Сумасшедший и дурным голосом, коверкая слова, повторял одно и то же: «Кому батавэйки? Кому надо? Кому бомбачкы (лампочки)? Кому надо?». Причем, кричал блаженный громко и монотонно, глядя прямо перед собой, не обращая ни на кого внимания. Затем он садился у одного из евбазовских магазинов, где прямо на мостовой раскладывал свой скудный товар».*

Каждое лето на Евбазе появлялась не по годам бойкая юродивая. Она одевалась в какие-то яркие кофты и сарафаны, расписные узорчатые платки, в ушах – «сережки»-вишенки. Народ шарахался от старушки, когда она начинала петь частушки, на манер Бориски: *«Встань, Володю, подивися, до чого ми дожилися»* или *«Ходить Гітлер над рікою, носитъ жорна під рукою – не змолоти, не спекти, ні з України втекти»*. [В. Коржик писал, что юродивую звали Мариной, ей было 35-40 лет: *«По базару она ходила в вышитой украинской сорочке, на голове веночек с красными лентами, грязные босые ноги. Губы накрашены фиолетовыми чернилами. Марина ходила по базару пританцовывая и пела скабрзные и политические частушки. Например: «На Подолі дощ іде, на*

*Євбазі слизько. Ой, тікайте, поліцаї, бо Совети близько». Приставала к людям (в основном к мужчинам) с требованием подаяния и просто пообщаться. Иногда Марину забирали в полицию, где ее били, но не сильно. Через несколько дней она опять появлялась на базаре с синяками. После того как пришли наши, Марина еще некоторое время выступала на Евбазе, но потом исчезла и больше не появлялась». По воспоминаниям Ю. Платонова, Марина проживала в конце Борщаговской улицы. Любила, прикинувшись бедной и голодной, покушать и выпить за чужой счет. Однажды у евбазовских прилавков юродивая схватила за руку какого-то полковника и закричала: «Это мой женишок!». – **Прим. автора]** Еще одной «достопримечательностью» Евбазы был старик, который в любую погоду – зимой и летом, ходил полуодетым. Бродил блаженный по улице Воровского от Евбазы до Сенного базара. Из одежды на нем были только рубашка, вроде как больничная, и кальсоны грязно-белого цвета на веревочках. Обувь блаженный не носил (иногда зимой он надевал легкие тапочки). Кожа на его ступнях была ороговевшей, сине-красного цвета. В руках он держал палочку, которой осторожно ощупывал дорогу».*

Об этом юродивом упоминает Д. Малаков и Л. Васильев. По воспоминаниям старожилов, этого блаженного по имени Гриша, встречали на киевских улицах еще до революции. В зиму по холодному снегу и в лето по раскаленному асфальту он всегда ходил босиком. С возрастом Гриша совершенно ослеп, но когда-то, по слухам, он работал звонарем во Владимирском соборе (в те времена некоторые нищие даже пели в церковных хорах). Охотно вступал в беседы с пассажирами трамваев, в которых часто катался. После войны мама Л. Васильева работала в 1-й городской поликлинике – на углу Бессарабки и Б. Васильковской. Однажды к ней с порезом ноги явился юродивый Гриша. Кожа на его ступнях была тонкая, как папиросная бумага и розовая, как у младенца, а вовсе не мозолистая и огрубевшая, как можно было ожидать.

Ю. Чикирисов в своей книге «Шпана с Евбазы» пишет об еще одном слепом босоногом старце. При немцах блаженный провидец регулярно обходил киевские святыни – Владимирский и Софийский соборы, Михайловскую церковь. Его повсюду сопровождали монахини с Фроловского монастыря.

10. ЕВБАЗ

Когда-то через Галицкую площадь (сейчас пл. Победы) пролегла дорога на запад, на Галицию. Топографически площадь представляла собой удобное место для местных и приезжих торговцев – в нее лучеобразно врезались девять улиц. Вокруг площади в маленьких домишках селились небогатые евреи – ремесленники и мелкие торговцы. Вспоминает Н. Полетика: *«Базар в просторечии назывался Еврейским из-за множества лавчонок и магазинов, принадлежавших евреям. Это был район еврейской бедноты»*. В феврале 1858 года киевский генерал-губернатор Васильчиков разрешил им производить публичную торговлю по вторникам, четвергам и воскресеньям. Местечковое еврейство очень скоро организовало здесь своеобразное «гетто». Евреям была разрешена публичная торговля по вторникам, четвергам и воскресеньям. Здесь же еврейские резники-шойхеты забивали живность в строгом соответствии с правилами кашрута.

Маленькие лавчонки, киоски и рундуки окружали базарную площадь полукольцом, а внутри раскинулся настоящий «блошинный рынок». Неподалеку, в районе нынешнего завода «Трансигнал», размещались лабазы – большие склады для муки и зерна. Возчиков с телегами, развозивших по базару мешки с этих складов, называли «лабазниками». На базаре стояли палатки с навесами и открытые столы, где продавались всевозможные вещи – от рваных калош до живописи времен ренессанса. Картины, ювелирные изделия, старинные книги и т.д., обычно были похищены из музеев и частных коллекций в годы оккупации. После войны Евбаз превратился в гигантскую барахолку, где торговали привезенными из Германии трофеями. В 1947 году в Киеве открылось множество комиссионных магазинов. Вспоминает Д. Малаков: *«После войны полки и витрины киевских комиссионных магазинов наполнились «ненашими» часами, фотоаппаратами, пишущими машинками, радиоприемниками, фарфором, хрусталем, картинами, коврами, не говоря уже об одежде и обуви»*. Но конкуренции Евбазу, с его дешевыми ценами и возможностью поторговаться, они составить не могли.

Чаще всего на «блошином рынке» предлагали дешевые вещи: поношенную одежду, капроновые чулки, книги из уцелевших библиотек, камни для зажигалок, патефонные и швейные иголки, авторучки, посуду из некогда полных сервизов, старые фанерные чемоданы, обтянутые рваной парусиной. Во время оккупации торговали кроватями из разграбленных квартир. Пианино можно было выменять за два мешка картошки. После войны патефон с пластинками можно было выторговать за 150 руб., одна швейная иголка стоила 5 руб., примус шел за 50 руб. Старый еврей, стоя за прилавком, кричал на весь Евбаз:

– Иголки, иголки, примусные иголки! Не гнутся, не ломаются, не кусаются, всем хозяйкам улыбаются!

Вспоминает А. Смирнов: *«Длинные деревянные прилавки рынка часто были украшены букетами самых различных цветов, настенными ковриками с изображением лебедей, бумажными гирляндами. А еще тут продавали гипсовых кошечек, карамельных «петушков» на палочках, жареные семечки. А еще запомнилась невероятно черная бочка, из которой наливали покупателям керосин, тогда ведь далеко не у всех был в домах газ, и люди пользовались керосинками»*. Татары предлагали конину, восточные сладости и изделия из кожи. Базар был забит телегами, из которых крестьяне продавали сельскую продукцию – овощи, зерно, молочную продукцию, мясо, плетеные корзины и изделия из дерева. Подслеповатые старики предлагали порошки от клопов и крыс, а также специальные присадки для примусов.

Мальчишки скупали где-то табак и гильзы, набивали вручную папиросы и продавали их поштучно. «Папиросники» бродили по базару с закрепленной на груди двух, а то и трехэтажной коробкой из фанеры, набитой самодельными табачными изделиями. Интересно, что одним из «папиросников» Евбазы был мальчишка Михаил Светин (Гольцман) – будущий известный актер (помните его роль «вагонного» в фильме «Чародеи»?). Кроме папирос он торговал еще и шоколадками. Послевоенные папиросы это прежде всего: «Беломор-канал», «Казбек», «Северная Пальмира» (на пачке нарисовано величественное здание в древнегреческом стиле). Популярны были также сигареты «Север» (на пачке изображены горы и восходящее солнце) и слабенькие «Дели» (тоненькая бело-

красная пачка). «Папиросы Дели – кури две недели!» – кричали мальчишки. Во время оккупации мальчишки дежурили у казарм, расположенных на улицах Полицейской (И. Федорова), Предславинской и Казарменной, где купали у мадьяр сигареты – «Леванте», «Гонвед», «Симфония» и «Гуния».

Кругом слышалось: «Сколько стоит? – Столько-то, но если будете брать, я уступлю». Базар притягивал к себе дешевыми ценами и прекрасным обхождением. О Евбазе упоминает в своих мемуарах полковник Д. Панов: *«Это всякий раз был маленький театр, совершенно бесплатно и с истинным вдохновением разыгрываемый живыми и наблюдательными евреями-хозяевами. Торговля шла на еврейский манер: тебя стремились всячески облакать, культурно обойтись, помочь и подсказать, дать совет, спускали цену, чтобы не слишком ободрать, и обеспечить постоянное сотрудничество»*. В. Бережков писал о Евбазе: *«Продавцы предлагали свой товар, на все лады расхваливая его и выкрикивая цены, которые тут же снижали. Яркая, красочная картина»*.

На послевоенных базарах из-под прилавка предлагали «черный товар» – продукты и вещи, поставляемые в страну по ленд-лизу: тушенку, мясные и рыбные консервы, шоколад, сухое молоко и даже сало. Во время оккупации также тайно торговали вещами убитых в Бабьем Яру. Дело в том, что в сортировке сотен тысяч вещей, принадлежавших еврейским семьям, кроме немцев участвовали и простые граждане. В школу №38 по ул. Некрасовской немецкие грузовики свозили вещи расстрелянных. Там их сортировали: на первом этаже – собирали продукты, на втором – белье, на третьем – верхнюю одежду, на четвертом – особо ценные вещи (шубы, отрезы и драгоценности). Не все было вывезено в Германию: часть предметов – мыло, часы, обувь, зашитые в одежду ювелирные изделия – утаивалось и уходило на черный рынок. Спекулировали и сами немцы привезенными из Германии иглоками, нитками и кремнями для зажигалок. Вспоминает киевовед Олег Петрович Ясинский (р. 1929). *«Я лично покупал кремни у немецких офицеров. Они носили их в специальных мешочках»*.

На Евбазе существовали целые овощные, фруктово-ягодные, мясные и молочные ряды. Особый интерес представлял собой так называемый «Обжорный ряд». Здесь за небольшую пла-

ту можно было отведать пирожков с требухой и горохом или купить тарелку настоящего украинского борща. А какие здесь предлагали соленые огурчики и помидорчики! Маринованные грибы и хрустящая капуста просто таяли во рту. Вы только представьте – топленое молоко с аппетитной коричневой корочкой в глиняных горшочках, вареная картошка в чугунках, топленое сало с чесноком, вареники с вишнями в сметане. Горячие блюда готовились прямо здесь, либо доставлялись предприимчивыми продавщицами-перекупщицами с ближайших частных кухонь. «Обжорный ряд» работал до позднего вечера. Еще до войны вечерами сюда приходили одинокие рабочие пролетарии, лишенные домашнего уюта и питания. Здесь они ужинали и выпивали.

В лавках с потолка свисали окорока, колбасы и связки сосисок. Запах жареного мяса, копченой колбасы и вяленой рыбы просто сводил с ума. От Евбаза пахло на весь город – до самых окраин – от Сталинки (Демеевки) в одном конце, и до Лукьяновской тюрьмы в другом. Люди с особым нюхом клялись, что ветер доносит сладкий дух Евбаза аж до станции Святошино, расположенной в 12 км от базара. В голодные годы в «Обжорном ряду» продавали поштучно картофель, стаканами – муку, крупу и фасоль. Всегда в тяжелые времена Евбаз помогал киевлянам выжить. Здесь можно было подзаработать или обменять вещи на продукты. Во время оккупации на Евбазе активно занимались торговлей мадьяры. Они предлагали сигареты, спички, граммофонные пластинки, ботинки, вина, ликеры и шоколадные конфеты. А сами старались скупать по дешевке ювелирные изделия и ковры. Пищевую соду, по воспоминаниям О. Ясинского, привозили поляки. Они оптом сбывали ее своей соотечественнице – аптекарше Лёле, работавшей рядом с базаром на Дмитриевской улице. Та, в свою очередь, перепродавала соду торговкам с Евбаза.

На базаре можно было купить кружку дешевого пива и закусить его воблой. В пивных ларьках продавали на разлив водку, а из-под прилавка – самогон. Рядом с базаром находилось несколько питейных заведений, где предлагали всевозможные алкогольные напитки. В таких «шинках» пропивали вырученные деньги воры и спекулянты Евбаза. Китайцы продавали дешевые безделушки – шарики, веера и флюгера, изготовленные из гофрированной бума-

ги (на углу улиц Жилянской и Тарасовской находился четырехэтажный дом, полностью заселенный китайцами). За небольшую плату имелась возможность заглянуть в свое будущее. Обученная морская свинка наугад вытягивала из коробочки записку с предсказанием. На Евбазе появлялся дед с вороном-провидцем. Старик носил бороду и шляпу, одет был в поношенный пиджак, в руках держал длинную шкатулку с конвертиками. Конвертики наугад, сверкая умными глазами, выбирал старый ворон. Внутри были записочки с коротенькими предсказаниями: «Подождите еще две недели», «Тот, о ком вы переживаете, скоро даст о себе знать», «Вы совершили ошибку, но все закончится хорошо». Другому старичку в ермолке помогала морская свинка. Всего за 50 коп она предсказывала молодым парам пол их будущего ребенка. Чревовещатели своими жуткими голосами пугали женщин и детей. Во время оккупации напротив Владимирского рынка проживала известная гадалка Феня Федоровна. Она гадала на картах не только киевлянам, но и немцам.

В то время калийное мыло стоило больших денег, так как готовилось из натуральных растительных и животных жиров. Особым спросом пользовалось мыло «от вшей», содержащее ядовитый порошок для уничтожения вредных насекомых (дуст). При изготовлении самодельного мыла использовали известь, древесную золу, поваренную соль и жиры. Для варки мыла больше всего подходил свиной или рыбий жир. В голодное время обычно использовали всевозможные жирные отбросы.

Торговля мылом процветала и на Евбазе, особенно в послевоенные годы. Вот, что пишет Андрей Макаровский о послевоенном Киеве: *«На месте цирка или на противоположной стороне площади было большое, площадью в несколько сотен квадратных метров кладбище немецких самолетов.* [Здесь Андрей ошибается – склад разбитой техники находился ближе к Воздухофлотскому мосту – за забором в районе здания по проспекту Победы, 7а. Видимо, сюда свозили все самолеты, подбитые в районе Киева после его освобождения в 1943 году. – **Прим. автора**] *Этакие метров в пять, а может быть, больше пласты из фюзеляжей, двигателей, крыльев, винтов. Что-то сильно покореженное, что-то совсем целое. Мы ходили туда вывинчивать краники, трубочки, по кото-*

рым подавалось топливо. Из них получались прекрасные пугачи. Взрывчаткой служили головки спичек».

Теперь понятно, откуда одноухий еврей Зяма раздобыл фюзеляж немецкого самолета. В повести «Дети шабата» Валентин Гринер рассказывает о родном дяде, торговавшем на Евбазе. Дядя Зяма вернулся с войны с двумя ранениями – одна пуля повредила то место, на котором обычно сидят, а вторая оторвала левое ухо. Поначалу Зяма продавал трофейные швейные иголки фирмы «Solingen». Когда дефицитный товар закончился, дядя решил заняться изготовлением мыла и для привлечения покупателей раздобыл фюзеляж немецкого самолета: *«В самом козырном месте Евбаза стоял на пузе бронированный немецкий фюзеляж без крыльев и под красивым колпаком кругового обзора со всех сторон было написано: «Мыло натуральное». Дядя Зяма установил в кухне котел, в котором круглосуточно бурлили какие-то подозрительные обрезки, именуемые «животный жир», вкупе с канифолью, каустической содой и прочими композициями хозяйственного мыла.*

Когда утром дядя Зяма подъезжал к своему фюзеляжу, там уже стояла очередь за его хорошим мылом. Он открывал секретный замок бомбового люка, перегружал туда с конной площадки товар (между прочим, украшенный круглой печаткой с серпом и молотом), затем поднимался в кабину, энергичным рывком, как настоящий летчик, сдвигал колпак над умной своей головой, надевал шлемофон, удобно усаживался в центре мыла и начинал торговлю. Конкуренты высовывали головы из своих жалких ларьков в ожидании, когда у Штурмана Зямы кончится продукция, и он уберется с Евбаза».

Евбаз многие годы являлся главным источником всевозможных слухов. «Что сказала тетя Хася на Подоле – через час узнает весь базар». Еще Булгаков писал, что киевляне не любят читать газет и узнают все новости на Евбазе. Вспоминает Алексей Смирнов, проживавший недалеко от Евбаза, в доме №25 по улице Дмитриевской: *«Рынок обычно просыпался чуть свет. И все городские новости можно было узнать тут намного раньше, чем эти новости появлялись в газетах. Так было и 9 мая 1945 года, когда весь Евбаз мгновенно облетела весть о капитуляции Германии. Все кричали, обнимались, смеялись»*

После взрывов в конце сентября 1941 года Евбаз приютил погорельцев с Крещатика, обосновавшихся в пустых рундуках и лабазах. Перед отступлением немцы разграбили Евбаз и попытались его сжечь. Вот выдержка из акта, составленного после освобождения Киева *«16 октября 1943 года в 5.30 вечера трое неизвестных, одетых в немецкие военные униформы, на велосипедах, подожгли рынок с трех сторон, вследствие чего сгорело 17 ларей и 1 подсобка»*. Спустя три года уже при советской власти было принято решение ликвидировать «рынок случайных вещей» в связи с «реконструкцией города». Старожилы помнят, как тысячи крыс бежали с площади, преимущественно в сторону улицы Воровского. Вторая вынужденная миграция грызунов произошла спустя 15 лет, когда вокруг площади сносили все старые малоэтажные постройки. По утрам можно было наблюдать, как группы крыс (до нескольких десятков особей) цепочкой перебежали дорогу – от улицы Старовокзальной в сторону Чкалова (О. Гончара). О ликвидации Евбазы пишет В. Гринер: *«Здесь бульдозером травили ларьки, стойки, прилавки, скамейки, закрытые навильоны, закусовые... Все это кранами грузили на американские «студебеккеры» и увозили в неизвестном направлении»*. Последние годы, расчищенный от прилавков и рундуков, Евбаз выглядел довольно странно: через полупустую площадь двигались трамваи, вместо телег стояли грузовики, с кузовов которых и осуществлялась торговля (см. фотографию на первой странице обложки). Немногочисленные продавцы держались небольшими группами на тротуаре. «Обжорного ряда» также не существовало, зато в маленьких столовых на площади за ничтожные деньги предлагали отведать наваристый украинский борщ.

После закрытия Евбазы криминальный элемент разбрелся по другим рынкам и домам. Многие продавцы перенесли свою торговлю прямо во дворики улиц Воровского и Дмитриевской. Их излюбленным местом стали арки домов, откуда они предлагали свой товар прохожим. Вспоминает киевлянин Леонид Гулько: *«С осени 1947 года я жил в доме 2/4 по ул. Володарского (Златоустовской). Это был трехэтажный кирпичный дом с высокой угловой башней. Моя мама работала кассиром продуктового магазина на Дмитриевской, 1, который в простонародье называли «Босая»*

ким», а затем в овощном магазине напротив. Учился я в 91-й школе в Чеховском переулке, куда обычно добирался пешком по Воровского. Изредка удавалось проехать «зайцем» на трамвае №2, который шел от Вокзала до Львовской площади.

Евбаз запомнился мне своим шумом, запахом и горой мусора, оставшимся после закрытия базара. Дверь нашего парадного выходила прямо на улицу перед рынком, от чего на лестницах и между этажами постоянно стояли продавцы с покупателями. Они отсчитывали деньги и передавали какие-то вещи, случались ссоры и потасовки. Иные не стеснялись справлять свою малую нужду, от чего запах в парадном стоял весьма неприятный.

Народ с рынка собирался также во дворе нашего дома, вход в который находился со стороны улицы Володарского (Златоустовской). Ворота не было, двор вымощен булыжником, в глубине стояли сараи. В соседнем доме существовало нечто напоминающее постоянный двор для приезжих. [В начале ул. Златоустовской стоял «Дом колхозника», где сдавали комнаты приезжим крестьянам (позднее там открылся Музей народного творчества). Во дворе находилась конюшня для лошадей. Подводы останавливались также на ул. Борщаговской. – **Прим. автора**] От нашего дома до продуктового магазина вдоль улицы собирались грузчики с тачками, подводы и машины. Здесь всегда можно было нанять кого-нибудь, чтобы погрузить-подвезти свой товар. Они оставались и после того, как базар закрыли и площадь обнесли забором».

У Златоустовской находились питейные заведения, собиравшие криминальный элемент со всего района. Интересно, что вплоть до 1970-х годов здесь сохранялась частная застройка. Часто куры, а иногда и поросята, выбегали на эту тихую улицу. На другой стороне, по ул. Дмитриевская, 2, стоял ряд домов, в которых находились булочная, аптека, комиссионный и ювелирный магазин. Там за стеклом лежали золотые портсигары, голдяки* и «копейки» – круглые, как монеты пластиночки, как тогда говорили – «для зубов». Неизменным спросом пользовались «книжечки» с «сусальным золотом». Внутри них находились «странички» – несколько десятков лоскутков тончайшей золотой фольги. Местная детвора любила обклеивать «сусальным золотом» свои лица и руки. В то время золото стоило довольно дешево, особенно в город-

ках на периферии. Но скупать его в больших количествах боялись – можно было «загреметь» по уголовной статье.

В 1952 году рыночную площадь переименовали в площадь Победы. Торговлю вещами перенесли на Владимирский рынок, а продуктами – на улицу Пестеля, где рынок называли Новым (он запомнился старожилам огромной и невероятно черной керосиновой бочкой). Но торговля на бывшей Галицкой площади не прекратилась. Вокруг нее открылось большое количество комиссионных магазинов. Пишет журналист Г. Мельничук: *«Еще в 1960-х на площади Победы можно было найти последние осколки старого рынка. [Напротив дома №2 по ул. Дмитриевской. – Прим. автора] Это был ряд магазинчиков, в которых рядом с ящиком гвоздей могли стоять сельдяная бочка и лежать рулоны ситца и драпа. Пол был дощатый, засыпанный деревянной стружкой. Кто там был хоть раз, никогда не забудет особого запаха тех лавочек».* Там, где сейчас возвышается здание универмага «Украина», находился небольшой завод металлических изделий, прозванный местными жителями «заводом Гутмана» (его контора находилась неподалеку – на ул. Дмитриевской, 16). Вспоминает житель Шулявки Юрий Тимошков: *«Когда снесли рынок на площади, торговля переместилась на ее задворки. Новый базар разместился у самого Воздухофлотского. Рынок был, почти как в селе – деревянные прилавки, деревянные ворота».*

Л. Васильев в своих мемуарах упоминает об ассирийцах: *«Почему-то все сапожники-чистильщики были черноволосыми и смугло-коричневыми, с длинными носами. Их называли ассирийцами. Я не знаю, была ли это действительно такая национальность, или просто закрепившееся народное название. Но где-то в конце 50-х они, вдруг, все куда-то исчезли. Поговаривали, что их всех отправили то ли в Грецию, то ли еще куда-то».* Писатель Ю. Чикирисов отмечает, что ассирийцы в Киеве владели небольшими сапожными будочками, где они чинили и чистили обувь, продавали самодельные калоши из автомобильных покрышек, ваксу, щетки и шнурки. После разгона Евбазы и реконструкции площади, часть ассирийцев депортировали. Остальных заставили покинуть подвалы и коммуналки, расположенные вокруг площади Победы. Многие перебрались со своими будочками в район Вокзала.

11. «ЧЕРНАЯ КОШКА»: КИЕВСКИЙ СЛЕД

Вы, конечно же, помните эпизод из фильма «Место встречи изменить нельзя», где оперативник Шарапов срывает орден Отечественной войны с груди Фокса – бандита из шайки «Черная кошка». Прошли десятилетия, сменилась власть – многие материалы тех лет уже рассекречены. Судя по информации, которую удалось собрать, Фокс мог быть настоящим офицером-фронтовиком. Да и член банды Левченко по сценарию романа – бывший однополчанин Шарапова.

В советские времена уголовные дела, в которых фигурировали бывшие фронтовики-освободители, засекречивались. С войны возвращались дезертиры и бывшие уголовники, призванные на фронт искупить свою вину. В Германии они насильовали и убивали, грабили богатые квартиры и магазины, а домой возвращались в статусе прославленных освободителей. На родине их ждали разрушенные и полуголодные города. Трофейные вещи расходились быстро, а полученных денег хватало лишь на несколько бутылок водки. И тогда фронтовики принимались за старое – убийства и грабежи. После амнистии в честь победы на волю из лагерей вышли тысячи уголовников. В различные банды и шайки стекались толпы бывших полицаев и беспризорников. Для преступников не составило большого труда вооружиться – у населения оставалось довольно много оружия. Известно, что после освобождения Украины за три года было ликвидировано более 23 тыс. преступных группировок и арестовано более ста тысяч преступников.

Официальная пропаганда твердила, что у нас нет организованной преступности. На самом деле некоторые офицеры-фронтовики консультировали многочисленные банды уголовников. Учили, как перед налетом проводить разведку, готовить путь к отступлению, метко стрелять и маскироваться. Бывший оперуполномоченный Григорий Белинский, участвовавший в задержании «Черной кошки», считает, что членами банды были бывшие военнопленные, завербованные немцами: *«Наших соотечественников, попавших в концлагеря, немцы вербовали и готовили для специальной работы в Советском Союзе. Их обеспечивали фальшивыми документами, новыми именами и фамилиями. Как прави-*

ло, они были офицерами, ходили в военной форме и имели хорошую репутацию. У них была четкая цель – совершение диверсий. Эти люди собирали необходимые данные и отправляли в Германию. Те в свою очередь обеспечивали их фальшивыми деньгами. Однако в какой-то момент некоторых из бывших военнопленных такая ситуация перестала устраивать, появились недовольные. Тогда же они расформировались и превратились в банду «Черная кошка». У них было три опорных пункта в Одессе, Москве и Ташкенте. Они совершали жестокие налеты на квартиры, выносили все и не оставляли ни одного свидетеля. Убивали всех – и женщин, и даже грудных детей. А когда уходили, на стене угольком рисовали силуэт черной кошки. За это их прозвали бандой «Черная кошка».

Достоверно известно, что от Ленинграда до Ростова и Одессы орудовали многотысячные банды «Черных кошек». Несколькими годами ранее в Киеве действовала банда «Черный ворон», возглавляемая жестоким уголовником Максимом Вороновым. Бандитские малины густо раскинулись по пригородным слободкам, окружавшим старые районы Киева. Преступники были не только хорошо вооружены, но и богато оснащены транспортом. Так, некоторые банды совершали свои грабительские налеты на мощных грузовиках Studebaker. «Черные кошки» наводили ужас в городах и селах, грабя и убивая мирных жителей. В. Баканов в своей книге приводит слухи, ходившие в то время в Киеве: «Черная кошка» орудует вроде вблизи вокзала. Бандиты подходят к дверям, мяукают и, как котенок, скребутся. Жалостливый хозяин открывает дверь и наклоняется к «котенку», подставляя голову под удар топором. После ограбления квартиры никого не оставляют в живых, поэтому преступников и не могут поймать». Вспоминает В. Заманский: «О «Черной кошке» ходили страшные слухи, нашедшие отражение в песенке: «Черные стрелки обходят циферблат, быстро, как белки, колесики стучат. Идут, идут минуты, идут, идут часы, едут, едут в Киев черные коты».

Опасность подобных формирований была вызвана несколькими причинами: доступностью огнестрельного оружия, послевоенными проблемами в правоохранительных органах (нехваткой кадров и ресурсов), плохим экономическим состоянием в стране и появлением преступников с опытом ведения боевых дей-

ствий. Положение усугубляло плохое освещение улиц – в темноте преступники легко и быстро скрывались от милиции. Они прятались в парках и садах, на пустырях и в лабиринтах узких улочек частного сектора. При задержании преступники оказывали отчаянное сопротивление, применяя огнестрельное оружие.

Милиция и НКВД долгое время не могли справиться с подобными организованными шайками. Поговаривали даже, что некоторые работники правоохранительных органов сами являлись участниками преступных группировок. По слухам, у «Черной кошки» существовал список руководителей госаппарата и предприятий, которых следовало ликвидировать. Подобными террористическими действиями предполагалось запугать руководящие и силовые структуры города.

Особый интерес у бандитских группировок вызывали приехавшие в отпуск или демобилизованные военные. Одиноких офицеров, привозивших с собой чемоданы трофеев, на вокзале поджидали не только услужливые грузчики (в то время транспорт ходил очень плохо и грузчики со своими тачками за умеренную плату предлагали довести поклажу до самого дома). Еще во время войны на вокзалах орудовали сотни майданщиков*, но «Черные кошки» действовали иначе. Прямо с вокзала или с базара бандиты под видом оптовых скупщиков заманивали офицеров в глухие подворотни. Там их били чем-то тяжелым по голове или резали финками. А. Анисимов писал о том времени: *«Киевляне помнят, что дикий евбазовский толчок представлял после войны и криминальную угрозу. В домах вокруг базара находили трупы. Здесь грабили, а после убивали людей. Тела часто сбрасывали в протекавшую неподалеку речку Лыбидь».*

На группы демобилизовавшихся офицеров бандиты совершали дерзкие вооруженные нападения. При малейшем сопротивлении «Черные кошки» открывали огонь. Ходили слухи, что группа головорезов отцепила последний вагон состава, прибывшего из Германии и отогнала его в тупик. Там всех демобилизовавшихся военных ограбили до нитки, а кое-кого и постреляли. Действительно, в военные и послевоенные годы со стороны вокзала частенько доносились выстрелы.

У демобилизованных офицеров не было продуктовых карточек, но зато имелось достаточное количество денег. У простых киевлян все было наоборот – карточки выдавались по месту работы и там же выплачивались мизерные зарплаты. В 1944 году в Центральный гастроном на Крещатике поступили в продажу продукты питания без карточек, но по коммерческим ценам. Например, коробка хороших шоколадных конфет стоила там половину зарплаты рабочего. При средних зарплатах в 500 рублей, литр водки стоил 150 рублей. В подобных магазинах «Черные кошки» высматривали жертвы, миновавшие ловушки на вокзалах и толкучках. За покупателями устраивали слежку, узнавали их адреса и совершали разбойные нападения.

Охотились также за семьями, получавшими дорогие посылки из Германии. Сабик-Вогулов приводит в своей книге письмо жены одного капитана: *«Дорогой Ваня! Пожалуйста, ничего не посылай из Германии. Это может привести к тому, что меня убьют вместе с дочерью. Все мы, семьи военнослужащих, мужья которых в Германии, уголовным элементом взяты на учет и не проходит дня, чтобы не убили кого-нибудь из получивших из Германии посылку. В 8 часов вечера из квартиры уже страшно выходить и я уже сейчас с дочерью дома не ночую».*

Но сфера деятельности «Черных кошек» не ограничивалась только разбоями и убийствами. В банды входили каталы*, кидалы, громилы*, щипачи*, шибенники* и гоп-стопщики*. Воры не брезговали выкапывать на чужих огородах картошку, снимать с веревок сушившееся белье и забирать заготовленные дрова. Историк Алексей Щербаков посвятил одну из своих книг исследованию деятельности подобных группировок. Он отмечает, что различные «звенья» банд были относительно автономны, однако имелось общее руководство – общак и, что самое главное – разветвленная инфраструктура. Банды имели в своем составе опытных гравировщиков, способных изготавливать практически любые печати и штампы. Существовали специалисты по «рисованию» фальшивых документов и даже высококвалифицированные медики, способные оказать достаточно серьезную помощь пострадавшим бандитам. Чаще всего «кошатники» прикрывались липовыми студенческими билетами (студенты многих вузов во время войны получали от-

срочку от призыва). Так было легче перемещаться по стране, обходя весьма серьезный тогдашний паспортный контроль.

Однако самой доходной статьей бандитов являлись не кражи и грабежи, а хищения. Принцип был простой: по поддельным документам получать с продуктовых баз товары. Затем их на грузовиках перегоняли в другие города, где продавали на черном рынке. При тогдашней карточной системе это было золотым дном. Полученные деньги тут же обращали в золото и драгоценные камни. Бывало, конечно, что некоторые уголовные преступления ошибочно приписывали «Черной кошке». Известно также, что в разгар борьбы с послевоенной преступностью, на Украине арестовывали студентов-националистов, предъявляя им бандитизм. Вообще, «Черная кошка» – это знак малолетних преступников – беспризорников 1920-х годов. Организованные бандформирования 1940-х годов этот символ просто позаимствовали.

Победить «Черную кошку» удалось лишь путем привлечением дополнительных сил милиции и проведения спецопераций. На рынках, где традиционно скапливался воровской элемент и сбывалось краденое, проводились массовые проверки документов и облавы с последующей проверкой всех подозрительных лиц. Лица без определенных занятий арестовывались и выдворялись из города.

Прошло более полувека, большинства свидетелей уже нет в живых, сохранилась лишь память, увековеченная в камне. На Соломенской площади установлен памятник Работникам органов внутренних дел Украины, погибшим во время выполнения служебных обязанностей. Статую скорбящей матери окружают мемориальные плиты с фамилиями погибших милиционеров. По количеству имен, высеченных в камне за каждый год, можно судить об уровне преступности. Так, на 1946 год приходится абсолютный максимум погибших – 106 человек; в 1947 году проявился заметный спад – 49 погибших, 1948 год – 33, 1949 – 56. Затем с каждым годом количество погибших при исполнении постоянно сокращалось. Очередной рост уровня преступности проявился спустя полвека – на пике «лихих девяностых» – в 1994 году – 30 погибших.

12. ВОРЫ И МОШЕННИКИ

*Я родился на Шулявке на блатной,
А первый срок менты мне шили на Подоле.*

Из песни А. Розенбаума
«Расцветали каштаны» («Крещатик»).

Известно, что в хуторах, расположенных вдоль Лыбиди, в середине XVIII века прятались от преследований отряды гайдамаков. Отсюда, еще в течение многих лет, они продолжали совершать свои набеги на села и слободки. Во времена крепостничества на Шулявке находили надежное пристанище беглые крестьяне. Более сотни лет назад Шулявка находилась на окраине Киева и была заселена, в основном, семьями рабочих. Уже тогда этот район «славился» своей преступностью – Шулявка была как в Одессе Молдаванка. Воры, бандиты, биндюжники, «золотовозы» – кто там только не жил! В книге «Одиссея разведчика» (М., 1999) так описывается дореволюционная Шулявка: *«Шулявка славилась своими ворами и бандитами. Фетисовы, Заремба, Кабанюк, Гольдберг – знатные фамилии, которые не раз упоминались в газетах в связи с грабежами и судом. Извозчики боялись ехать на Шулявку после захода солнца, хотя Шулявка была наполовину заселена извозчиками. Особенно прославили Шулявку говновозы. Эти добрые люди имели привычку отвинчивать отверстия у бочек и поливать по ночам улицы этим плохо пахнущим добром. Но владельцы бочек давали своим детям хорошее образование и имели свои дома...*

А убой кабанов за канавой у железнодорожной насыпи? А гулянье воров, которые ходили по Шулявке с песнями и нам, малышам, кидали конфеты и деньги? И жили на Шулявке мирно. Иногда дрались, чтобы «кровь не застоилась». Я не был любителем этого спорта, но мои братья нередко возвращались с оторванными рукавами и разбитыми носами... Правда, в молодости, когда знакомишься с девушкой и проговоришься, что ты с Шулявки, это не вызывало энтузиазма». Следует отметить, что когда в 1905 году Шулявка объявила себя свободной республикой, был сформирован вооруженный отряд рабочих, который быстро и жестоко расправился с местными хулиганами и погромщиками.

В. Баканов пишет, что в послевоенное время каждый городской двор представлял собой маленькое суверенное государство. По периметру дворы были огорожены высокими глухими, преимущественно дощатыми заборами. Ночью ворота дворов закрывались на замок и попасть внутрь чужому человеку было невозможно. Только машинам скорой помощи дворник незамедлительно открывал ворота. В наше время дворы не имеют заборов, зато каждое парадное закрывается на кодовый или электронный замок.

Вспоминает Ю. Тимошков: *«Я жил на той самой «сельской» Шулявке до самой постройки массива. И через двор у нас действительно жила банда, да и шпаны много было – Шулявка была как отдельная республика, немногие рисковали сюда заглянуть без приглашения. Небольшие частные домики ютились близко друг к другу, в каждом дворе был сад, злые собаки. В двухэтажных домах-бараках жили рабочие и отставные военные».*

После войны множество людей приехало в Киев на заработки. Для рабочих, восстанавливающих город, возводили бараки и продуктовые магазины. Молодежь в то опасное время группировалась по следующим признакам – гражданские (имевшие броню во время войны), солдаты, моряки, уголовный элемент. Группой – компанией всегда было безопаснее гулять и ходить на танцы. Если кто-то обижал военного – тут-же собирались его «боевые товарищи» и наматывали ремни на запястья. Пряжки на кулаках, как каскеты, ломали хулиганам зубы и челюсти. Время было «веселое» и драки возникали еще на подходе к танцплощадкам. Иногда после танцев шальная молодежь спьяну била даже блатных. Правда, до поножовщины доходило редко. Сильно пьяных не трогали, только не давали им валяться на газонах. Главное правило – выдержать все драки и провокации до конца «представления». В награду ты мог увести с танцплощадки самую привлекательную девушку.

В послевоенные годы беспризорники сколачивали целые банды или шоблы, наводившие страх на обитателей частного сектора. У некоторых малолетних хулиганов было оружие, что делало банды еще опаснее. Голодные мальчишки воровали у местных жителей куриц и кроликов – «сталинских быков», как их тогда называли. Разделявали мясо и варили в консервных банках на костре. Воровали из погребов продукты – овощи и консервацию. Иногда

беспризорники решались на вооруженные разбои и даже убийства. Могли отточенной велосипедной спицей врезать, спицей для шитья проколоть или «пером» подрезать. И. Сафонов писал, как к нему, еще совсем маленькому, подошел грязный, как будто специально выпачканный мальчик лет 10-11. В руках беспризорника был длиннющий тускло блестящий нож: «Ну-ка, принеси хлеба», – грубо приказал он и сильно ударил Илью в грудь.

Вспоминает киевлянка Мария Фещук: *«На Житнем рынке ночевали беспризорники. Прямо в ящиках. К недовольству продавцов они крали хлеб и продукты. Однако конная милиция, следящая за порядком в городе, справиться с ними не могла»*. На вокзалах беспризорники стаей облепливали остановившееся поезда и требовали у проезжающих папиросы и продукты. На базарах продавцы, завидев малолетних воров, прятали свой товар под прилавок. Продукты держали в руках, так как беспризорники подкрадывались сзади, хватали из тарелок куски колбасы или хлеба и тут же, не убегая, падали на колени, съедали добытые куски. Однажды стайка цыганят пристала к продавщице с Евбаза. Последняя не растерялась, схватила за хвост дохлую крысу, валявшуюся под прилавком, и швырнула ее в самую гущу перепуганных воришек. Д. Малаков писал, как один малолетний воришка по карнизу залез на второй этаж школы на Воровского, украл аквариум с рыбкой и отнес его продавать на Сенной базар. Однажды у Евбаза босяки сняли кожаное пальто с офицера, Героя Советского Союза. Но постепенно большинство подростков изловили и они заполнили пустующие с войны колонии на Нивках, Церковщине и Пуща-Водице.

Вспоминает Сергей Вяткин: *«После войны в нашем детдоме проживали сироты различных национальностей – русские, украинцы, белорусы, евреи, греки и испанцы. Жили мы дружно, без шовинизма и национализма. В то время не редкими были случаи, когда руководители детдомов расхищали выделенные детям продукты. Излишки продуктов они продавали на рынках, а детей кормили «блюдами», приготовленными из гнилья, ссылаясь при этом на плохое снабжение. Подобные хищения не миновали и наш детдом – питание было ужасным: гнилой картофель, немного крупы в жиденькой похлебке и эрзац-хлеб, вызывавший изжогу в наших неокрепших организмах. «Голод – не тетка», пришлось приду-*

мать план, как раздобыть продукты. Кто-то заметил, что преподаватели частенько закрываются в кладовой, откуда потом доносятся их пьяные голоса. Было принято решение обворовать этот детдомовский склад. Исполнителем выбрали меня, как самого маленького и худого. Здание было дореволюционной постройки с внушительной вентиляционной системой. Для начала я обвязал тряпками локти и колени, чтобы не счесать их о металлические стенки. Затем ребята выломали решетку и запустили меня внутрь. Двигаться приходилось на ощупь, так как зажженные спички гасли от тока воздуха. Примерно через полчаса моих блужданий в вентиляционной системе, я оказался над помещением склада. Я выдавил ногами решетку и оказался внутри настоящей «пещеры с сокровищами». Посреди помещения располагался стол с остатками преподавательской трапезы, а по периметру стояли стеллажи с полками, забитыми всевозможными продуктами. Крупа и мука нас не интересовала – я сложил в мешок сколько мог унести, хлеба и колбасы. Еще прихватил два больших бутылка с вином, в плетеных корзинках из рогожи. Самым трудным оказалось поднять все это в вентиляцию – мне пришлось пододвинуть стол вплотную к стене и взобраться с него. Наконец, я выбрался наверх и пополз к своим друзьям. Радости их не было предела – начался поистине царский пир, закончившийся только под утро, когда мы все дружно решили «хорька придавить»*. Затем, чтобы избежать наказания, несколько старших ребят бежало из детдома. Они давно уже планировали влиться в «армию беспризорников», нужен был только повод. Было решено, что воровство мы спланируем на этих беглецов. Таким образом, некоторые преподаватели сами толкали детей на улицу. Естественно, на «вольных хлебах» кукушкам* приходилось воровать, чтобы выжить. Многие кенты* послевоенного Киева еще детьми бежали из полуголодных детских домов и умирающих украинских сел.

Александр Павлов, проживавший после войны на улице Пушкинской, 39, пишет об ассирийцах: «В нашем дворе жила семья ассирийцев, переселившихся в Киев из Ирана в 1911 году и с тех пор добывающих хлеб сапожным ремеслом. В просторечии их называли просто «греками»: Еська-грек, Мишка-грек, Вовка-грек... По части лихоимства и махлевания они были подлинными

персонажами восточных сказок, великими искусниками, толкователями снов. Избранную жертву обычно облапошивали, обирали в игре на деньги или просто цыганским манером.

Грекам можно было днями валяться на крышах домов и сараев, плавиться от жары, сняв майки и поглядывая то в поповский сад, то на мешок бродячего старьевщика, то есть всюду, где можно было что-то стащить, «приделать ноги» и припереть домой в сырой подвал. Но если у Фреда Рабинера пропадала английская такса Лорд, он бросался к грекам; если во время факельного шествия ребята с ножичками снимали олимпийский костюм с сына богатых родителей, опять-таки обращались к ним. И они безотказно все возвращали». Об ассирийцах упоминает и В. Терно: «Некоторые из них, повзрослев, стали сущей напастью для местного населения. Совершая дерзкие набеги, они опустошали ближние и дальние сады. Украденные фрукты тащили на Евбаз, где сдавали их за бесценок перекущникам».

На Бессарабке бандиты и воры обитали в комнатухах деревянных флигелей, стоявших вокруг бывшей синагоги, превращенной при большевиках в кукольный театр. На Подоле множество маргиналов обитало в районе улиц Спасской и Сагайдачного, где их притягивали «хлебные места» у порта, толкучки и кабаки. Там собиралась беспризорники, нищие бродяги, алкоголики, инвалиды и портовые грузчики. Возле кинотеатра «Жовтень» (ул. Константиновская, 26) любили бродить пахнущие водкой дамы неопределенного возраста. Но больше всего криминального элемента собиралось у кинотеатра «Колос». Рядом в сквере, на изрезанных ножами скамейках, любили рассиживаться пьяницы, воры и бродяги. Они играли в карты, пели под гитару и часто ссорились. Бывало, что драки начинались у входа в кинотеатр и заканчивались в ближайшей подворотне. Вспоминает А. Ляшенко: *«Однажды я стал свидетелем подобной потасовки. Закончился вечерний сеанс и зрители по ступенькам покидали помещение кинотеатра. Вместе со всеми из «Колоса» вышел курсант мореходного училища. Подольские хулиганы тут же пристали к морячку – окружили, толкают со всех сторон и кричат: «Дай закурить! Дай бескозырку поносить!». Но им было невдомек, что курсант пришел на сеанс не один. Морячок закричал: «Полундра!» Тут же из киноте-*

атра выскочила толпа «морских волков». Они быстро оценили ситуацию, сняли ремни и жестоко избили наглых хулиганов. Тяжелые отточенные пряжки военных ремней – страшное оружие. После экзекуции эту шпану никогда больше не видели у сквера. Сам «Колос» сгорел, если я не ошибаюсь, в год смерти Сталина. Эти два события подольские сплетники даже пытались как-то связать. Но вскоре здание отстроили, и кинотеатр просуществовал еще более двадцати лет». Неподалеку от кинотеатра находилась «Пельменная», в которой всегда пахло чем-то тухлым, толкались в очереди работяги вперемешку с ворами, жуликами и спекулянтами. Внутри стоял мат-перемат алкашни в густой облачности перегара.

Вспоминая 1950-е годы в Киеве, К. Лейбова пишет: *«В драке был убит курсант одного из киевских военных училищ и получилось так, что виновным оказался Жорка, так как двух других участников происшествия «отмазали» высокопоставленные родители. Жорку приговорили к расстрелу, хотя ходили слухи, что он работает на загадочных урановых рудниках». В конце 1940-х годов банда хулиганов терроризировала студентов КПИ. Жили эти босяки в районе улицы Г. Тимофеевой и особенно не любили учащихся горного факультета. «Горнякам» выдавали очень красивую форму – черную, с золотистыми пуговицами и кокардой. Шулявские девчонки мало интересовались местными шалопаями и предпочитали знакомиться с воспитанными студентами в форме. Местная шпана обычно нападала группами на одиноких студентов. Если нападение происходило возле института или общежития, то жертва звала на помощь своих товарищей. На крик из учебных корпусов и общежитий выскакивали студенты и давали достойный отпор хулиганам. В отместку, «шулявские» выслеживали одиноких студентов КПИ и снова избивали. К счастью, потасовки с местной шпаной не приводили к летальным исходам. Лишь однажды, в 1951 – в год первого выпуска горного факультета, шулявская банда подрезала одного студента. Но рана выявилась не опасной и «горняк» быстро выздоровел. Несмотря на благоприятный исход, шулявские шалопаи получили срок за поножовщину и драку.*

Кроме хулиганства процветало и воровство. Желание завладеть тем, что «плохо лежит» и «в хозяйстве пригодится», не

смогла отбить даже оккупационная власть. Так, в конце в 1941 года из-за участвовавших случаев воровства все уцелевшие троллейбусные провода в Киеве были сняты и упрятаны в специальные контейнеры. Поскольку заборов во дворах почти не осталось, участились кражи белья, сохнувшего на веревках. Иногда белье крали прямо с чердаков: простыни, пододеяльники, наволочки и полотенца сбывались на ближайших базарах и толкучках.

Вспоминает Г. Ляшенко: *«После освобождения Киева наша семья перебралась из Позняков в центр города. Мы поселились у нашей родственницы в доме №39 по улице Воровского – недалеко от Евбаза. Это был красивый двухэтажный особняк дореволюционной постройки, со старинной лепкой и огромными окнами. Стены особняка и бельэтаж, где мы непосредственно жили, оплетали лозы сладкого синего винограда.*

Летом 1944 года к моим родителям приехали родственники из села. Обычно они привозили с собой муку, овощи и мясо для продажи на Евбазе. Наша двухкомнатная квартира служила им временным пристанищем и складом. Иногда у нас ночевало одновременно более десяти человек. В тот вечер у нас было довольно шумно и мало кто обратил внимание, что брошенный с улицы камень разбил стекло форточки. Мама естественно решила, что это проделки моих друзей со двора. Но, как выяснилось позднее, камень бросал вор-форточник. Родители постелили гостям в отдельной комнате, и еще до двенадцати все улеглись спать. Ножом среди ночи маму разбудил какой-то шорох. Она открыла глаза и увидела силуэт у окна – незнакомец курил. Мама спросила:

– Мыкыта (Никита), цэ ты? – она подумала, что это курит ее брат из села. Но незнакомец ничего не ответил. Тогда мама начала громко кричать, чтобы разбудить мужа и брата:

– Сеня, Мыкыта, просыпайтесь! Чужие в доме!

Два силуэта метнулось к окну. Как оказалось, форточник залез на наш бельэтаж, вынул разбитое стекло форточки и влез в комнату. Затем он изнутри открыл окно и запустил внутрь своего подельника. Маму воры просто не заметили – она спала за шкафом, который отгораживал небольшой угол в огромной (до 40 кв. м) комнате. Когда поднялся шум, грабители выскочили в окно, успев прихватить с собой лишь постельное белье, сложенное у

кровати. Помню, что все кроме мамы, спали до самого обеда – воры подсыпали им на подушки какой-то сонный порошок. Многие во сне даже описались».

Во время оккупации количество ограблений в городе заметно снизилось. Это произошло благодаря жестокости немецкой власти – пойманных воров расстреливали на месте. В 1944 году в Киев хлынул поток вернувшихся из оккупации киевлян, везущих свои пожитки, сельских жителей, потерявших свои наделы, а также преступников всех мастей и понятий. Воров было столько, что тем, кому доводилось ночевать на Вокзале, рассказывали, как в темноте по их карманам шарило множество рук. Одна из послевоенных толкучек действовала там, где сейчас находится многоэтажный корпус таксопарка, вблизи Байкового кладбища. Н. Черныш: *«Характерной особенностью рынка было невероятное скопление продавцов и покупателей на маленьком пятачке сразу возле входа, что послужило поводом для просторечного названия – толкучка. Эта давка искусственно поддерживалась всеми присутствующими, ибо затрудняла действие милиции. Переодетые милиционеры старались выловить спекулянтов, продавцов краденого и прочих подозрительных лиц, которыми толкучка кишмя кишела».*

Профессиональные щипачи предпочитали «работать» на толкучках. Цыганки гадали по руке, пока их малолетние дети шарили по карманам зазевавшихся покупателей. Цыганская молодежь зарабатывала на хлеб песнями и танцами. На базарах и Вокзале цыганки выпрашивали подаяние для своих младенцев. На поверку часто оказывалось, что в пеленки и одеяльца цыганки заворачивали большие куклы или обыкновенные полена.

На Евбазе к ворам относились неоднозначно. С одной стороны их ненавидели за постоянные кражи, с другой – ценили за дешевый краденый товар. На Евбазе существовали определенные места для сбыта краденого, возле которых постоянно ошивались спекулянты. В своих воспоминаниях В. Баканов отмечает, что краденые баки* стоили три рубля. Здесь же можно было приобрести и чисто уголовные предметы: ножи, бритвы и свинцовые каскетты. Вспоминает Д. Шимановский: *«Когда базар к вечеру стихал, там собирались карманники, домушники, налетчики и их возлюбленные».* Их развлекал чечеткой и плясками Б. Сичкин – будущий

актер, прославившийся ролью Бубы Касторского в «Неуловимых мстителях». Шулера любили раскинуть свои коцанные стирыв* в поездах и на вокзалах. На Евбазе прославился рыжий Зяма, виртуозно игравший краплеными картами. «Фокусник» Яшко «разувал» доверчивых прохожих с помощью игры, напоминавшей «наперстки». Он тасовал три карты – одну красной масти и две черной. Вспоминает Л. Гулько: *«Возвращаясь со школы я не мог не взглянуть на игры, которые обычно проходили на краю рынка. Например, такая игра: ведущий игрок быстро передвигал по столу три шайбы, одна из которых была помечена. Угадаешь помеченную – получаешь пятерку. Все, кто пытался обыграть ведущего, в конце-концов проигрывали, причем, очень быстро: за 5-10 мин доверчивая жертва проигрывала сотню. Я стоял, как замороженный, пытаюсь понять, как же парень мошенничает. Не только я, но и все присутствующие, были убеждены, что ведущий играет нечестно. Но последний каждый раз показывал, что меченая шайба оставалась на столе. Иногда вместо шайб использовали набойки для обуви, одну из которых метили снизу крестиком.*

Азартные игры на деньги в советское время были запрещены, поэтому милиция постоянно гоняла игроков, но никогда не могла поймать, поскольку ведущих всегда предупреждали их подельники. Сложив столик, мошенник исчезал, оставались только мы, зеваки. Милиционер подходил, свистел и приказывал разойтись. Я, придерживая на груди полевую командирскую сумку (предмет моей гордости), брел домой. На груди потому, что только так можно было быть уверенным, что ее не срежут воры. Каждый день на базаре раздавались крики женщин, у которых своровали деньги или товар. Но обычно никого не находили. Ребята, да и времена были лихие».

На послевоенных базарах процветало воровство и мошенничество. Даже со знакомыми продавцами следовало держать ухо остро. Например, купили вы банку муки: на вкус она настоящая, вернулись домой и решили что-то испечь. Но тут обнаруживается, что муки «с гулькин нос» – в банке обычный мел, присыпанный сверху на 2-3 пальца мукой. Цыгане подобным образом продавали мед – под его тонким слоем скрывалась непонятная клейкая масса. Или купили вы растительное масло, а оно оказалось совершенно

несъедобным, похожим по цвету и густоте – трансформаторным. Вместо табака могли подсунуть мякину – отходы табачной промышленности, а вместо воротника на пальто – облезлую кошачью шкурку. Однажды подруга моей мамы купила на Евбазе сапоги. Когда примерила их дома, оказалось – они на размер меньше и с оторванным каблуком. Видимо, пока она расплачивалась с продавцом, его сообщник подменил обувь. Вспоминает Ю. Платонов: *«К первому сентября мама купила мне на Евбазе ботинки. Я был просто счастлив – обувь показалась мне легкой и прочной. Но радость оказалась преждевременной – после первого же дождя подошва разбухла и треснула»*. Подобный случай описывает в своих мемуарах Исаак Кобылянский: *«В тот день [Начало 1946 года. – Прим. автора] на Евбазе я купил красиво выглядевшие сапоги, но дома выяснилось, что по неопытности стал жертвой мошенников: подошвы были изготовлены из плотного картона, тщательно пропитанного воском и отполированного до блеска»*.

Д. Малаков упоминал о базарном мошеннике, подсунувшем его матери «куклу»: *«Мама только совинула первую купюру, как оказалось – деньгами были только верхняя и нижняя купюры, остальное – серая оберточная бумага, тщательно нарезанная и замусоленные по краям «под деньги»*. На уловки воров и мошенников попадались обычно новички – продавцы, недавно открывшие торговлю на Евбазе. Завсегдатаи базара знали всех урок в лицо и примечали их издали. Щипачи работали «на кармане» обычно в одиночку. Воры, промышленявшие кражами вещей и продуктов, действовали парами. Вспоминает Ю. Платонов: *«Однажды среди Евбазы остановилась телега, до верха набитая картошкой. На мешках восседал важный крестьян – он торговал в развес. Вдруг какой-то шлимазл подошел к запряженной лошади и давай кусать ее за морду. Лошадь брыкается, хозяин лошади вскакивает и замахивается на обидчика кнутом. Тот уворачивается и прячется за испуганным животным. В это мгновение напарник злодея выхватывает с телеги мешок и айда вандать**. Изобителенный крестьянин принимается вопить на всю площадь: *«Воры! Грабят!»*. Но пацаны уже затарились* по полной – слямзили* мешок и слиняли с базара. Это были так называемые халамидники – воры, крадущие на базаре с возов и прилавков.

Еще я помню, как ограбили одну продавицу. Часов в девять утра она разложила перед собой на прилавке кусочки темного самодельного мыла. Торговля шла бойко, чем и привлекла к себе внимание гольтибы. Двое урок приметили, что всю выручку баба бросает в ведро, на которое тут же садится. Тогда один из ворюшек берет кусочек мыла и радостно восклицает: «О! Шоколад!» и начинает его грызть. Продавица вопит: «Брось, скаженный! Цэ мыло!». Но урка продолжает его жевать, пятясь подальше от прилавка. На вкус мыло оказалось ужасным – глаза ворюшки выпучились, со рта потекла пена. Баба подхватывается, догоняет «сладкоежку» и отбирает кусок. В этот момент его напарник успевает подменить ведро с деньгами. Продавица не подозревая, что потеряла всю дневную выручку, садится успокоенно на ведро и торгует дальше».

Еще с начала XX столетия на Евбазе особое положение занимали продавцы часов. Главная задача мошенников-«часовщиков» – солидно преподнести свой товар. Половина часов чудесным образом работала в руках продавцов, но спустя несколько часов после покупки останавливалась навсегда. После войны на базарах появилось множество хороших трофейных часов и обманывать покупателей уже не было смысла. Наоборот, участились случаи обмана самих «часовщиков». Так, подходит к продавцу хорошо одетый молодой человек и спрашивает:

– Часы идут? Дайте послушать, – и берет самые дорогие котлы. Продавец спокоен – покупатель на вид приличный человек. Последний сжимает часы в кулаке и подносит к уху:

– Ага! Идут, идут... О! Убежали!

Затем подносит кулак к лицу продавца и разжимает его – на ладони пусто, часы исчезли. Дело в том, что урка держал часы по хитрому – так, чтобы два ремешка сложились вместе и торчали назад, выглядывая между большим и указательным пальцами сжатого кулака. Сзади подкрадывался его поделник и аккуратно вытягивал часы за торчащие кончики ремешков.

На послевоенных базарах хорошим спросом пользовались камешки кремня для зажигалок. Вору было достаточно незаметно лизнуть подушечку указательного пальца, а затем, словно оцени-

вая, провести им по разложенному товару. Два-три камешка оставались прилипшими на пальце.

До и после войны в Киеве существовали целые «босаяцкие дома», где обитали самогонщики, воры, проститутки и сутенеры. Подобное злачное место на улице Декабристов описал В.Терно: *«В халупах содержались воровские притоны, ютились проститутки. Здесь совершались темные сделки, пряталось и сбывалось краденое»*. Галицкую площадь окружали ветхие хибарки, а дальше – в районе улиц Дмитриевской, Воровского и Тургеневской – квартал лачуг с обшарпанными магазинчиками. В подвалах домов с проходными дворами собирался всевозможный уголовный сброд. Отряды конной милиции проводили здесь облавы, сопровождавшиеся криками и стрельбой. Один из старых домов, существовавший в районе ул. Дмитриевская, 30-34, был полностью заселен шмарами*. У «красного фонаря» можно было подслушать забавный жаргон «ночных бабочек»: *«Я такая, что не проходите мимо! Один тухлый фраерок задумал поточить свой свисток, а лопатник* то худой. Мой шмаровоз* как дал ему по рогам – баклан* и накрылся зонтиком»*. В притонах недалеко от Евбаза отсиживались уголовники, сбывалось краденое, устраивались попойки и процветал разврат. По воспоминаниям О. Ясинского, неподалеку, в подвале дома №21 по Дмитриевской улице, пряталась маленькая синагога. На первом этаже дома между ул. Дмитриевской и Златоустовской существовал ресторан «дяди Яши», где собиралась лихая публика с Евбаза. На кухне находился черный ход, через который можно было выйти во дворик и спастись от облавы.

Вспоминает Ю. Бубнов: *«После войны шпана с Евбаза находила ночлег в нашем доме на Воровского, 51. Беспризорники спали в подъездах, прямо на ковриках под дверьми квартир. Запах стоял довольно тяжелый – видимо они справляли малую нужду прямо под лестницей. Интересно, что жильцов дома эта шпана никогда не трогала. Могли окружить и «раздеть» лишь чужих, проходящих. Поэтому, чтобы гостей никто не обидел, их приходилось встречать у дома и провожать до самой квартиры»*.

Школа №63 на улице Гоголевской, где учился мой старший брат Валентин, считалась «босаяцкой». Помню, как недалеко от будущего Сенного рынка, мы каждое утро пробирались проход-

ными дворами в школу. В полутемных арках, за домом №19 по улице Воровского, нас поджидали босяки. Обычно они окружали школьника, отвеивали ему парочку оплеух и отбирали завтрак.

Еще один хулиган – глухонемой мальчишка, любил поджидать нас на углу улиц Воровского и Гоголевской. Обычное его развлечение – влечь пощечину зазевавшемуся школьнику и убежать. Однажды дождливым грозовым утром я отправился в школу. Глухонемой стоял у угла дома, держась одной рукой за водосточную трубу. Другую руку он протянул ко мне для рукопожатия. Я автоматически пожал руку и получил довольно сильный удар током. Глухонемой залился смехом – разряд прошел через него без каких либо последствий.

Расскажу об одной игре, из-за которой в наших парадных часто шатались перила. Игра называлась «майки» [московские мальчишки называли ее «чекан». – **Прим. автора**] – от слова «маять», то есть, часто двигать («мельтешить») ногой. «Майку» для игры мы делали так: брали старую кроличью шапку и вырезали из нее кружочек диаметром около пяти сантиметров. Свинец мы добывали в парадных наших домов. Стойки лестничных перил крепились в углублениях гранитных ступеней и заливались расплавленным свинцом. Этот свинец мы выковыривали и плавил на костре в консервной банке (лучше всего подходили «золотые» банки из-под американской тушенки).

Один из наших пацанов хранил в своей схованке финку – запрещенное холодное оружие. Этим ножом он вырубал из полученного свинцового блинчика квадратик размером с пятикопеечную монету. Затем в этом квадратике гвоздиком пробивали два отверстия. Через эти отверстия продевали проволоку, с помощью которой крепили свинец к тыльной (там где кожа) стороне мехового кружочка. Получался довольно упругий и аэродинамичный снаряд. Игра напоминала набивание мяча: побеждал тот, кто больше всех подбрасывал ногой снаряд, не давая ему упасть на землю. Причем, вокруг игрока чертился круг, который он во время набивания не имел право покидать. Среди нас были настоящие рекордсмены, на чьем счету было по несколько сотен «очков». Детское воображение окружило игру в «майки» ореолом подлинного драматизма. Ходили легенды об одном мальчике, пос-

тавившем абсолютный рекорд в набивании. Его сердце, якобы, под конец игры не выдержало и остановилось. Другому рекордсмену, набившему чуть меньше «очков», ампутировали ногу».

Кроме свинца мальчишки контактировали с таким вредным металлом, как ртуть. Хранили ее обычно в текстолитовых солдатских медальонах, приносили в школу и увлеченно гоняли во время перемен. Вспоминает мой друг Сергей Артемьевич Л.: «Иногда, чтобы купить вкусных пирожков и газировки, мы решились на довольно опасную операцию. Разбивали градусник, ртуть сливали в спичечный коробок, где смешивали ее с мелкозернистым песком. Затем брали медную трехкопеечную монету (ширина 22 мм) и бросали ее в полученный состав. Оставалось только натереть монетку о кусочек войлока или рукав шерстяного свитера – она приобретала цвет и блеск никелевой двадцатикопеечной монеты (ширина 21,8 мм). Затем, показывая монетку только гербом, просили кого-нибудь из взрослых разменять ее».

Рядом с Евбазом, на углу Дмитриевской и Воровского существовал магазин, который все называли «Босяцким». Вспоминает Д. Шимановский: «В магазине целыми днями слонялись темные личности, пропитанные водкой, махоркой и матом. Они периодически навещали наш вечно распахнутый подъезд [в доме на ул. Дмитриевской, 1. – **Прим. автора**], оставляя после себя неистребимый аромат блевотины и мочи. В магазине надо было соблюдать сверхосторожность: у покупателей обрезали сумки с продуктами, выкрадывали кошельки с деньгами». Нередко уголовники прямо в магазине сбывали краденое. Ю. Бубнов: «Однажды зимой у «Босяцкого» магазина беспризорники у меня чуть было не «срезали» коньки. Родители подарили мне пару беговых «гаг» [«гаги» – искаженно от названия «Хаген» – фамилии норвежского изобретателя коньков. – **Прим. автора**], которые крепились с помощью веревок и специальной дощечки к ботинкам. К счастью, мне удалось смыться от босяков и спасти свое ценное имущество. Почему магазин назывался «Босяцким»? Дело в том, что этот магазин «крышевали», как сейчас принято говорить, местные евбазовские босяки. Для того, чтобы попасть в магазин, необходимо было пройти через «тамбур», состоящий из двух больших дверей и пространства между ними. [Вход в магазин находился в

угловой части здания. – **Прим. автора]** *Внутри «тамбура» постоянно «дежурило» 4-5 босяков, которые «встречали» покупателей. Конечно, они выбирали наиболее незащищенных людей – детей, слабых мужчин и женщин. Оттирали жертву в угол, выворачивали ей карманы, залазили даже в белье (покупатели часто заворачивали деньги в платок и прятали в трусах) и пинком выпроваживали из магазина. Итак, представим, что нам повезло – нас не тронули и мы попали в магазин. Прямо располагался бакалейный отдел, у которого всегда стояла длинная очередь. Продавец считал необходимым в обязательном порядке спросить покупателя о его здоровье, о его родственниках, делах на работе и т.д. Никто в очереди не обижался и не торопил события – каждый знал, что когда подойдет его черед, он будет говорить с продавцом столько, сколько нужно. Практически все покупатели знали друг друга. С левой стороны находился так называемый «штучный» отдел. Усамого продавца все называли – дядя Миша. Он продавал папирсы, спички, мыло и всякую мелочь. На прилавке стояла большая стеклянная конусная емкость с томатным соком, которую Миша по мере опустошения заполнял из банок. Кроме того, он вполне официально продавал на разлив водку. Таким образом, можно было наблюдать следующую цепочку: покупатели стояли в очереди в бакалейный отдел и после обязательной беседы и покупки, плавно перемещались в очередь к дяде Мише. Правда, это были преимущественно мужчины».*

Местные бакалейщики, продавая колбасу, любили презрительно осведомляться: «И это все?». Тем самым, призывая покупателя потратиться еще на что-нибудь. Один еврей-бакалейщик, так же как и дядя Миша, торговал водкой на разлив на Евбазе. Однажды к нему в буфет заглянул подвыпивший малолетний хулиган с Нивок – Ванька-босяк. Шалопай потребовал сто грамм водки, залпом их выпил и направился к выходу. Продавец строго прокричал ему в след: «Давай, рассчитывайся!». Хулиган повернулся и резко ответил: «Сейчас рассчитаюсь...». Выхватил из-за пазухи ТТ и одним выстрелом уложил бакалейщика наповал. Ваньке дали «злотик с десяткой»*, которые он отсидел «от звонка до звонка».

В киевских трамваях успешно орудовали карманные воры, многие из которых обучались своему «ремеслу» у Мишани

Крысы. Об этом легендарном воре вспоминает Л. Коныхов: «*Был такой пожилой, седоусый, с тросточкой, в черном пальто и белом шарфе. Он воровал еще при царе Николае, скрывался в недрах Подола, где и вел свою школу, обучал и воспитывал для отживающего преступного дела*». Вспоминает Ю. Бубнов: «*Однажды я с отцом возвращался с Житнего рынка. На базаре мы купили парочку прекрасных голубей, спрятали их за пазуху и сели в трамвай. Уже недалеко от Евбазы в переполненном вагоне раздался истошный крик: «Вор! Он украл у меня кошелек!»*».

Кричала женщина, у которой порезали сумку. Обычно, воровским инструментом служила заточенная трехкопеечная монета, которую вор зажимал между пальцами. Некоторые ошибочно называли ее «пиской». Типичная угроза бандита того времени: «Я тебя напишу!».* То есть – порежу лицо воровским инструментом. Сами карманники, по воровским законам тех лет, не имели права трогать простых граждан. На моих глазах мужчина, стоявший рядом с пострадавшей, развернулся к вору и ударил его в лицо каким-то свертком. Лицо урки мгновенно покрылось кровавыми точками. Оказывается, мужчина перевозил в хустке (платке) большую горсть гвоздей. Израненного воришку подхватил его напарник и помог выйти на ближайшей остановке.

В связи с ростом карманных краж милиция была вынуждена сформировать специальные оперативные группы, которые в штатском патрулировали рынки, трамваи и остановки. Лето 1946 года выдалось очень жарким – киевляне были вынуждены оставлять на ночь окна открытыми, чем успешно пользовались грабители. Они забрасывали в окна квартир длинные проволоки с крючками на концах. Довольно часто воришкам удавалось вытянуть одежду, которую хозяева вешали на стулья или клали на тумбочки. На вокзале подобным способом вытягивали у зазевавшихся пассажиров вещи и сумки. Как только трогался состав, в окна вагонов забрасывались крепкие веревки с привязанными якорьками. Обычно грабителям удавалось зацепить вещи и поклажу, оставляемую на полках и столиках купе. Однажды одной даме зацепили и изодрали шикарное платье, в котором она ехала на море. Бывало, что подобный воровской инструмент наносил серьезные ранения зазевавшимся гражданам.

13. ШПАНА С ОКРАИН

Послевоенные тяготы сплотили детей на улицах, но безотцовщина и занятость родителей плохо сказалась на их воспитании. В 1944 году структуры, занимавшиеся детской преступностью, разработали целую программу с целью вырвать пацанов с улицы и приквартальных дворов. Основой должна была стать физическая и техническая подготовка. По всей стране открылись детские и юношеские секции игровых видов спорта, бокса, легкой атлетики. Но во все времена главным для мальчишек оставался футбол. Например, курневская команда с Липлиновки вызывала на поединок лучших игроков с частного сектора Репьяхова Яра. Во время оккупации шулявская шпана проникала на стадион «Старт», где наблюдала за всеми «матчами смерти». В Терно: *«На стадион вход был платным, но шантрапу пропускали. Некоторые ребята бежали на все матчи»*. В 1945 году мальчишки пробрались и на первый матч возобновившегося чемпионата СССР. Тогда, на стадионе «Динамо», спустя лишь четыре дня после окончания войны, киевляне принимали московский «Локомотив». Вспоминает А. Парунов: *«Перед матчем стадион окружали одинокие фигуры милиционеров, задача которых состояла в том, чтобы воспрепятствовать проникновению через ограду таких болельщиков, как мы. Составлялась стратегия операции: два-три человека делали вид, что устремляются к ограде, отвлекая милиционера, а в это время человек десять уже успевали перемахнуть через забор»*. Зимой сражались в хоккей: расчищали от снега небольшой прямоугольник двора, из дерева мастерили клюшки, из каблуков вырезали шайбы (порой гоняли консервную банку или замороженную картошку), из обложек старых книг делали защитные щитки для вратарей. Особым шиком считалось играть в танковом шлеме, заменяющим хоккейный (последних в то время еще не выпускали).

Вспоминает Ю. Платонов: *«Открывались ДТС – Детские Технические Станции, где обучали основам радио, фотографии, авиамоделизма и судомоделизма. Записаться в них было легко, спрашивали только, как хорошо ты занимаешься в школе. В школах открывались кружки – зоологические, географические и технические. Существовали также заводские клубы и спортивные*

секции. Так, в Доме Культуры завода «Большевик» (проспект Победы, 38) открылся шахматно-шашечный и авиамодельный кружок, секции по боксу и акробатике, театр-студия. При КВО (Киевском Военном Округе) построили плавательный бассейн. В Манеж я ходил на прыжки в воду (сейчас там Институт Физкультуры), на улице Левашова располагалась моя секция по боксу, при стадионе «Динамо» был спортзал, где я занимался акробатикой. Существовали также музыкальные кружки и студии изобразительного искусства. Причем все это было бесплатно, только выби-рай! Детские билеты в кино стоили всего десять копеек. Для ма-льшей существовали так называемые «Игротеки», где настоль-ные игры можно было брать на прокат. На улице Свердлова (Прорезной) открылся кинотеатр для детей и юношества. Мно-гих учеников в школах презентовали билетами. Позднее появились мотокружки – ребята повзрослели, обзавелись мотоциклами и отчаянно носились по ярам». Представляет интерес история появ-ления в семье Бубновых мотоцикла Indian-741 В. После разгрома немцев под Москвой Серпуховский мотозавод начал собирать по лицензии и поставляемым по запчастям из США мотоциклы Indian и Harley. Данный экземпляр Indian-741 В был захвачен немцами как трофей и оказался в Киеве. Затем в ноябре 1943 года он был брошен при отступлении подразделений Вермахта в районе Евба-за. Григорий Лукич спрятал мотоцикл прямо во дворе – в хозяйст-венном помещении двухэтажного флигеля.

Вспоминает Ю. Бубнов: «В начале 1950-х годов я очень ув-лекся плаванием и стал членом ДСШ – «Детской Спортивной Школы», а позднее – ЮСШ – юношеской. Принимал участие во многих соревнованиях. Тренировки проходили в 25-ти метровом бассейне во Дворце физкультуры и спорта, который находился на улице Красноармейской, около центрального стадиона. Помню, как наш тренер ходил по бортику бассейна с длинной палкой в ру-ке – на тот случай, если кому-нибудь из ребят понадобится по-мощь, так как большинство из нас были худые и слабые. Запомни-лся пар над водой и сильный запах хлорки в бассейне».

А. Смирнов: «В те времена у подрастающего поколения тяги к спорту было куда больше, чем у нынешней молодежи. Не сдать нормативы ГТО [«Готов к Труд и Обороне», на первой

странице обложки изображен значок послевоенного образца. – **Прим. автора]** *среди мальчишек считалось зазорным, а показать результаты лучше – это уже было поводом для гордости... Поэтому спортивные секции тех лет были переполнены*.

После освобождения Киева единственный работающий кинотеатр в центре города – «Комсомолец Украины», находился на улице Свердлова (Прорезной). Чтобы попасть на сеанс, приходилось пробираться через развалины по узким тропинкам, спотыкаясь о горы битого кирпича. Кино в этом здании «крутили» до 1986 года, пока там не открылся Молодежный театр. После войны в Киеве возвели множество летних кинотеатров. Свою простоту они переняли у военных кинопередвижек: пространство с экраном огораживали деревянным забором, устанавливали лавки и кинотеатр готов. В 1949 году на склонах Днепра возвели печально известный Зеленый театр. Вместивший четыре тысячи человек, он был очень популярным в 1950-е годы. Летом здесь устраивали концерты и крутили художественные фильмы. Правда, подобные открытые кинотеатры не были защищены от дождя и комаров.

Вспоминает Л. Васильев: *«Лишь немногие трофейные фильмы шли в главных кинотеатрах города. Основной поток протекал через маленькие кинотеатрики и многочисленные ведомственные клубы. Этих клубов было в городе множество. Были клубы Совмина, Министерства внутренних дел, Госбезопасности, трамвайщиков, пицеевиков, работников искусства (Рабис), заводские клубы, дворцы культуры разных предприятий и просто клубы без всяких названий. В них были маленькие залы и помещались они, часто, в каких-то подвальных помещениях».*

Ю. Бубнов: *«Еще были незабываемые походы в кинотеатр «Ударник», который находился недалеко от нашего дома, практически на углу улиц Тургеневской и Чкалова. За несколько дней до начала похода мы собирались во дворе и выбирали, чья очередь идти за билетами. Запомнились фильмы «Тарзан», «Мститель из Эльдorado», «Три мушкетера», «Сети шпионажа» и «Индийская гробница». После сеанса мы собирались во дворе и, перебивая друг друга, обсуждали действия героев. Особенно нам нравилось как метают ножи в «Мстителе из Эльдorado», драки на шпагах в «Трех мушкетерах» и прыжки Тарзана на лианах. Часто, подра-*

жая Тарзану, ребята так кричали, что срывали голос. Из веревок и проволоки собирали подобие «лиан», так называемые «тарзанки», с которых иногда срывались и ломали конечности. А песню из американского фильма «Три мушкетера» напевали и насвистывали с утра до вечера. До сих пор помню эту мелодию и переименованные английские слова на русский лад: «Вар-вар-вар-вар-Варвара – Варваре сорок лет. Варвару съели волки – Варвары больше нет».

Но не смотря на все усилия, приложенные государством и родителями, хулиганство среди «детей улиц» процветало. Бывало, что пацаны пробирались на чужие дворы, разжигали костер и бросали в него куски покрышек – от черного дыма развешенное белье становилось грязно-серого цвета. Или просто старались попасть по нему грязным мячом. Дворовая шпана рано приучалась к курению и проводила много времени за поисками беников*. Модным считалось ругаться, вворачивая блатные выражения и сложные фразеологизмы. Ходила даже поговорка: *«Ругается, как шулявская шпана»* (до войны своим озорством и хулиганством «славился» частный сектор у Черной горы). Редкие типы владели «малым морским загибом» – «искусством» матерно выражаться десять минут без единого повторения. Одной из причин, побудивших власти в 1954 году возобновить совместное обучение мальчиков и девочек, было ухудшение дисциплины в мужских школах.

Вспоминает А. Козлов – знаменитый «Козел на саксе» из монолога А. Филипенко: *«Мат, «феня», наколки, фиксы, малокозырки, тельники, прохаря, чубчики, особая походка и манера сплевывать слюну – все это было обычными атрибутами не только сирот – «огольцов» и профессиональных воров, а и простых пионеров-школьников из обычных семей»*. Вспоминает В. Галкин: *«Блатные и приблатненные урчата (воришки) носили в конце 40-х годов кепочки с кнопочками и пришитым козырьком, клиновые; ходили в белых кашне, с поднятыми воротниками пальто, брюки клеи, чтоб ботинки были закрыты»*.

Побоища «стенка на стенку» прекрасно описал В. Терно: *«Рылись подземные «штабы», сооружались дозорные посты и оружейные арсеналы, в которых хранились рогатки, самодельные сабли и пики. А также самопалы. Разыгрывались локальные бои или настоящие сражения, когда шли «улица на улицу». Часто они*

переходили в настоящее побоище. Противоборствующие стороны подчас несли ощутимые «боевые потери», в том числе настоящие травмы. Тем не менее все же это были забавы».

После войны во многих дворах, парках и пустырях сохранились траншеи и щели, куда прятались от воздушных налетов местные жители. Позднее, когда начали прокладывать газопровод, количество траншей еще более увеличилось. Это были излюбленные места киевской детворы, где прятались, прыгали и бросались комьями земли. Город, с его развалинами, воронками и траншеями прекрасно подходил для военных игр и прятков. Обычные подвалы превращались в «штабы» или убежища. И конечно, пацаны что-нибудь подрывали – готовые или самодельные заряды. Например, в гильзу от мелкокалиберной винтовки нарезали серу из спичек. Гильзу плотно зажимали плоскогубцами, обматывали ватой, заливали воском и поджигали.

Вспоминает Ю. Бубнов: *«Мой брат Валентин старше меня на семь лет. В его обязанности входило после занятий в школе (№63 на ул. Гоголевской) забирать меня из детсада и гулять до возвращения родителей с работы. Как правило, он приходил в детсадик не один, а с друзьями-«шпаной». В то время ребенка, который не учился играть на музыкальных инструментах, или, на худой конец, не был отличником, автоматически зачисляли в «шпану». В свою очередь, отчаянные мальчишки не любили звать в свою компанию «скрипачей» и «очкариков». Вот такой «шпаной» были мой брат и его товарищи по двору».*

Обычно, мы проводили время на Евбазе – брат оставлял меня у какого-то рундука, а сам с друзьями отправлялся вглубь базара. Возвращались они с полными карманами яблок и груш, а за пазухой у каждого – вкусные пирожки. Затем мы отправлялись во двор и поднимались на чердак, где у нас было что-то вроде «штаба». Там мы делили добычу, а старшие ребята вещали о своих «подвигах». Позднее я догадался, как они добывали фрукты и пирожки – «шпана» таскала их у нерасторопных продавцов Евбазы».

С малых лет я помню будку сапожника, стоящую чуть правее от подъезда нашего дома на Воровского. Когда бабушка водила меня в детсад на улицу Павловскую, то предупреждала, что «если я не буду слушаться» – она отдаст меня этому дяде. И

мне, маленькому ребенку, было действительно страшно! Эта колоритная личность подтверждала пословицу: «Пьян, как сапожник». Мама и бабушка говорили, что сапожник сидел на этом месте до войны, во время оккупации и до конца 1940-х годов. И всегда оставался пьян!

Вы знаете, что такое «пробочники»? Так называли пугачи – самодельные револьверы, отлитые из олова и раскрашенные нитролаком. Помню, что раскрашены они были всегда в красные и зеленые цвета. Конструкция «пробочника» была следующей: позади ствола находилась пружина, в конце которой крепился заточенный гвоздь и предохранительный винт. На корпусе пугача была сделана выемка, в которую при оттягивании пружины попадал винт. Держа револьвер на вытянутой руке, отвернувшись и, часто закрыв глаза, нужно было пальцем выдавить винт из выемки. Острый конец гвоздя попадал в так называемую пробку и раздавался жуткий выстрел, от которого закладывало уши. Очень часто, после двух-трех таких выстрелов отваливался ствол. Сама пробка была устроена следующим образом: размяченный черный хлеб скатывался в форму, напоминающая пробку от бутылки. Размер ее должен был быть таким, чтобы в ствол она входила с усилием. С тыльной стороны делалась выемка, в которую насыпалась измельченная сера от спичек, по крайней мере, мы так считали. Все это удовольствие можно было купить на Евбазе только у сапожников. Сколько все это стоило, я не помню, но «пробочники» были практически у всех ребят и приобретались неоднократно. Лучшие пугачи отливали сапожники, обитавшие на углу улиц Тургеневская и Чкалова. [Вспоминает В. Терно: «Пробка для пугача стоила 5 копеек. Он был отлит из олова, был похож на настоящий револьвер и стоил 1 рубль 50 копеек». – **Прим. автора**]

Раньше ключи к врезным замкам, со стороны бородки, были на треть высверлены. Эту полость мы заполняли серой от спичек и взрывали, ударяя по ней гвоздем. Иногда мы делали «водяные бомбы». Для этого мы отправлялись в тир, расположенный в районе современного стадиона СКА или в Пушкинский парк – на выставку трофейного оружия. Там мы собирали отстрелянные гильзы, как я определил позднее – от винтовки Мосина. Гильзу за-

полняли водой, а свободный конец расплющивали и плотно заклепывали. Затем в дворовом туалете из щепочек и кусочков бумаги разжигали небольшой костер. Дожидались «посетителя», бросали «бомбу» в огонь и убегали. Под воздействием температуры вода расширялась и разрывала гильзу. От оглушительного взрыва перепуганный сосед выбежал во двор, держась обеими руками за растянутые штаны.

Еще мы делали «гранаты». Для этого брали два больших болта и гайку. На один из болтов наматывали несколько витков гайку, заполняли пространство серой, а затем вплотную наматывали второй болт. Забирались на крышу и бросали «гранату» вниз на булыжники, которыми был вымощен двор. После оглушительного взрыва из дома выскакивали жильцы и искали «этих сволочей», то есть нас. Однажды осколок пробил окно одной из квартир, где в это время находились жильцы, и попал в шкаф. В результате была вызвана милиция и нам пришлось спрятаться. По сравнению с этим, в школе у нас были совершенно «безобидные» увлечения. Например, мы брали обычное стальное перо для чернил – а самыми популярными были у нас №86 и так называемая «селедочка» – расщепляли хвостик пера и крепили к нему стабилизатор, сделанный из четвертинки тетрадного листа. Получалось очень точное метательное оружие. В то время, когда учитель что-то писал на доске, стоя спиной к нам, два-три, а иногда и больше «дротика» втыкались в доску рядом с его рукой. Некоторые учителя привыкли к этому настолько, что лишь укоризненно смотрели на нас и качали головой».

А. Смирнов упоминает, как он вместе с местной шантрапой воровал сладости с кондитерской фабрики: «В самом начале нашей операции по изъятию сладостей я залезал на дерево и внимательно наблюдал за территорией фабрики с тем, чтобы вовремя подать сигнал к отступлению. Частенько так и происходило, только вот ребятам удавалось скрыться, бросившись врассыпную, а меня, не успевшего спуститься на землю со своего наблюдательного пункта, отводили в отделение милиции». Располагалась кондитерская фабрика, так называемая «Конфетка», на Дмитриевской, 25. Об этой фабрике вспоминает Ю. Бубнов: «Бывало, что ребята с нашего двора совершали набеги на «Конфет-

ку». Уже учась в старших классах, мы ходили туда несколько раз на экскурсии. Нам разрешали есть конфеты и шоколада столько, сколько пожелаем, но с собой выносить было нельзя».

Жесткие условия послевоенных дворов воспитывали в подростках стойкость, умение переносить боль, держать язык за зубами и честь, когда необходимо было постоять за свой двор. Гогочек* никогда и нигде не уважали. Кто лгал, зазнавался, хвастался и жадничал – заслуживал всеобщего презрения. Подобные пороки наказывались не только во дворе, но и в школе. После уроков нарушитель мог заслужить большой «облом» – от одноклассников по голове портфелем. Отношения выясняли обычно на пустырях, подальше от взрослых глаз. Многие школьники носили фуражки – перед дракой козырьки разворачивали к затылку, чтобы при удобном случае ударить противника головой. Но если последний вместо своего носа подставлял лоб – больно было обоим. А. Смирнов: *«Раз или два в неделю мы во дворе выясняли, кто из нас был сильнее. Это называлось «стукалками» – проигрывал тот, у кого первым пойдет кровь из носа... Случались у нас и драки «улица на улицу». Я более всего тогда не хотел выглядеть слабаком, поэтому учился драться, старался никогда не проигрывать. Улица дала мне самостоятельность и научила справедливости».*

А. Макаров упомянул в своей энциклопедии, как в XIX столетии некоторые кавалеры «дам душили». Перед балом или званым ужином они специально густо натирали сапоги дегтем. Одной из самых вредных шалостей послевоенной детворы была такая: летним вечером в парке у танцплощадки рассыпать нюхательный табак. Сыпали прямо на дорожки у осветительных ламп. Табак от высокой температуры источал такой резкий запах, что некоторые девчонки убегали домой. Иногда жертвами детворы становился духовой оркестр. Мальчишки запасались цитрусовыми и усаживались в первых рядах летнего театра. Затем, превозмогая кислый вкус, начинали жевать лимоны. Было забавно наблюдать, как трубачи с раздутыми щеками пытаются отвернуться от ребят. Но тщетно: словно некая гипнотическая сила притягивала их взоры к шалунам. От вида поедаемого целиком кислого лимона, у музыкантов начиналось интенсивное слюноотделение. Играть становилось невозможно и срывались целые музыкальные номера.

О детских шалостях с карбидом кальция пишет Д. Малаков: *«Карбид бросали в бутылку, доливали воду, закупоривали и бросались врассыпную. Через какое-то время образовавшийся газ выстреливал или даже разрывал бутылку. В школе было и такое развлечение: бросали карбид в чернильницу «невывайку», после чего чернила превращались в прозрачную жидкость. Один раз так мы сорвали ответственную контрольную работу. С каждой парты слышалось: «А у меня не пишет!». Иногда кусочки карбида обкладывали комками влажной земли, а сверху всаживали металлическую трубочку и поджигали. Получался забавный мини-завод, выпускающий пламя из трубы.*

Вспоминает А. Ляшенко: *«Мы забирались на дровяные сараи, где загорали и играли в карты. Нагретые солнцем крыши вечерами сохраняли для нас тепло. Пределом мечтаний было приобрести финку и метать ее во дворе, на зависть друзьям. Финка была популярной в блатной среде, стоила больше сотни рублей и считалась запрещенным видом оружия. Однажды я принялся швырять свой перочинный нож в дверь дровяного сарая. Вдруг дверь приоткрылась и к нам заглянула соседская девчонка. Нож пролетел рядом с ее шеей – я испугался и бросил эту затею.*

Фальшивую фикса делали из серебристой шоколадной фольги, накручивая ее на зуб. А золотые коронки вырезали из консервной банки. Разговаривали, обычно, оттопырив верхнюю губу, чтобы фикса была видна. Ходили, надвинув кепку-«лондонку» из букле на глаза, в кирзовых сапогах с отворотами. Иногда для «понта» отращивали длинный ноготь на мизинце. Особенно популярны были татуировки. Среди классических с именами владельцев, любимых девочек и надписей типа *«Не забуду мать родную»*, встречались и шуточные. Например, на ягодице выкалывали рисунок рабочего с лопатой. При ходьбе она двигалась и казалось, что источник бросает уголь в срамное место. Обладателя подобной татуировки у нас прозвали *«Паровозом»*. Но любовь к татуировкам приводила и к трагедиям. Один смельчак решил обзавестись татуировкой *«майка с трусами»*. Рисунок по размеру очень большой и когда он был почти готов, паренек получил заражение крови и скончался».

14. ОРУЖИЕ И ВЗРЫВЧАТКА

Послевоенный Киев был переполнен оружием – трофейным, подобранным на местах боев и просто похищенным. Отступая, немцы часто бросали оружие, боеприпасы и продукты, чтобы уйти налегке. В Украине только за май-июнь 1944 года у населения было изъято 1646 пулеметов и автоматов, 8350 винтовок, 420 пистолетов и револьверов, несколько тысяч гранат. Всего за два месяца – вооружение практически мотострелкового корпуса!

На базарах финский нож с наборной ручкой стоил сто рублей. По воспоминаниям О. Ясинского, огнестрельное оружие на Евбазе обычно предлагали в туалете, чтобы в случае опасности сбросить его в выгребную яму. В 1944 году при Покровском монастыре находился госпиталь, где у раненых красноармейцев можно было довольно дешево приобрести трофейное оружие. Пистолет «Вальтер» отдавали по цене двух буханок хлеба – за 200 рублей, «Парабеллум» можно было выменять за пять бутылок водки. Вообще, водка и питьевой (этиловый) спирт были самыми ходовыми товарами. Например, студенты военных академий (особенно будущие армейские медики) имели доступ к спирту и успешно выменивали его на продукты. Спирт часто воровали со складов и предприятий: 19 декабря 1947 года под Киевом за вооруженное ограбление было задержано шесть рабочих. Как выяснилось, грабители в масках уезжали из города, прихватив с собой 2376 литров этилового спирта.

Оружия скопилось очень много – особенно на военных складах. Иногда у военнослужащих выменивали пистолеты, винтовки и даже автоматы. Так ППШ и полмешка патронов к нему стоил примерно 1 тыс. рублей (полторы-две средней зарплаты). Пользовался спросом отечественный пистолет ТТ, несмотря на то, что он имел серьезный недостаток в конструкции предохранителя. Из-за последнего происходили многочисленные несчастные случаи. Так в «Настольной книге следователя» существовала глава, в которой рассматривались типичные «самострелы» ТТ от удара при падении. В Киеве был случай, когда выходящий из трамвая уголовник выронил из кармана пистолет системы Токарева. Произошел непреднамеренный выстрел, убивший случайного прохожего.

Много оружия находили при расчистке развалин и прокладки траншей (для кабелей, водо- и газопровода). Советские револьверы и наганы обычно находили при расчистке выгребных ям и туалетов. В сентябре 1941 года спасавшиеся бегством красноармейцы избавлялись от своего оружия, переодевались в гражданскую одежду и покидали Киев. Спустя два года подобным образом Киев покидали «доблестные бойцы» Вермахта. Ю. Бубнов: *«В нашем дворе на первом этаже здания, в помещении бывшего склада, был оборудован общественный туалет. Все его называли почему-то «Бомбоубежище». Это был, если не ошибаюсь, 1954 год. Наш дворник – тетя Дуня, решила почистить засорившейся канализационный колодец и открыла чугунную крышку люка. Она тщательно ворошила в глубине зловонной жижи специальными «граблями» с узкими и длинными зубьями. И вот, совершенно неожиданно, стала извлекать на поверхность револьверы и пистолеты. Они были ржавыми, с истлевшими деревянными накладками на рукоятках – «щечками», как мы их называли. Вскоре возле открытого люка собралась приличная груда оружия. Все этого происходило на глазах мальчишек, которые тут же сбежали со всего двора. Мы принялись растаскивать пистолеты и револьверы, несмотря на ругань дворника. Позднее я определил, что схватил «парабеллум», а мой друг – ТТ. Напрасно Дуня гонялась за нами по всем двору – в ее отсутствие самые дерзкие подбегали к канализационному люку и тащили оставшееся оружие. Наша выходка закончилась весьма плачевно. Дворник вызвала милицию и участковый обошел все квартиры в нашем дворе. Под угрозой открыть уголовное дело мы вернули все оружие. Да еще были наказаны родителями за то, что явились домой в фекалиях».*

На городских свалках скопилось несметное количество ящиков и гильз от снарядов, попадались каски и противогазы. Оружие, патроны, снаряды и амуницию находили в лесах, в заброшенных зданиях и складах, вдоль грунтовых и железнодорожных дорог. Так, по воспоминаниям Г. Малакова, рядом с железной дорогой у Святошинского моста находилось кладбище неисправных самолетов. В. Баканов пишет, что после войны Куреневский парк и прилегающие к ней территории использовались для хозяйственно-восстановительных нужд. Здесь разместились огромная

металлобаза, на которую для переработки свозили с мест боев танки, бронетранспортеры и самолеты. Среди подбитой техники постоянно копошились пацаны, разыскивающие военные сувениры.

После боев трофейные команды и местные жители собирали ненужный хлам и сбрасывали его в ближайшие овраги или выгребные ямы. Обычно этот «мусор» состоял из отдельных боеприпасов, поврежденной амуниции и оружия. Особая удача ждала тех, кто находил заброшенные блиндажи или полузасыпанные окопы. Немцы, опасаясь партизан, часто возводили бункеры и ДЗОТы вдоль железных дорог. Большого всего брошенного оружия и боеприпасов можно было отыскать в районах, где непосредственно проходили боевые действия. В Киеве – это Голосеевский лес, Совские пруды, Мышеловка, Корчеватое.

Мальчишки часто рылись в городских развалинах, не смотря на опасность погибнуть под ветхими конструкциями. Часто в руинах можно было уловить сладковатый запах разложения, пробивавшийся сквозь многометровые завалы. Проходили годы – вчерашние школьники поступали в вузы, откуда их каждую осень принудительно отправляли на уборку урожая. В Киевской области проходило много боев, поэтому студенты «на картошке» нередко находили останки бойцов и сопутствующие им артефакты.

23 февраля 1945 года в Пушкинском парке открылась выставка трофейной военной техники. При входе на специальном постаменте возвышалось оружие победителей – советская 203-мм гаубица Б-4. В парке застыли стальные монстры разрушения – немецкие танки, самоходные орудия и бронетранспортеры. По воспоминаниям Г. Малакова, бронетехника стояла в центре небольшой площадки, окруженной деревьями. Однажды Георгий со своими друзьями забрался в танк Т-IV, чтобы согреться и позавтракать. Подобный эпизод из жизни известного актера и режиссера рассказал А. Шестаков: *«Не имея возможности устроиться в общежитии, Леонид Быков приспособил для жилища немецкий танк, стоявший на выставке трофейного оружия в Пушкинском парке».*

В те годы выставку трофейного оружия охранял ночной сторож, которого знала вся шулявская шпана. За деньги или водку он пропускал пацанов на охраняемую территорию. Сторож выделял полчаса на разграбление музея, а сам отправлялся в обход по

парковой зоне. По условию, до его возвращения ребята должны были покинуть все павильоны. О павильонах выставки вспоминает В. Терно: *«В отдельных витринах грудами лежали железные кресты, мадьярские, итальянские и румынские ордена... Я видел у некоторых своих сверстников, проживавших на Шулявке, не только немецкие «кресты», но и экзотические японские ордена, доставшиеся им «по наследству» от бывшей трофейной выставки»*. Ордена и медали находились в отдельном павильоне – длинном одноэтажном строении, напоминавшем барак. Там стояли манекены, облаченные в форму различных родов войск и званий. Между манекенами находились небольшие витрины на ножках, закамуфлированных для красоты соломенными «сапожками». На витринах под стеклом лежали кинжалы, кортики, ордена, медали, значки, медальоны, пряжки от ремней, документы и т.д. Вожделенное огнестрельное оружие хранилось в стальных ящиках за замками, намертво крепилось к стендам или подвешивалось высоко под потолком.

Настоящий футбольный мяч в то время был роскошью. Он стоил дорого, мог легко разорваться или стать трофеем старших ребят с соседних дворов. В киевских двориках обычно играли тяжелыми тряпичными мячами. Поэтому внимание юных футболистов привлекал выставленный на поляне у павильонов немецкий бронетранспортер SD Kfz.251/20. Для бесшумности хода и предохранения дорог с твердым покрытием от разрушения он снабжался специальными резиновыми подушками (они крепились болтами на внешней стороне траков). За полчаса ребята стремились отрезать как можно больше резины с бронетранспортера. Из таких «подушек» получались превосходные и довольно легкие мячи.

Еще один пример «конверсии» поведал мне Ю. Бубнов. В первой половине XX столетия среди советской детворы было популярно развлечение – катание обруча. Металлический обруч, обычно от бочки, гоняли перед собой специальной «кочергой». К «кочерге» крепился спичечный коробок, в котором лежали «запчасти» для обруча – шурупы, гвоздики, шайбы. Среди обручей особенно популярной считалась «Звездочка» из нержавеющей стали. «Звездочкой» являлся диск от коробки передач немецкого танка или полугусеничного бронетранспортера. Из-за маленьких зубчи-

ков, аккуратно выточенных по краям, «Звездочка» громко звенела во время движения. Еще детвора любила строить на ручейках игрушечные водяные мельницы. Для водяных колес лучше всего подходили хвостики от минометных мин. Колеса от хвостовых частей самолетов использовали для самодельных тачек.

В 1951 году в СССР вышел закон о запрете пропаганды войны. Из-за него постепенно закрывались все выставки трофейной техники. Напуганные любители военной атрибутики избавлялись от своих коллекций. «Выставка образцов трофейного оружия» в Пушкинском парке просуществовала еще несколько лет, пока бронированный «зверинец» Вермахта не отправили на переплавку. К тому времени стальные монстры превратились в общественные туалеты. Спустя несколько лет на территории парка обосновалась нелегальная толкучка меломанов, на которой торговали запрещенным винилом. Посреди аллей и зеленых насаждений посетителей развлекал летний театр. К сожалению, театр не сохранился до наших дней – сейчас на его месте располагается ресторан. Исчезли кафе, танцплощадка и концертно-танцевальный зал «Лиры» (теперь на его месте расположен выставочный центр).

Пишет А. Парунов: *«В Ботаническом саду немцы оставили, по всей вероятности, такой же арсенал, как в парке Шевченко, только не успели его взорвать. [В старом ботсаду находился также советский склад боеприпасов, который был взорван перед отступлением в ночь на 19 сентября 1941 года. – Прим. автора] И вот любопытное подрастающее поколение добралось до этих боеприпасов, которые практически никем не охранялись... В школе появились мешочки с порохом, настоящие оружейные патроны. Из мешочков порох в небольших количествах высыпался сверху на печки-буржуйки, и получался этакий миниатюрный фейерверк, сопровождаемый боевыми ароматами. Когда кончался порох, курочили патроны и высыпали содержимое гильзы на печку».*

Про Ботанический сад им. Фомина упоминает Ю. Бубнов: *«Это был, если мне не изменяет память, 1948 год. Иногда мой брат с друзьями водили меня в старый Ботанический сад. Первое время они оставляли меня на лавочке у входа, а сами куда-то уходили. Возвращались с какими-то маленькими серебристыми квадратиками, выстилали ими дорожку и поджигали (это был порох).*

Раза два они брали меня с собой, мы спускались в большой овраг (он сохранился и по сей день) и залазили в какие-то блиндажи или землянки. Там стояли закрытые и открытые ящики со снарядами и гранатами. Мне запомнилось, что эти гранаты были с очень длинными ручками. [Немецкие Stielhandgranate или просто «колодушки». – **Прим. автора**] Однажды, один из ребят взял гранату, и когда мы вышли из оврага, бросил ее вниз. Раздался страшный грохот. Я помню, что мой брат схватил меня, посадил на «копки-баранки» [плечи, верхняя часть спины; буквально – сидеть на плечах. – **Прим. автора**] и побежал. Нас поймали прибежавшие с улицы солдаты и долго не отпускали. Как пацаны выкрутились из этой скверной истории, я не помню. Наверное, нас просто пожалели и отпустили».

В своей книге В. Терно описал «военный полигон» – здание ватной фабрики, расположенное на Третьей Дачной. Там шулявские мальчишки любили поджигать патроны или взрыватели. Зброшенное предприятие отличалось особенно толстыми стенами, гасившими звуки стрельбы и взрывов. Для опасных игр использовали также развалины цехов завода «Большевик» на углу Брест-Литовского шоссе и Второго Дачного переулка. Случались и трагедии, когда пацаны подрывались при попытках разобрать боеприпасы. По сей день особенно опасными считаются снаряды от советского 45-мм орудия. Из боеприпасов пацаны добывали детонаторы и тол, которым топили печки.

Вспоминает К. Фонтаний: «Шел 1942 год. Я, как и мои сверстники, любил разбирать и подрывать боеприпасы. Недалеко от нашего дома валялась небольшая минометная мина. Я аккуратно извлек взрыватель, а саму мину бросил в костер. Все успели спрятаться, кроме самого организатора баловства. Мина взорвалась очень быстро, да так, что меня отбросило от костра. Довольно крупный осколок угодил мне выше колена и вырвал клочок плоти. Из перебитой артерии хлынула струя крови. Находясь в шоковом состоянии и не чувствуя боли, я почему-то побежал в сторону оврага, но вскоре обессилел от кровопотери и упал. Ребята позвали на помощь мою маму и других взрослых – меня быстро нашли и перебинтовали ногу. Затем положили на телегу и отвезли в ближайшее село, где жил фельдшер. Фельдшера на месте не оказа-

лось, но вместо него вызвался помочь счетовод. Он достал перочинный нож, подержал лезвие над огнем и ковырнул мою рану. Осколок, вместе с почерневшими сгустками крови, выпал на землю. Добровольные «санитары» крепко перебинтовали ногу и посоветовали нам отправиться в больницу. Но все городские больницы были заполнены ранеными и больными бойцами Вермахта. Ни один немецкий врач не захотел оказать нам помощь, более того – простым жителям оккупированных территорий не выделялись лекарства. К счастью, моя мама договорилась с одним бывшим советским врачом, работающим в немецком госпитале. Он разрешил положить меня в конюшню, размещенной при немецкой больнице. Немцы широко применяли в своих войсках гужевого транспорт. Лежал я в «лошадиных яслях», где обычно содержат молодняк с кобылами. Лошади поначалу меня недоверчиво обнюхивали и фыркали, но потом привыкли и даже облизывали. В «яслях» я провалялся две недели, периодически теряя сознание от боли и кровопотери. Каждый день меня навещала мама – будила и кормила, иногда заходил наш врач. Он в тайне от немцев приносил мне лекарства и делал уколы. К счастью, моему молодому организму удалось справиться с серьезным ранением».

Вспоминает Ю. Платонов: «Со мной на Шулявке жил мой двоюродный брат Коля. Он был старше меня на несколько лет и во время оккупации оставался с родителями в Киеве. Колька был большим любителем оружия и при любой возможности тащил домой все подряд. Особенно он преуспел в «конфискации» во время отступления немцев в ноябре 1943 году. Брат жил, как и я, в частном доме. Во дворе стоял сарай, приспособленный под хлев, где его мама держала корову. На горище этого сарая Колька организовал свой секретный склад. В его коллекции были немецкие саперные лопаты, штыки, ножи и кинжалы. Хранилось несколько пистолетов, винтовок и даже автомат. Стоял ящик с немецкими гранатами, лежали мешочки с длинным артиллерийским порохом – всего не вспомнить и не перечесть.

Шел 1948 год, я с компанией более старших товарищей отправился в соседний район – Куреневку. [Здесь испокон веков держали поросят и курей, выращивали редиску и капусту, снабжая продуктами весь Киев. Поэтому этот район часто называли «ба-

рыжным». До трагедии 1961 года на Куреневке строили в основном одноэтажные частные домики. Они возвышались среди заросших сорняками пустырей, огородов и мест выпаса коз. Многочисленные хибарки с верандами и голубятнями, пчелиными уликами и сараями, облепливали откосы холмов и оврагов. По грязным немощеным улицам бегала всякая живность – собаки, кошки, куры, козы и поросята. Лишь в середине 1960-х годов в районе появились первые многоэтажные жилые дома – «хрущевки». – **Прим. автора]**

На Куреневке мы ловили рыбу, стреляли воробьев, купались и, чего греха таить, опустошали фруктовые сады в частном секторе. Куреневка и соседний Сырец были отличными местами отдыха – здесь протекало множество малых рек и ручьев [канав, в простонародье. – Прим. автора], образующих настоящие заливные луга у склонов холмов. Над речками протянулись деревянные мостики, сидя на которых, можно было стирать одежду или ловить рыбу. Еще я любил купаться в теплых ручьях, протекающих в Репяховом Яру – «Киевской Швейцарии». Здесь водилась мелкая рыбешка и били многочисленные источники. Древние склоны яра были изрыты таинственными пещерами. Куреневка, как и Шулявка, была известна своей ипаной. Из-за соображений безопасности мы не ходили туда по одиночке, а только группой. Бывало, что куреневские босяки совершали набеги на Шулявку, отбирали у наших ребят футбольные мячи и самокаты. Смельчаков, пытавшихся дать отпор, могли хорошенько поколотить.

В тот день мы отправились «на Куреневку через духовку» (так тогда шутили) с конкретной целью – наказать одного из главных обидчиков. Колька с друзьями знал район, где куреневский босяк обычно прохаживался. Всю дорогу брат держал какой-то предмет под рубахой, периодически поправляя за спиной ремень. К вечеру мои друзья схватили хулигана и затащили в разрушенное здание – остов без крыши и перекрытий. Я думал, что разборка ограничится строгим предупреждением и несколькими тумаками. Но ребята потащили босяка вглубь развалин и поставили у стенки. Это несколько не испугало хулигана – он лишь скалился своими дешевыми фиксами. Вдруг Колька достает из-за спины «шмайсер» [правильное название автомата МП-40. – Прим. автора], а из

кармана обойму и вставляет ее в автомат. Затем он поворачивается к босяку и с улыбкой передергивает затвор. Курневский хулиган был в шоке – он не верил своим глазам! Вся его спесь улетучилась в одно мгновение. И тут Колька выпускает длинную очередь поверх головы босяка – с противоположной стены брызнули осколки кирпича, запахло порохом. Хулиган упал как подкошенный – на его штанах расплылось мокрое пятно.

Наказав обидчика, мы довольные отправились домой. Но нашлись свидетели, которые услышали выстрелы и позвонили куда следует. На Курневку выехала полторка с милиционерами и оцепила квартал с развалинами. Но мы уже были по пути к Шулявке и огибали Бабий Яр. Служители порядка заходили в каждый двор и опрашивали прохожих в поисках свидетелей. Вскоре им попался наш босяк, заикавшийся от страха. Кое-как он смог объяснить милиционерам, что с ним произошло. На следующий день к Кольке нагрянули с обыском, конфисковали все оружие и боеприпасы. К счастью, брат легко отделался – его не выгнали со школы и не отправили в колонию. Кроме всего прочего, у Кольки конфисковали немецкий миномет, с помощью которого мы глушили рыбу.

Прошли годы... Частный сектор на Шулявке снесли, фруктовые сады вырубил, а ручьи в Репяховом Яру, где мы любили купаться, замуровали в трубы. Колины родители получили квартиру в Дарнице и наша дружба, к сожалению, прервалась».

Эта история с оружием кажется просто невероятной. Но вот, что поведал руководитель киевской организации ветеранов войны Жорж Дыгас. В январе 1944 года он был направлен в киевский детский дом. Тогда город был просто завален оружием, как советским, так и немецким: «Каждый мальчишка имел если не автомат, то пистолет. И раз в неделю к нам на Липки приезжал милицейский фургон, из которого по громкоговорителю объявляли: «Эй, шпана! Сдавайте оружие!». Мы шли и сдавали. А зачем его держать? Завтра пойдем по подвалам и новое насобираем».

Конечно, танки в сараях не стояли, но немецкие военные мотоциклы с пулеметами в колясках встречаться могли. Из-за поломок и отсутствия топлива немцы, отступая, бросали мотоциклы в многочисленных киевских оврагах или затапливали в реках.

15. ОХОТА И РЫБАЛКА

Вспоминает А. Ляшенко: *«Воробьев ловить тяжело – птица очень смысленная и хитрая. Может запоминать птицелова по фигуре, походке и лицу. Чаще всего, с помощью сеток и силков, мы охотились на диких голубей. Перья не выщипывали, только перочинными ножиками потрошили тушки, затем обмазывали их глиной и пекли на костре. Остывший и затвердевший панцирь отдирали от приготовленной тушки прямо с перьями. Готовое мясо было сочным, так как все соки оставались внутри. Позднее я узнал, что подобным способом птицу запекали еще казаки времен Богдана Хмельницкого.*

Иногда я с друзьями ходил в район Караваяевых дач. В том месте, где сейчас расположен мост и железнодорожная станция, обитало множество дроздов. Осенью эти «любители рябины» собирались в большие стаи. Птицы почти не боялись человека и подпускали к себе довольно близко. Мы с помощью сеток отлавливали пернатых десятками и довольные отправлялись домой. Утром я отвозил дроздов на подольский Птичий рынок, где оптом сбывал их знакомому продавцу.

Я знал места на прудах и речушках, где в большом количестве водились раки. Бывало, что мы ловили мелкую рыбешку, зачерпывая ее старыми плетеными корзинами. Обычно так ловят рыбу, забившиеся в камыши. Если корзин не было, мы использовали собственные рубашки. Вечерами на отмелях можно было поймать ярких молодых щук. Для этого к палке привязывали капроновую леску, у самого берега находили дремлющую рыбу и осторожно к ее голове заводили петлю. Доводили леску до середины спины и дергали с силой в сторону берега. Однажды таким способом я наловил ведро мелких щук длиной сантиметров 30-35. Червей копали на свалках или в огородах, где был чернозем.

Во время войны в районе Речного вокзала из воды возвышались корпуса полузатопленных кораблей и катеров. Постепенно все суда были подняты и акватория очищена. На днепровских кручах сохранились остатки немецких зенитных батарей. Больше всего их располагалось в районе мостов. Здесь мы собирали гильзы от немецких зениток «FlaK». Помню – плывет большой катер,

один отдыхающий заплыл на середину реки и была опасность, что его затянет под винты. Капитан вышел на палубу и начал материться в рупор: ругался он с потрясающим, просто спортивным азартом, вычурно и с крепкими выражениями... Я нырнул под воду и услышал монотонное постукивание двигателя. Тут же представил себя акустиком подводной лодки, вычисляющим местонахождение и направление вражеского корабля. Однажды я своей кепкой поймал огромного карпа – он не мог погрузиться и бессильно барахтался на поверхности. Взрослые рыбаки подсказали, что у карпа паразит в плавательном пузыре. Это не помешало нам выпотрошить и поджарить его на углях.

Но такой крупный улов был для нас редкостью. Обычно мы ловили мелкую рыбешку в районе лодочной станции на Подоле. Там на мелководье стояли лодки, привязанные под водой цепями к большим камням. Недалеко от причала мы затопливали старые автомобильные покрышки и небольшие металлические трубы (длиной до 1 м, диаметром 8-15 см). Рыба любит прятаться в подобных искусственных укрытиях. Из труб и скатов мы доставали бычков черного цвета, которых прозвали «цыганами». А из-под камней светлых бычков – пескарей (их цвет был похож на речной песок, отсюда и название). Пескари особенно ценились нашими родителями за привлекательный цвет и большой размер».

В районе, где сейчас расположено монументальное здание ЗАГСа, находилась нефтебаза. Там стояли большие емкости с топливом – нефтью, бензином и керосином (отсюда и название близлежащей улицы – Керосинная). Во время оккупации нефтебазу охранял часовой в раскрашенной цветными полосами будке. Рядом находились озера и запруды Лыбиди. Водоемы были глубокие – в них плавали на лодках и ловили рыбу. Позднее, после закрытия нефтебазы, на ее территории образовалась книжная «толкучка».

Вспоминает К. Фонтаний: *«После боев на полях осталось множество противопехотных мин – маленьких таких, размером с кусок мыла. Я умел их обезвреживать... Правда, однажды, капсюльный взрыватель повредил мне несколько пальцев, не порвав, к счастью, сухожилий. Мины я связывал в брикеты по десять штук, но только в одной, расположенной в центре, оставлял взрыватель. Одну веревку я привязывал к брикету, а вторую – к*

взрывателю. Осторожно опускал связку мин на дно, затем выбирал укрытие на берегу и дергал за веревку, привязанную к взрывателю. Почти мгновенно над озером с грохотом взметался столб воды. Иногда взрыва не происходило, тогда я поднимал брикет на берег и заменял взрыватель».

В. Баканов в своих воспоминаниях о послевоенном Киеве упоминает о рыбаках-браконьерах. Они бросали гранаты в заповедные пруды с экзотическими рыбками Киевского зоопарка. Вспоминает Ю. Платонов: «Хорошо помню, как мы покупали в аптеках борную кислоту, смешивали ее с хлебом и лепили круглые мякиши. Затем бросали их в пруд или небольшую речушку. Несколько приравненных рыб обязательно всплывало на поверхность. Еще мы глушили рыбу с помощью карбида. Карбид кальция в изобилии встречался на стройках и во дворах, где сварщики прокладывали газопровод. Для изготовления «газовой бомбы» находили прочную бутылку, лучше всего из-под шампанского. Заполняли ее водой, чуть меньше половины. Через горлышко аккуратно просовывали мешочек из сетки, наполненный кусочками карбида. Мешочек закрепляли так, чтобы он не касался воды. Затем в бутылку плотно загоняли пробку и крепили ее проволокой. К бутылке привязывали груз, чтобы она сразу уходила на дно. Карбид, смешиваясь с водой, выделял большое количество газа и самодельная «бомба» взрывалась. Со дна доносился приглушенный хлопок и вслед за пузырями на поверхность всплывала рыба. Рыбу следовало как можно быстрее собрать, пока она не опустилась на дно.

У Кольки был целый ящик «трофейных» гранат. Мы пробовали кидать их в воду, но немецкие «колотушки» с длинными деревянными ручками плохо тонули и взрывались у поверхности. Тогда кто-то предложил глушить рыбу с помощью Колькиного десантного миномета.

Перед рыбалкой Коля собирал наиболее крепких своих друзей. Мы разбирали миномет, самый старший и сильный нес опорную плиту, а другие – ствол и несколько килограммовых мин. И всей компанией – человек в пять-семь, в обход Бабьего Яра, отправлялись на Куреневку. Там, между улицами Сырецкая и Казарменная-Фруктовая, находились большие озера. [Несколько из них сохранилось до наших дней. – Прим. автора]

Дальность стрельбы ротной мортирки была от 60 м до 500 метров, поэтому мы пристраивали миномет в метрах 70-100 от берега. Мина выстреливалась с громким хлопком, а через пару секунд у берега поднимался столб воды, перемешанный с грязью. Благодаря своей скорости, мина не взрывалась сразу у поверхности – она почти достигала дна, подрывалась и подымала вверх ил. Рыбы было много и хватало на всех. Конечно, тяжело было нести миномет и улов, пробираясь через яры. Но зато наши родители и дворовые коты оставались очень довольными.

Через несколько месяцев Колькин склад оружия конфисковали и мы уже не организовывали подобные рискованные экспедиции. Вспоминая свое детство, я с удивлением отмечаю, какими мы были в те времена самостоятельными и смелыми. Многих озер уже не существует, но в некоторых под илом еще лежат осколки и хвосты от наших мин».

Мои друзья – историки и археологи, которым я рассказывал о необычной рыбалке, не верили, что мина может взорваться, ударившись о поверхность воды. Но я выяснил, что это был немецкий 50-мм легкий миномет (5 cm leGrW 36). Эта мортирка была создана в 1936 году фирмой «Рейнметалл» и входила в состав вооружения пехотной роты Вермахта из расчета один миномет на пехотный взвод. Ими частично комплектовались Fallschirmjager – немецкие десантные подразделения.

Мины 5 cm leGrW 36 снабжались настолько чувствительным взрывателем, что правила эксплуатации предусматривали прекращение стрельбы в сильный дождь – он мог вызвать подрыв мины при выходе из ствола (рисунок миномета из немецкой инструкции по эксплуатации изображен на последней странице обложки). Немудрено, что подобные мины легко подрывались при контакте с поверхностью воды. Весили они чуть меньше килограмма.

А сам миномет весил 14 кг и в походном положении разбирался на две части – ствол и опорную плиту. Мортирка легко переносилась, хотя опорная плита весила довольно много – 11 кг. Изобретатели предусмотрели даже транспортировку 5 cm leGrW 36 на раме велосипеда. В собранном состоянии миномет переносили за специальную рукоять, приделанную к стволу.

16. КИЕВСКИЕ ГОЛУБИ

Традиции содержать породистых голубей уже несколько столетий. Этих птиц любили цари, множество голубятен находилось на купеческих подворьях, при церквях и монастырях. Известно, что еще в 1877 году некий Романов держал у себя на Саперной Слободке пять десятков породистых голубей в большой двухэтажной голубятне. В Россию почтовые голуби, для организации военно-голубиных станций, были специально завезены из Бельгии в 1885 году. В Киеве профессионально занимались содержанием и разведением голубей еще с конца XIX столетия. В 1890 году было создано первое общество голубиноного спорта, а с 1893 года начал издаваться «Вестник голубиноного спорта», повествующий о работе общества. При советской власти решение об использовании почтовых голубей в интересах обороны было принято в 1925 году. В 1930 году было издано и первое «Руководство по боевой подготовке войск связи РККА для частей военного голубеводства».

22 октября 1941 года в Киеве появился приказ немецкого коменданта: «Все голуби, которые есть в Киеве и в предместьях, должны быть немедленно уничтожены. Кто после 26 октября будет держать еще голубей, тот будет расстрелян как саботажник». Вскоре за невыполнение приказа казнили известного голубевода Ивана Максимова (почтовые голуби могли использоваться киевскими подпольщиками для связи; в наше время зафиксированы случаи, когда с помощью голубей в тюрьмы заключенным доставлялись пакетики с наркотиками). Несмотря на смертельную опасность, находились смельчаки, прятавшие у себя по несколько пар самых ценных пород. Подобных птиц – турманов, чаек и статных оккупанты вывозили в Германию, а остальных – уничтожали. Среди немцев встречались страстные любители голубей, использующих служебное положение для поиска лучших представителей ценных пород. Нередко офицеры Вермахта проводили в городе специальную оперативную работу по выявлению киевлян, содержащих элитных голубей.

Но, к сожалению, большинство породистых птиц было просто уничтожено. Немецкая власть опасалась, что с помощью почтовых голубей партизанские и диверсионные отряды будут

поддерживать связь со своими агентами в городе. На фронте на почтовые породы голубей немцы усиленно охотились, вследствие чего их численность заметно сократилась. Крылатые связисты погибали от осколков, пуль, а также от нападений адресированных немцами ястребов-перехватчиков. За каждые два месяца войны в советских частях погибало в среднем до 30% обученных голубей. В связи с такими потерями после войны в СССР долгое время не организовывались состязания почтовых голубей.

В послевоенное время приходилось экономить на всем, чтобы купить парочку породистых птиц. Обычно голубей приобретали у знакомых – владельцев голубятен, либо на базарах Пододола и Кожемяк. Наиболее известный Подольский рынок находился на улице Нижний Вал, в районе современного крытого рынка и прилегающих к нему территорий.

В те годы голубятни стояли во многих дворах, особенно на окраине – в частных секторах. Их сколачивали из всего, что попало под руку: из старых досок, с облупившейся краской, ржавых листов железа и оконных рам. Голубятни обычно размещали на сараях и красили в синий цвет – считалось, что этот цвет больше всего привлекает птиц. Встречались и те, кто держал голубей на чердаках собственных домов. Даже жильцы верхних этажей держали у окон породистых птиц. Белые, бурые, красно-бокие, красно-латые, красно-рябые, чубато-лохматые, мошно-ногие, рябо-головые, с хохолком и без. Птиц отличали по видам: спортивные, бойцовские («бойные») и почтовые («почтари»). Декоративные породы называли в шутку «декорацией».

Хозяева ежедневно «гоняли» своих питомцев, чем приводили детвору в неопишуемый восторг. Часто выполняли «подкидку» – подбрасывали вверх ленивых птиц. Для хорошей формы и развития голуби должны летать по несколько часов в день. Каждый хозяин старался, чтобы его стая находилась в полете дольше и поднималась выше всех. Существовали птицы с красивым «столбовым» полетом, но их было мало и они часто терялись. Домой в голубятню стая возвращалась по свисту своего хозяина. Причем свист у каждого из них был особый, индивидуальный. Мальчишки любили поднимать голубей свистом и палками («махалками»), к которым привязывали тряпки. В поисках отдыхающих стаяк они

лазили по чужим чердакам и сараям. На крышах по ночам собирали еле живых птиц, прибитых дождем или бурей.

Как уже упоминалась выше, в военные годы погибло очень много породистых птиц, что сказалось на нехватке генетического материала. Популяции медленно восстанавливались путем завоза голубей из районов, не подвергшихся оккупации. Уже в начале октября 1955 года в Киеве состоялась первая городская выставка породистых голубей. Она проходила в Первомайском парке и длилась всего два дня, но интерес к ней превзошел все ожидания.

Породистых голубей содержать нелегко – за ними нужен постоянный уход. Декоративные виды подвержены многим заболеваниям и требуют постоянного контроля за состоянием породы. Часто за дорогими птицами охотились хозяева голубятен из других дворов (к слову сказать, случаи воровства почтовых голубей случались в Киеве еще в конце 1880-х годов; по решению мировых судей, слишком рьяные голубеводы получали до нескольких месяцев тюрьмы). Вспоминает В. Баканов: *«Бывали случаи и ночного воровства голубей из голубятников. Посветив немецким фонариком [особенно ценились немецкие сигнальные фонарики, меняющие по выбору свой цвет; встречались и механические фонарики-жужжалки. – Прим. автора], срывали железную штабу (металлический лист)... Заметив пропажу, хозяева шли «отбивать» своих голубей. Дралась «двор на двор», серьезно – трубами, арматурой. Были случаи – проламывали головы». Если обидчик не отдавал ворованное, то ему могли поджечь дровяной сарай. Иногда раскрытием подобных краж занималась милиция. Речь идет о редких и дорогих породах, украденных у известных коллекционеров. Например, пара «воздушных акробатов» – турманов, стоила 2-3 месячных зарплаты. Они любили кувыркаться в полете – складывали крылья и перегнувшись так, что хвост касался головы, быстро падали вниз. С земли падающие турманы напоминали вертящиеся кольца. Иногда они кувыркались с огромной высоты до самой земли и разбивались насмерть. Это бывало с засидевшимися в голубятнях нетренированными особями. Обычно же, перевернувшись раз десять, турманы опускались на крышу уже на крыльях. К сожалению, после войны эта порода стала довольно редкой.*

Иногда украденных голубей, у которых были птенцы, не удавалось вернуть. Тогда потомство выкармливал сам хозяин – варил кашу и кормил их изо рта. Голуби вырастали очень преданными своему хозяину и прилетали по первому зову. Но чаще всего голубей не воровали, а переманивали. Делалось это так: когда над двором замечали летящих чужаков, срочно подымали всю стаю. Она взлетала к непрошеным гостям, а затем неслась обратно в голубятню, увлекая их за собой. Часто мальчишки, завидев чужака по пути в школу или из окна во время урока, отпрашивались в туалет, выскакивали в открытое окно и мчались домой осаживать чужака. За это им здорово влетало от учителей и родителей.

Голубей, специально заманивающих чужаков, называли «скакунами» – увидев в небе чужака, они «соскакивали» к нему и какое-то время кружили рядом. Покружив пару часов, «скакун» начинал выманивать чужака в свою сторону, то стремительно бросаясь напрямик, то описывая вокруг него круги. Затем усаживал его на свою крышу и предоставлял хозяину поймать «гостя» сетью. Опытные «скакуны» стоили очень дорого.

Вспоминает Ю. Бубнов: *«У нас во дворе были две большие голубятни, хозяевами которых, были уже довольно взрослые люди. Иногда я наблюдал их «тайные сходки», когда вместе со своими друзьями – любителями голубей из соседних дворов, они собирались и о чем-то перешептывались. Затем каждый из голубятников клал себе за пазуху одну-две птицы. Это были, обычно, самочки – голубки. И вся компания, не спеша и соблюдая осторожность, отправлялась в район Шулявки. Там эти хитрецы выпускали своих птиц и быстро возвращались назад. На жаргоне это называлось «запустить голубку». Дома, у своих голубятен, им оставалось только ждать, кого приманят за собой птицы».*

Крылья чужаков аккуратно связывали, пока они не привыкали к новому жилищу. Иногда хозяин птиц узнавал о местонахождении своих пропавших любимцев. Цена выкупа в таких случаях доходила до половины стоимости птицы. Иногда голуби очень привязываются к своему дому – голубятне. Нечистые на руку хозяева продавали таких «неразлучников» на базаре, заранее зная, что они вернуться. Бывало, что голуби просто терялись – их накрывали облака или уносил сильный ветер.

Голубеводы всегда отличались страшной привязанностью к своим питомцам. Их приходилось с трудом уговаривать продать пару для разведения, причем за очень приличные деньги. Не редко, в последний момент, страстный коллекционер передумывал и возвращал покупателю деньги.

Как распознать пол птицы мне рассказал отец. Вспоминает А. Ляшенко: *«Наш сосед любил называть голубей-сизарей коричневой, напоминающей рыжину, масти – «жидками». Но при виде еврея Сёмы «старый антисемит» терялся, дрожал и прятался в сарае. Дело в том, что наш дворовой заводила Сёма обладал недюжинной силой, благодаря чему и работал грузчиком в речном порту. Не раз, разгружая баржи с херсонскими арбузами, мы тырили с ним десятки вкуснейших плодов. Бахчевые я закидывал в трюм своего плавучего крана, где прикрывал их старой ветошью. Вкус у них был отменный: арбузы шли у нас под водку.*

Моя работа в порту заслуживает отдельного рассказа. В середине 1950-х годов меня назначили крановщиком в Киевский речной порт. Я разгружал и загружал баржи в заранее подготовленные железнодорожные вагоны, которые пригоняли сюда специальные составы. Помню, как однажды прямо у причала затонула одна из барж. Она пришла порожней и ожидала погрузки металлических «чурок» – стержней длиной около пяти метров. Мой сменщик резко поднял большой пакет «чурок» и развернулся к барже. Тяжеленные стержни начали раскачиваться из стороны в сторону. Вместо того, чтобы медленно опустить груз, Колька принялся «гасить» колебания стрелой крана, от чего еще больше раскачал «чурки». При сильном наклоне стержни съехали с крепления и сорвались вниз, прошив при этом дно баржи.

Паровоз с вагонами часто подъезжал прямо под кран. Машинисты во время стоянок привыкли стравливать дым, чем приводили крановщиков в ярость: дым душил и резал глаза. Моему сменщику это надоело, однажды он специально зацепил и сорвал трубу с паровоза. Крановщики – народ лихой и многие шалости сходили им с рук.

Однажды я стал свидетелем трагического происшествия. У Спасского причала прогулочная лодка угодила прямо под баржу. Выяснилось, что хозяин лодки взял к себе на борт двух девушек.

Молодые люди какое-то время выпивали сидя в кабинке, затем за штурвал встала одна из дам. Будучи в нетрезвом состоянии, она не справилась с управлением и врезалась в пришвартованную баржу. Парочка любовников успела кинуться из кабинки за борт и спастись. К сожалению, лихая «рулевая» погибла. Я видел, как спасатели подогнали плавучий кран и подняли разбитый катер с погибшей на берег.

Но вернемся к нашим голубям. Сёма очень увлекался породистыми птицами – он держал у себя на чердаке парочку черных «жуков». Грузчик и научил меня как определять пол птицы. Если голубя слегка потянуть за клюв, то самец, в отличие от самки, всегда отдергивает голову назад. Если держать птицу за крылья и поглаживать его от груди до брюшка, самец подбирает ноги под себя, а самка нет».

Вспоминает Ю. Платонов: «У нас в Борцаговском переулке многие увлекались породистыми голубями. Наиболее увлеченным коллекционером был наш сосед Иван Платонович. Он держал в своем сарае несколько десятков птиц, каждое утро выпускал их на крышу и гонял над домом. Иван Платонович работал заведующим мясными отделами на Бессарабском рынке и мог позволить себе дорогие покупки. Однажды он приобрел у известного голубевода желтых харьковских турманов. Птицы были очень красивые, с великолепным полетом – они умели парить на одном месте и вертикально подниматься вверх. Но стоили «воздушные акробаты» безумно дорого – за каждую птицу просили 500 рублей. И так случилось, что одного из «харьковчан» сожрала соседская кошка. Стало быть, породистого выводка уже не видеть... Незадолго до этого подобная судьба постигла краснобокого николаевского турмана. Следует отметить, что наши шулявские коты своими повадками напоминали диких сельских. Они охотились на цыплят похлеще рыжего разбойника Нерона, описанного Валентином Терно. Терпение у Ивана Платоновича закончилось, чем не преминул воспользоваться любитель застолий – сосед дядя Миша. Дело в том, что после возвращения в Киев, родные подарили мне малокалиберную немецкую винтовку «Виктория». Дядя Миша поздравил меня и предложил:

– Видишь соседского кота? Сними его одним выстрелом.

Я стрелял метко, поскольку часто тренировался в самодельном тире. Тир я организовал в нашем деревянном сарае, где практиковался на спичечных коробках. После нескольких тренировок я научился попадать с десяти метров в маленького парашютиста, нарисованного на коробочке. Дядю Мишу я уважал, поэтому и согласился участвовать в «карательной акции». Каждого убитого кота дядя Миша брал за хвост и нес к Ивану Платоновичу:

– Ваня, он охотился на твоих голубей. С тебя поллитра!

Иван Платонович тут же организовывал во дворе стол с водкой и закуской. Так повторялось несколько раз, пока мой мальчишеский задор не иссяк. Мне стало жаль животных, я прекратил «охоту» и спрятал свою винтовку. Но мой старший брат Шурка имел охотничий билет и прекрасное ружье «Зауэр – три кольца». Дяде Мише удалось его уговорить разок поучаствовать в его «преступном мероприятии». Шурка обнаружил кота, сидящего на крыше дома, в метрах пятидесяти от нас. Заряд из волчьей дроби отбросил животное на противоположный скат крыши. Усатый разбойник скатился вниз и упал на участок своего хозяина – дяди Вити. Последний сразу же отправился за разъяснениями к Ивану Платоновичу.

Наш общий «банкетный стол» находился рядом с сараем-голубятней, на крыше которого и охотились коты. Иван Платонович усадил за стол разгневанного гостя и предложил выпить. Существовала опасность, что у Шурки конфискуют ружье. Но, к счастью, дядя Витя любил «поддать» и это решило исход дела. Соседи просидели за столом целый день – хорошая выпивка с закуской уладили назревавший конфликт – проблему «устаканили». К слову сказать, это был последний кот, погибший от наших рук. Надеюсь, что Бог простит нам жестокие шалости».

В наше время породистые голуби стали редкостью. Голубятни во многих дворах снесены, а на балконах эти вольные птицы не приживаются. Выпускать птиц из домашних вольеров в условиях современного города опасно – их можно легко потерять. Да и воздух уже не такой чистый, что очень важно для здоровья голубей и продолжительности их полета. На детских площадках и мусорных свалках гуляют лишь «незаконные отпрыски» былых красавцев – дикие сизари.

ЭПИЛОГ

После войны в Киеве развернулись широкомасштабные восстановительные работы. Город возрождался прямо на глазах, строил новые районы и предприятия. Прошли годы и послевоенные тяготы сменились относительным достатком. Постепенно экономический подъем изменил уклад жизни киевлян. Дух коллективизма и гостеприимства медленно умирал вместе с коммуналками. Об уходящей эпохе хорошо написал Ю. Сафонов: *«Послевоенный период уходил, унося с собой культы с протезами, нищету – она сменялась просто бедностью. Ежегодные праздники Победы становились скорее поводом для гульбищ и выпивок»*. По вечерам, некогда шумные киевские дворики, пустели. Жизнь переносилась в тесные комнаты, где обитатели увлеченно созерцали первые телевизионные передачи (до 1959 года все трансляции начинались лишь по завершению рабочего дня).

Постепенно ушли в прошлое еженедельные семейные походы в баню. Ее заменили санузлы в новых отдельных квартирах. За последние двадцать лет несколько киевских бань, в которых отмывались люди, переделали в коммерческие банки, в которых, вероятно, отмываются уже деньги. Летом по киевским дворикам уже не разносится пьянящий запах варенья. Его варили в больших медных тазах прямо на улице. Когда хозяйки варили клубнику, вся детвора сбегалась полакомиться вкусной розовой пенкой. По утрам ребята с окраин отправлялись в ближайшие парки или рощи за земляничкой. Розовощекие молочницы заносили во двор алюминиевые бидоны и крестьянское молоко попадало в детские кружки. Свежую землянику очищали, мыли и бросали вслед – в желтое от сливок молоко.

С наступлением «хрущевской оттепели» с прилавков исчезли многие деликатесы, а привычные продукты постепенно превратились в «эрзац-заменители». Кто еще помнит вкуснейшую «кровянку», расфасованную в полулитровых баночках? А домашнюю колбасу, залитую смальцем в белых фаянсовых горшочках? А маринованные белые грибы, соленые грузди и заливную осетрину? А домашнее мороженное, от которого во рту оставался жирный на-

лет? Сельтерскую, от которой кружилась голова и на глаза наворачивались слезы? И все по доступным ценам!

Уходило в прошлое ужасное военное десятилетие и в сердцах людей зарождалась надежда о счастливом будущем. Изменялась эпоха, изменялись и люди. На смену военным фуражкам, шинелям и ватникам пришли разноцветные велюровые шляпы, модные макинтоши и пальто из драп-велюра. Исчезали старые улицы и дома, зато появились новые районы и кварталы. На месте дома №39 по улице Воровского, где жила моя мама, теперь возвышается обычная «хрущовка». Уже не увидеть прекрасной лепки и вьющегося винограда. В Киеве почти не осталось зданий, увитых виноградными лозами – во избежание пожара их просто вырубili.

К счастью, сохранился дом на Воровского, 51 – табличка на его стене гласит, что это памятник архитектуры конца XIX столетия. Снесены уютные шулявские дворики, а вместе с ними и цветущие сады. Об этом скорбном факте пишет В. Терно: *«Во всей округе, включая Дачные, Полевую и Борщаговскую улицы, не осталось ни одного частного дома. Уничтожены, вырублены сады»*. Микрорайон застроен однообразными, унылыми серыми коробками – студенческими общежитиями КПИ и многоэтажками. Исчез знаменитый Евбаз – его преемником стал Центральный универмаг «Украина», похорошела и обзавелась монументальным зданием Цирка бывшая Галицкая площадь. Стоит в развалинах Сенной рынок, а на месте рынка на Владимирской площади построен «Дворец Украина». Отправился на слом знаменитый «Поплавок» – ресторан у набережной, располагавшийся в стареньком пароходе.

Послевоенное детство промелькнуло ярким метеором, оставив за собой едва различимый след воспоминаний. Мало осталось в живых «детей войны» – об этом поет А. Розенбаум: *«Срублены каютаны, умерли друзья»*. Канули в прошлое события и люди, дома и улицы. Вместе с базарами, частными домами, голубятнями, печками и примусами исчез колорит той эпохи. Сохранились лишь воспоминания, запечатленные на книжных страницах...

Светлой памяти моего друга и прекрасного редактора Вениамина Леонардовича Эппеля посвящается эта книга.

Связаться с Автором можно по e-mail:
mistikakieva@yandex.ru.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

СЛОВАРЬ ЖАРГОННЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

- Баки – то же, что и «котлы» – часы (жаргон).
Баклан – завлеченный в притон с целью ограбления клиент (жаргон).
Беники – окурки папирос или сигарет (жаргон).
Вандать – убежать, спастись бегством (жаргон).
Гогочка – буквально, «маменькин сынок» (жаргон).
Гойка – симпатичная девушка – не еврейка (жаргон).
Голдяк – массивный золотой перстень (жаргон).
Гоп-стоп – ограбление, обычно – уличное (жаргон).
Громилы – воры, производящие кражи со взломом (жаргон).
Жаба – летняя танцплощадка, позднее – некрасивая девушка или тусовщица, участница молодежных сборищ (жаргон).
Затариться – украсть, спрятать вещи под одеждой (жаргон).
Злотик с десяткой – «четвертной», 25 лет лишения свободы.
Каталы – карточные шулеры (жаргон).
Кент – молодой парень, живущий по воровским законам (жаргон).
Коцаные стиры – меченые карты (жаргон).
Кукушки – беспризорники, бездомные люди (жаргон).
Майданщик – вокзальный вор (жаргон).
Недогидахт – недоделок (идиш).
Лопатник – кошелек или портмоне.
Писка – воровская модификация опасной бритвы (жаргон). Маленький отрезок клинка, с двумя припаянными кольцами. Одевался на палец.
Синька – то же, что и ханька. Денатурат, жидкость для расжигания при- мусов, состоящая на 98% из технического спирта (жаргон).
Слямзить – украсть (жаргон).
Хорька придавить – долго и в удовольствие спать (жаргон).
Шибенник – вор-форточник (жаргон).
Шикса – девушка – не еврейка или еврейская девушка, не живущая по ев- рейским традициям (уничижительное жаргонное слово).
Шистер – сапожник (идиш).
Шмакодявка – девочка-подросток (жаргон).
Шмара – проститутка (жаргон).
Шмаровоз – сутенер, доставляющий шмар клиентам (жаргон).
Шлимазл – неудачник, глупый человек (идиш).

ПЛАН-СХЕМА ПОСЛЕВОЕННОГО ЕВБАЗА

Рис. Автора на основе топографической карты 1925 года и снимков самолетов-разведчиков люфтваффе 1943 года

1. Контур будущего здания Цирка.
2. Контур Иоанно-Златоустовской («Железной») церкви. Построена в 1871, снесена вместе с погостом в 1934. На ее месте стоял туалет и пестрела толкучка, где портные и сапожники предлагали свои изделия.
3. Ул. Воровского, 51 (здесь проживала семья Бубновых).
4. Ул. Дмитриевская, 1 («Босяцкий магазин»). Рядом торговали углем и дровами. От магазина до Златоустовской находился «Привоз» – на брусчатой мостовой располагались приезжие крестьяне с телегами. Вдоль ул. Дмитриевской и до бул. Шевченко, а также в конце ул. Воровского и у входов на рынок, стояли многочисленные сапожные будки.

5. Лабазы – продуктовые склады. Самые крупные евбазовские лабазы находились в районе нынешнего завода «Трансигнал». Строения поменьше – рундуки и крытые торговые ряды.
6. У пересечения Воровского и Дмитриевской существовал так называемый «Самогонный ряд», где продавали самогон на разлив (перваком торговали также на окраине рынка – на углу Старовокзальной улицы). Здесь же торговали искусственными цветами и стояли стекольщики.
7. Длинный ряд домов по ул. Дмитриевской: 16, 14, 12, 10, 8 (на плане современное здание Дмитриевская, 2). Торговля напротив этих домов сохранялась вплоть до 1960-х годов.
8. Здесь стояла керосинная лавка, рядом находились скобяные ларьки.
9. В начале Златоустовской улицы находился «постоялый двор» для приезжих крестьян. Неподалеку продавали жареную картошку, от которой шел чудесный аромат. Ближе к площади стоял туалет.
10. Напротив ул. Воровского существовал «Обжорный ряд». Под большими чанами разжигали костры и тут же разливали горячие борщи и супы по мискам и тарелкам, накладывали вареный картофель с подливкой. Ближе к центру существовал «Подольский уголок», где продавали всякие мелочи: сигареты, папиросную бумагу, иголки, пуговицы, наперстки, брошки, сахарин, соду, лампадное масло и прочее.
11. Здесь от Дмитриевской улицы до Чкалова располагался «молочный ряд». Через дорогу находились многочисленные столовые, постепенно вытеснившие «Обжорный ряд».
12. «Блошинный рынок» бывших в употреблении вещей находился в центре (в торговых рядах) и по периметру рынка (на свободных участках). Ближе к центру торговали всяким железом.
13. В западной части рынка стояли большие амбары для зерна и муки.
14. Там, где сейчас возвышается универмаг «Украина», находилось длинное сооружение, напоминающее барак. Оно было разделено на множество небольших помещений, здаваемых в аренду. Там были парикмахерская, ремонтные мастерские, пункт приема вторсырья, подсобные и складские помещения.
15. Трамвайная линия. Через площадь проходили маршруты №2, 9 и 13.
16. До войны торговые ряды в углу базара, расположенные напротив ул. Чкалова, были снесены (на плане данные 1925 года). На их месте, перед главными воротами, возвели фонтан. Возле него любили собираться шулера и «наперсточники». После войны там находилось кафе-мороженое.
17. Перед отступлением немцы подожгли Евбаз с трех сторон. На плане участки пожаров, уничтоживших торговые ряды и лари, приведены по данным снимков самолетов-разведчиков люфтваффе (конец ноября – начало декабря 1943 года).

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
1. Киев, голод, война (воспоминания Галины Ляшенко)	6
2. Дом на Евбазе (воспоминания семьи Бубновых)	20
3. Загадки времен оккупации	42
<i>Пекарня на Воровского и футбол. Итальянцы в Киеве.</i>	
<i>«Дом специалистов»</i>	
4. Каннибалы в оккупированном Киеве?	50
5. Послевоенный Киев	56
6. «О вкусной и здоровой пище»	68
7. Шулявка	83
8. Солдаты Вермахта – пленные и мертвые	89
9. Инвалиды и юродивые	97
10. Евбаз	104
11. «Черная кошка»: киевский след	113
12. Воры и мошенники	118
13. Шпана с окраин	134
14. Оружие и взрывчатка	143
15. Охота и рыбалка	152
16. Киевские голуби	156
Эпилог	163
Приложение:	
Словарь жаргонных слов, встречающихся в тексте	165
План-схема послевоенного Евбазы	166

Літературно-художнє видання

Ляшенко Вадим Антонович

**ВІД ЄВБАЗУ ДО ШУЛЯВКИ.
ОКУПАЦІЯ ТА ПІСЛЯВОЄННІ РОКИ**

Збірник спогадів
(Російською мовою)

Редагування і коректура автора

Підписано до друку 1.09.2013. Формат 60x84 1/16. Папір офсетний.
Гарнітура Times New Roman. Друк офсетний. Умовн. друк. арк. 8,46.
Обл.-вид. арк. 10. Наклад 300 прим.

Віддруковано ПАТ «ВІПОЛ». 03151, Київ, вул. Волинська, 60
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
серія ДК № 4404 від 31.08.2012 р.

I.Gr.W.
(ohne Maßstab)

- 2 -

